

БИБЛІОТЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА.

БИБЛІОТЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА.

№ 283.

Сергѣй Дурылинъ.

ЗА ПОЛУНОЧНЫМЪ СОЛНЦЕМЪ.

ПО ЛАПЛАНДІИ ПѢШКОМЪ и НА ЛОДКѢ.

СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ И 2-МЯ КАРТАМИ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Всеволоду Владиміровичу

Разевигу.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые очерки скитаній *„За полуночнымъ солнцемъ“* составились изъ путевыхъ замѣтокъ, веденныхъ мною во время командировки на сѣверъ, данной мнѣ Московскимъ Археологическимъ Институтомъ въ 1911 году.

Къ нимъ я счелъ нужнымъ присоединить главу о лопаряхъ, написанную какъ на основаніи существующей литературы о лопаряхъ, такъ и на основаніи собственныхъ наблюденій.

Первоначально избранныя главы предлагаемой книги были прочитаны мною въ 1912 г. въ видѣ публичныхъ лекцій въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Вязникахъ.

Приношу искреннюю благодарность В. А. Свинарской и З. З. Виноградову за разрѣшеніе воспользоваться ихъ интересными фотографическими снимками.

Книгу эту я посвящаю моему незамѣнимому спутнику В. В. Разевигу, дружески снабдившему меня большинствомъ воспроизводимыхъ здѣсь фотографій, а въ его лицѣ—и всѣмъ другимъ, вольнымъ и невольнымъ, спутникамъ моихъ скитаній по сѣверу, о которыхъ навсегда сохраню благодарную память.

I.

Свѣтлымъ путемъ.

Страхи и опасенія.—За полуночнымъ солнцемъ.—За Волгой.—Вологда.— Бурлаки и аэропланы.—Многоцвѣтныя ночи.—По Сухонѣ.—Порогъ Опоки.—Великій Устюгъ.—Большая Сѣверная Двина.

— Въ Лапландіи вѣчный снѣгъ: берите шубы,—стращаютъ меня и моего спутника добрые люди въ Москвѣ.

А любопытные люди спрашиваютъ:

— А какъ вы будете разговаривать съ лопарями? на какомъ языкѣ?

— По-русски.

— А они говорятъ?

— Да.

— Но вѣдь они язычники.

— Нѣтъ, пятьсотъ лѣтъ какъ христіане.

— А вы увидите плавучіе льды въ океанѣ?

— Океанъ около береговъ Лапландіи никогда не замерзаетъ.

— А на оленяхъ ѣхать придется?

— Господи! да вѣдь снѣгу тамъ нѣтъ. Тамъ прекрасная теплая погода лѣтомъ, какъ у насъ май.

— Счастливцы вы, господа!—завидуетъ намъ одинъ изъ провожающихъ.—Вы увидите сѣверное сіяніе. Вотъ посмотрѣть бы.

— Ничего мы не увидимъ,—сердится мой спутникъ.—Тамъ же теперь ночное солнце. Тамъ вѣчный день.

— А, понимаю. Но какъ же спать?

— То-есть какъ спать?

— Да вѣдь всегда свѣтло, вы же сами говорите...

— Да, свѣтло, очень свѣтло, но спать—спать когда нужно...

— А бѣлыхъ медвѣдей не увидите?

Мой спутникъ сердится и молчитъ.

Но теперь ужъ мы далеко отъ Москвы. Переѣхали Волгу. Сѣренькій денекъ, тусклый и заплаканный, не по-лѣтнему тихій, смотрится въ тусклую неспокойную рѣку. Маленькій поѣздъ биткомъ набитъ. Ѣдетъ тихо, часто останавливаемся на полустанкахъ и разъѣздахъ. Куда и зачѣмъ спѣшить по этой проселочной желѣзной дорогѣ? Мы ѣдемъ безъ книгъ и безъ газетъ. Въ чемоданѣ только маленькій путеводитель и географическія карты, тщательно сложенныя, тщательно подклеенныя, но—увы!—не тщательно составленныя. Въ карманахъ у насъ: у меня—командировочное свидѣтельство Московскаго Археологическаго института, по которому предоставляется и рекомендуется мнѣ отыскивать всякія древности, у моего спутника—свидѣтельство отъ Горнаго общества, гдѣ подробно указано, на какія горы въ Лапландіи собирается влѣзть мой спутникъ.

— Позвольте,—говорили намъ въ Москвѣ,—да развѣ есть въ Лапландіи горы? Тамъ болота, мохъ да олени.

— Лапландія—горная страна,—морщится мой спутникъ,—многія горы Лапландіи еще не изслѣдованы.

— Знаете что? Назовите какой-нибудь этакій тамъ пикъ: пикъ такого-то...

— Да, если норвежцы безъ насъ его уже не назвали.

Соблазнительно, конечно, разыскать какія-нибудь необыкновенныя древности, или залѣзть на неизслѣдованную вершину, что-нибудь открыть и въ честь кого-нибудь назвать,—очень соблазнительно, но еще соблазнительнѣе видѣть, видѣть и видѣть.

Мы ѣдемъ за полуночнымъ солнцемъ. Мы ѣдемъ за нимъ въ Лапландію. Если не догонимъ его тамъ, поѣдемъ на океанъ; если не поймаемъ у океана—поѣдемъ дальше въ Норвегію. Какое оно, полярное солнце? Большое, красное, страшное?—или нѣжное, золотое, милое? Я два раза былъ на сѣверѣ; я люблю свѣтлыя,—вовсе не бѣлыя, а золотистыя, радостныя сѣверныя лѣтнія ночи, я люблю свѣтящуюся тишину маленькихъ сѣверныхъ городковъ, спящихъ подъ неспящимъ свѣтомъ не вечерней, не утренней, а ночной зари; я люблю шорохъ и тайный шумъ сѣвернаго свѣтлаго лѣса, и голубые глазки лѣсныхъ озерковъ, выглядывающіе привѣтливо сквозь темные стволы розовыхъ сосенъ и темныхъ пихтъ; я люблю таин-

ственный плескъ и гульливую молвь сѣвернаго моря,—но я не видалъ полуночнаго солнца! Значитъ, я не видалъ сѣвера, я не видалъ ничего. Оно дальше, чѣмъ широководная Сѣверная Двина, чѣмъ блѣдное Поморье, чѣмъ зеленые Соловецкіе острова, чѣмъ порожистая лѣсная Онега,—дальше, дальше: оно въ Лапландіи, на бурной Имандрѣ, на океанѣ, у норвежскихъ скалъ.

Я смотрю въ окно вагона на рѣдкія вологодскія черныя деревушки, на медлительныхъ коровъ по лугамъ, на босыхъ русыхъ парней, въ однѣхъ рубахахъ и синихъ портахъ, чинящихъ желѣзнодорожное полотно,—и думаю все о немъ, о солнцѣ: какое оно? Не хочу вѣрить никакимъ описаніямъ: самъ увижу; навѣрное, оно совсѣмъ другое, и всѣмъ кажется каждому посвоему; а для меня какое будетъ?

Плетенье кружевъ—распространенный промыселъ въ Вологодской губ.

Пріѣхали въ Вологду. Дальше поѣдемъ до Архангельска по рѣкамъ: по Вологдѣ, Сухонѣ, Сѣверной Двинѣ,—по тому самому древнему пути, по которому ходили изъ Московскаго царства, а еще ранѣе—отъ Великаго Новгорода къ океану.

Почему всѣ русскіе города и городки непремѣнно хотятъ быть похожи на Москву? Такъ хорошо имъ съ ихъ маленькими деревянными разнобокими домишками, съ дремотными садами, съ покрытыми травой улицами, старинными церквушками, съ жаворонками, поющими надъ городомъ высоко, высоко,—а они хотятъ непремѣнно походить на Москву. Въ Ярославлѣ,—старинномъ, красивомъ, бойкомъ Ярославлѣ,—знакомлюсь, по вывѣскѣ, съ „мужественнымъ и дамскимъ парикмахеромъ изъ Москвы“. Въ Вологдѣ стоятъ по угламъ улицъ столбы для объявленій. На одной сторонѣ столба—знаменитый аэронавтъ собирается сдѣлать нѣсколько полетовъ на аэродромѣ (значитъ, и въ Вологдѣ XX-ый вѣкъ), на другой сторонѣ знаменитый же „путешественникъ всего міра изъ Индіи по разнымъ странамъ

свѣта, кудесникъ, астрологъ, алхимикъ и магъ Мза“ собирается предсказать вологжанамъ ихъ настоящее, прошедшее и будущее (значитъ,—какой же это въ Вологдѣ теперь вѣкъ?) А подошли мы къ рѣкѣ—къ узкой, маленькой, но глубокой Вологдѣ,—тамъ въ какой мы вѣкъ попали? Бурлаки, босые мужики, безъ шапокъ, съ отвороченными воротами рубахъ, безъ пояса, тянутъ вчетверомъ лямку по берегу, волокутъ на себѣ крутобокую баржу — и ухаютъ, и что - то подпѣваютъ безъ словъ, протяжное и унылое, и въ рѣчномъ пескѣ глубоко отпечатываются тяжкіе слѣды босыхъ упругихъ ногъ...

А рядомъ пыхтятъ пароходы; можетъ-быть, аэропланщикъ полетитъ черезъ рѣку, надъ бурлаками, — XX вѣкъ надъ XVII,—и придетъ посмотрѣть восточный человѣкъ Мза (какого вѣка—не знаю) и на бурлаковъ, и на аэропланъ...

Звонятъ къ вечернѣ; голуби воркуютъ гдѣ-то безъ устали, наѣвшись на пристани просыпаннаго зерна; пароходъ грузится; воздухъ свѣжѣетъ; приходитъ публика на пароходъ и негодуетъ, что авіаторъ не полетѣлъ, а только прыгалъ вмѣстѣ съ аэропланомъ на выгонѣ, превращенномъ въ аэродромъ, — а бурлаки все ухаютъ, ухаютъ, и медленно двигается—кажется, что совсѣмъ не двигается,—новенькая полная барка.

Матросы съ парохода раздѣваются на ходу—и ловко спрыгиваютъ въ плескающуюся воду, брыкаются, брызгаютъ, взмахиваютъ вразъ пятками надъ водой, ухарски подбрасываютъ, выскакивая изъ воды, голыя крѣпкія, молодыя тѣла, весело розовѣющія на заходящемъ солнцѣ. Кто-то свиститъ съ парохода— и вода стихаетъ, матросы обуваются, бѣгаютъ по пароходу.

Два мальчика, голоногіе, безъ шапокъ, въ дощатой, еле живой лодчонкѣ подплываютъ близко къ пароходу, выдѣлываютъ всякія штуки: вертятся колесомъ въ лодкѣ, гребутъ, хватаясь за весла ножонками, цѣпляясь большими пальцами, раскачиваютъ лодку, какъ люльку, стоя на носу. Старушка на пароходѣ, въ сѣромъ платкѣ съ зелеными травами, ахаетъ на нихъ и, при всякой новой штукѣ, вскрикиваетъ:

— Утопнутъ, ро́дные, утопнутъ!

И нагибается надъ палубной рѣшеткой, кричитъ имъ что-то, но ничего не слышно: свистятъ пароходы, воркуютъ голуби, топаютъ ногами въ трюмѣ, ругаются на пристани, звонятъ ужъ ко всенощной,—и ухаютъ, ухаютъ бурлаки...

Послѣдній свистокъ. Пароходъ отваливаетъ. Ему тѣсно на маленькой Вологдѣ. Онъ идетъ почти у самаго берега. За-

мѣтно вечерѣетъ, но какъ свѣтло, какъ свѣтло! Ночь осторожная, робкая: будто высматриваетъ, гдѣ ей лучше подкрасться, понезамѣтнѣй,—и подкрадывается у самаго берега, у воды: тамъ чернѣется темной глубокой полосой, а на серединѣ рѣки вода еще свѣтлая, живая, веселая. Сколько кустовъ наклонилось къ водѣ—и сколько въ нихъ соловьевъ! Перелетаетъ изъ куста въ кустъ соловьиная пѣсня; вылетаетъ изъ кустовъ—летитъ по рѣкѣ. Мохнатыя зеленыя лапы тянутся къ самой водѣ, а иногда, кажется, поднимаются изъ воды: орѣшникъ, ивнякъ, осинникъ, березникъ тихо трепещутъ у воды. Былъ недавно па̀водокъ: рѣка полная, самые низкіе берега залиты. И въ берегахъ, на лугахъ, въ кустахъ такъ тихо, такъ вольно, что утки вылетаютъ, спугнутыя пароходомъ, изъ-подъ самаго его носа, и, покруживъ около берега, опять возвращаются на старое мѣсто: ловить мошкару у кустовъ. Птичьи голоса—кто разберетъ, чьи и какіе?—доносятся съ луговъ, изъ кустовой чащи, изъ ближайшаго лѣска. Наступаетъ ночь—розовая ночь.

На пароходѣ ложатся спать. Гаснутъ огоньки въ окошкахъ.

Въ водѣ—розовое, далекое и странное небо, дрожитъ, дробится, плещется; сѣрыми узкими кругами отскакиваютъ волны отъ парохода. А тамъ, гдѣ вода спокойна, передъ пароходомъ и далеко на залитыхъ лугахъ,—тамъ розовая вода пересыпана нѣжными пробѣгающими искорками—легкой водяной рябью. Небо свѣтится надъ горизонтомъ и, чтобы не потускнѣло, чтобъ ночь была свѣтла, выходитъ красновато-золотая луна. Кажется, ее кто-то катитъ по водѣ, а она, тяжелая, большая, катится медленно, все свѣтлѣя, все свѣтлѣя. Наволакиваются сѣрыя тучи: то темнѣетъ воздухъ и настоящая ночь наступаетъ, то опять розовая, но тускнѣющая совсѣмъ вода и огромная луна.

Рѣка такъ полна, пароходъ идетъ такъ близко къ берегу, потому что самъ берегъ такъ близокъ и справа, и слѣва, что кажется вотъ-вотъ пароходъ расплескаетъ воду, и она выплеснется на берегъ...

Мы въѣзжаемъ въ какое-то озеро: прямо, позади, справа, слѣва—всюду вода. Да здѣсь и впрямь озеро: весною Вологда и Сухона разливаются здѣсь на 75 верстъ; а народъ назвалъ это мѣсто даже не озеро, а „Озера“.

Гудокъ пароходный гудитъ широко, жалобно, протяжно. Не понимаешь, куда поѣдетъ пароходъ: всюду рѣка. Мы

въѣхали въ Сухону. Прощай, милая маленькая, луговая, лѣсная Вологда!

— Спать, спать!—говорю я товарищу.—Не насмотришься.

— Еще немножко.

Я торжествую:

— Ага, вотъ она, сѣверная первая ночь. То-ли еще будетъ!

Свѣжій вѣтерокъ обвивается о пароходъ.

Красные маленькіе огоньки на водѣ пускаютъ красненькія тонкія дорожки. На водѣ какъ будто гомонится какой-то неясный говоръ: это плотовщики на плотахъ; какъ шашечныя клѣточки, плоты, одинъ за другимъ, стелятся по водѣ. Пароходная волна колеблетъ ихъ, раскачиваетъ, наволакиваетъ одинъ плотъ на другой. Горятъ костры. Плотовщики чайничаютъ. Гдѣ-то играетъ гармоника, и пѣсню тоскливо относитъ вѣтерокъ въ луга, въ пустоши...

Холодно.

— Спать, спать!

Я увлекаю товарища, и мы укладываемся въ каютѣ на покой.

Пароходное шумливое утро будитъ насъ.

Мы стоимъ. Топаютъ въ трюмѣ. Пароходъ грузится. Вотъ она, Сухона.

— Знаешь, она похожа на Каму,—говоритъ мой спутникъ.

Да, такая же, какъ Кама, только кто изъ нихъ безлюднѣе, тише? Высокій берегъ буграми и песчаными свалами приподнятъ надъ водой. Спокойный ровный хвойный лѣсъ на желтомъ и красномъ пескѣ и дремотная застоявшаяся зеленая тишь въ овражкахъ, въ ложбинахъ, въ логахъ, сбѣгающихъ къ рѣкѣ, перемежая собой высокіе зубцы берега съ темной зеленью неподвижнаго лѣса, — лѣсъ и тишина покоятъ безлюдную рѣку. Рѣдко, рѣдко мелькнетъ деревня, еще рѣже—село. Широкія избы изъ хорошаго лѣса тремя окнами къ рѣкѣ; крылечки—на точеныхъ столбикахъ, пузатенькихъ и смѣшныхъ— и какъ будто чугунныхъ: такіе крѣпкіе и черные; деревянная церковь подъ-стать избамъ: старинной стройки, съ маленькими окошками, и въ простомъ, въ деревянномъ своемъ убранствѣ сурово-спокойная, крѣпкая, прекрасная.

Сойти бы на берегъ, но берега высокіе, села далеко. Грузовъ мало и пароходъ убѣгаетъ скоро.

Мы, москвичи, на пароходѣ—чужеговорцы; акаемъ себѣ, а кругомъ— о, о, о; мы говоримъ медленно, а вологжане—то-

ропливо и шумливо. И лица совсѣмъ другія: больше курносыхъ, еще больше скуластыхъ, и свѣтловолосыхъ, а мутноглазые—почти всѣ: потомки финновъ, смѣшавшихся съ новгородцами,—и не финна ли до сихъ поръ въ нихъ больше, чѣмъ новгородца? Нѣтъ веселья или хоть шума, какъ на волжскомъ пароходѣ: о чемъ-то толкуютъ между собой, гуторятъ, а подойдешь—и замолчатъ.

Пристаемъ къ Дѣдову острову. На островѣ, весь въ зелени, трава свѣтлая и сочная, деревянная церковка и избы: село. Пристани нѣтъ. Бросаютъ съ пароходнаго мостика канатъ, на берегу ловятъ, поймали, притягиваютъ пароходъ поближе, къ берегу, замотали канатъ за толстый пень; бросаютъ мостки, но они шлепаются въ воду—и босой матросъ, лицомъ похожій на провинціальнаго здоровяка-гимназиста, безусый, шлепается въ воду по шею—и смѣется, стоя въ водѣ... И всѣ смѣются на берегу, на пароходѣ, выглянулъ поваръ—засмѣялся. Опять налаживаютъ мостки. И не успѣли наладить—уже снимаютъ мостки, ѣдетъ пароходъ. Зачѣмъ же приставали? Батюшкѣ—газеты, а газеты—„Епархіальныя Вѣдомости“, а въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“—одни объявленія и назначенія... Батюшка доволенъ на берегу, машетъ шляпой, а мы довольны на пароходѣ: куда спѣшить? отчего не пристать, хорошему человѣку не сдѣлать удовольствіе? Ѣдимъ въ каютѣ. Вдругъ грохотъ, трескъ, драка. Вовсе нѣтъ: пристали къ берегу, нагружаютъ дрова для машины. Тутъ, на берегу, у пристани длинныя сажени дровъ наставлены; матросы—и все босые: какъ не занозятъ, не отшибутъ ноги!—нагружаютъ ихъ въ тачки, а изъ тачекъ кидаютъ прямо въ трюмъ. Никакъ не привыкнешь къ этому дровяному шуму: до Архангельска ѣхали, и все казалось, что какая-то смертоубійственная драка въ трюмѣ,—и непремѣнно по утрамъ, когда такой крѣпкій сонъ.

Обгоняемъ плоты; все лѣсъ и лѣсъ: по берегамъ—широкошумный, вольный, лѣсъ на водѣ—спиленный, срубленный, смирный, холодный. Медленно, медленно тянутся плоты: рѣкѣ лѣнь ихъ нести, прибиваетъ ихъ къ берегу или не несетъ, а качаетъ тихо и лѣниво на мѣстѣ. А плотовщики наложили на плотъ, который въ хвостѣ, земли или желѣза ржаваго полоску, камней—и разводятъ огонь, вѣчно виситъ закоптѣлый чайникъ, лѣниво пьютъ чай, цвѣтомъ не желтѣй сухонской воды, лежатъ въ развалку на плоту, поютъ, переругиваются съ рулевымъ на пароходѣ, проплывутъ мѣсяцъ, или еще лишнюю не-

дѣлю,—не все ли равно? Когда-нибудь будутъ въ Архангельскѣ, а лѣсъ все равно уйдетъ когда-нибудь за границу.

А ночи—тихія, свѣжія, душистыя—все свѣтлѣй, все бѣлесоватѣй, золотистѣй, розовѣй...

Какими странными словами нужно ихъ называть, чтобы назвать хоть немного вѣрно: бываетъ иногда опаловая ночь. Небо—бѣлое съ золотомъ, и золото розовѣетъ въ легкомъ свѣтящемся бѣломъ небѣ, и отъ неба—вода бѣло-золотая.

— Опоки будемъ проходить ночью,—говоритъ капитанъ, а проходимъ днемъ: какая это ночь!—день, самый настоящій день, но тихій, но просвѣтленно безмолвный. Миръ сошелъ на землю—на небѣ и на землѣ одинъ и тотъ же миръ и тихій свѣтъ.

У Сухоны теченіе быстрое, торопливое, а за маленькимъ, на высокой горѣ, городкомъ Тотьмой (нѣкогда городъ опричнины Іоанна Грознаго, а теперь сонный и заспанно-красивый), Сухонѣ приходится пересѣкать Сѣверные Увалы, или, точнѣй, ихъ отвѣтвленіе,—и, по каменистому ложу, она прорывается, сжимаясь, какъ только можетъ, между высокихъ то искраснакоричневатыхъ, то бѣлыхъ береговъ, глиняныхъ, известковыхъ. Около села Порогъ на пароходъ съѣзжаетъ лоцманъ: надо проходить съ версту длиной каменный переборъ черезъ всю рѣку—Опоки. Чтобъ затруднить переходъ, Сухона вся изворачивается, кружитъ, дѣлаетъ изгибы, становится безпокойной. Видно съ парохода, какъ быстро падаетъ вода, какъ стремительно теченіе. Берега высоко надъ водой: до сорока саженей.

Неторопливо распоряжается бородатый лоцманъ, больше изъ приличія, чѣмъ отъ страху, охаютъ старушки-богомолки—совсѣмъ никому не страшно: такъ свѣтло, такая свѣтлая и такая добрая вода...

Проѣхали. Прощается лоцманъ; всѣ расходятся спать. Только слышно, какъ едва-едва шумитъ машина и журкаетъ около бортовъ вода. На носу, въ третьемъ классѣ, сидитъ мужичекъ, весь бѣлый: въ бѣлыхъ портахъ, въ бѣлой рубахѣ, съ бѣлыми ногами, и бѣлесоватыми глазами, безбровными и полудѣтскими, глядитъ на далекую, спокойную уже рѣку, крестится на церковь, жуетъ ломоть сѣраго хлѣба, опять и еще крестится, и укладывается около какого-то бѣлаго парня, прикурнувшаго у каната, и спитъ. А рядомъ съ нимъ—бабы, парни, дѣти, старики, деревенскій батюшка, худенькій, въ выцвѣтшей рясекѣ, опять мужики, бабы, парни. Всѣ спятъ. Бѣлый день, бѣлая ночь—все одинаково: спи, когда поспится, только

ночью тише: не ластятся къ пароходу бѣлогрудыя чайки, не поютъ на плотахъ.

— Два часа ночи,—говоритъ мой товарищъ и улыбается.— Просто два часа. Вторые два часа дня въ сутки.

И идешь спать потому лишь, что нужно же когда-нибудь спать.

Утромъ будитъ насъ Великій Устюгъ.

Пять было въ древней Руси *Великихъ* городовъ: Ростовъ Новгородъ, Псковъ, Луки и Устюгъ—и всѣ они теперь не великіе, а маленькіе, маленькіе.

На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь, стоитъ Устюгъ съ 1212 года, а стоялъ онъ и задолго до того времени, и былъ тогда не Устюгъ, а Глядѣнь. Вокругъ Устюга, кажется, столько же рѣкъ, сколько въ Устюгѣ церквей, но церквей все-таки больше. И старыя церкви, да старыя уцѣлѣвшія исконныя устюжскія ремесла, да попрежнему многоводная Сѣв. Двина съ Вычегдой, Сухоной, Югомъ,—только и уцѣлѣли отъ древняго Великаго Устюга.

Въ древности въ Устюгѣ была особая слобода для иноземныхъ купцовъ—на „Нѣмчиновомъ ручьѣ" (какъ и въ Москвѣ, Нѣмецкая слобода): такъ много наѣзжало въ Устюгъ по Двинѣ изъ дальнихъ земель богатыхъ гостей торговыхъ; даже св. Прокопій Устюжскій былъ, по преданію, родомъ изъ нѣмецкой земли. И для богатаго, торговаго, шумнаго Устюга нужны были двадцать шесть церквей, до сихъ поръ стоящихъ въ городѣ, и всѣ церкви—какъ соборы: большія, двухъ-этажныя каменныя, прекрасныя. Теперь же некому въ нихъ молиться обезлюдѣлъ Устюгъ.

Мы бродимъ по городу. Рано; сонно, пусто. Заходимъ въ маленькую низкую церквушку. Звонятъ къ обѣднѣ жиденькимъ надтреснутымъ звономъ, какъ будто жалуются колокола: все равно, никто не придетъ. Церковь пуста: ни одного человѣка. А посрединѣ церкви—цѣлое археологическое сокровище: огромная кафельная печь, старинная и прекрасная, изъ чудесныхъ изразцовъ, выдержанныхъ въ двухъ тонахъ—зеленомъ и бѣломъ. Изъ отдѣльныхъ кирпичей, плиточекъ, карнизовъ, наугольничковъ создается причудливый кругъ—изъ цвѣтовъ, фантастическихъ звѣрей, завитковъ, травъ и бутоновъ. На стѣнѣ, около печи, отмѣтки, на высотѣ аршина или полутора отъ пола: „рѣка Сухона заливала церковь до сихъ поръ въ 1908 году". Значитъ, все подмокло, все сырѣетъ, все ветшаетъ,

обвалится и чудесная печь,—и такъ темно, и низко, и тѣсно въ церквушкѣ, что нельзя фотографировать. Бродятъ сонныя куры по улицамъ Великаго Устюга. Сонные люди, протирая глаза, спѣшатъ къ пароходу.

На пристани, въ лавочкахъ, устюжскій исконный товаръ: шкатулки („коробки"), обитыя тонкой разноцвѣтной жестью, желѣзомъ, по которому мастеръ навелъ „морозъ"—морозные отливные матовые узоры. Если повернуть ключъ въ замкѣ такой „коробки", замокъ запоетъ, зазвенитъ, а шкатулка не откроется; „коробки" дѣлаются съ „секретомъ", съ замысловатыми замками. Это—старинное устюжское издѣлье. Но кому оно теперь нужно? Хитрые устюжскіе замки—давно ужъ не хитры для тѣхъ, кому есть что прятать. И покупаютъ ихъ только азіаты—персы да бухарцы на нижегородской и ирбитской ярмаркѣ.

А другое, еще болѣе знаменитое, устюжское ремесло, даже не ремесло, а настоящее художество, совсѣмъ ужъ пало. Это—работы чернью по серебру. Нѣкогда для московскихъ царей и ближнихъ бояръ изготовлялись здѣсь оклады для иконъ, кубки, братины, блюда, украшенія для одежды, сбруя—изъ серебра, покрытаго хитрѣйшими узорами чернью; никто не могъ сравняться съ устюжанами въ этой работѣ; даже кавказская чернь хуже, недолговѣчнѣй, незамысловатѣй устюжской. Какъ достигали устюжскіе мастера такого мастерства—ихъ тайна, передававшаяся изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну.

А теперь въ вологодской газетѣ было напечатано, что хочетъ послѣдній такой мастеръ передать „секретъ" за небольшія деньги, но охотниковъ нѣтъ.

Нѣтъ больше Великаго Устюга.

Пароходъ отходитъ послѣ долгой стоянки.

За Устюгомъ, въ четырехъ верстахъ, Сухона сливается съ мелководнымъ Югомъ и образуютъ Малую Двину. Югъ нанесъ много песку и вотъ блѣдно желтѣютъ первыя отмели, но все-таки такъ ихъ мало въ сравненіи съ Волгой.

Еще нѣсколько часовъ ѣзды—и справа показывается село Котласъ, какъ разъ у сліянія Малой Двины и Вычегды, полноводной, длинной, текущей съ Уральскихъ горъ. Отсюда начинается Большая Двина—настоящая Сѣверная Двина, настоящая кормилица Сѣвера.

Третья наша рѣка: первая Вологда—маленькая, луговая, лѣсная, вторая Сухона—гористая, широкая, лѣсная, третья

Сѣверная Двина огромная, въ лѣсистыхъ холмахъ, окруженная полями и лугами, спокойная, суровая. У сліянія съ Вычегдой—Двина безъ береговъ: только всмотрѣвшись, хочешь увѣрить глаза, что тѣ вонъ далекія полоски, линійки, это и есть берега. Бѣлыя чайки шуркаютъ надъ водой или гонятся за пароходамъ, на лету ловя хлѣбъ, бросаемый пассажирами. Бѣлыя облака отражаются въ водѣ бѣлымъ нѣжнымъ паромъ. Бѣлая рѣка катится къ Бѣлому морю.

II.

Сѣверная Двина и Бѣломорье.

Рѣка и народъ.—Двинцы и волжане.—Двинскія села.—Сѣверное добродушіе.—Гроза на Двинѣ.—На родинѣ Ломоносова.—Двинскіе протоки.—Архангельскъ.—На набережныхъ.—Сѣверный трудъ и люди.—Бѣлая ночь въ городѣ.—Устье С. Двины.—Морская ночь.

У каждой рѣки есть задушевное сходство съ тѣмъ, кто на ней живетъ. Волга и Ока—веселыя, шумливыя, свѣтлыя рѣки—и такія въ то же время печальныя, такія унылыя съ ихъ огромными, всюду пересѣкающими рѣку, отмелями, песчаными косами, сѣкущими воду, съ ихъ почти безлѣсыми берегами, съ жирной пестрой нефтью, расплывающейся безобразными пятнами и кругами по водѣ.

И житель средней Россіи—великоруссъ—ярославецъ, костромичъ, волжанинъ, плачетъ, надрывается отъ труда, напивается пьянъ, поетъ, смѣется у себя, надъ Волгой или Окой, и такъ же спутана, пестра, шумлива его жизнь, какъ эти пестрыя, шумныя рѣки.

А Сѣверная Двина тиха, проста, строга, молчалива, сильна. Нѣтъ никакихъ мелей: гдѣ ни иди пароходъ—всюду можно, и только привычная сѣверная осторожность заставляетъ иногда матроса съ борта промѣрить глубину шестомъ, и лѣниво и привычно кричитъ онъ:

— Подъ табакъ! подъ табакъ!

Берегъ и вода: нѣтъ отмелей и песковъ, этихъ земляныхъ язвъ на больной рѣкѣ. Шумятъ высокіе суровые лѣса на берегу или нѣжные сбѣгаютъ къ водѣ луга, а за ними—синяя дымка лѣсовъ видна на горизонтѣ. Топятъ пароходъ дровами, нефти нѣтъ и въ поминѣ, и вода чистая, ясная, ровная.

Двинецъ, архангелецъ или сѣверный вологжанинъ, неторопливъ, какъ будто замкнутъ—на самомъ дѣлѣ добродушенъ, но не нараспашку, не суетливъ, простъ, но не той простотой, которая, по пословицѣ, „хуже воровства": въ немъ есть что-то близкое, одинаковое съ этой рѣкой—еще чистой, еще глубокой, сурово-величавой, ясной, еще оберегаемой глухими лѣсами, такой молчаливой, такой прекрасной.

Таковы же и двинскія села. Они не пестры, не ярко-нарядны, не скученно-велики, какъ волжскія, въ нихъ нѣтъ вовсе приволжской, немного лукавой суеты. Съ церкви и до послѣдней избушки въ нихъ все просто, прочно, тихо, прекрасно, все исконно, неразрывно съ давней, давней стариной.

Народными руками построенныя церкви, безъ архитекторскихъ причудъ, безъ излишней пестроты, деревянныя церкви по Сѣверной Двинѣ—каждая по-своему—прекрасны. Должно быть, о такой церкви сказалъ ярославецъ Некрасовъ:

Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
. . . .
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной...
Я внялъ. Я дѣтски умилился
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

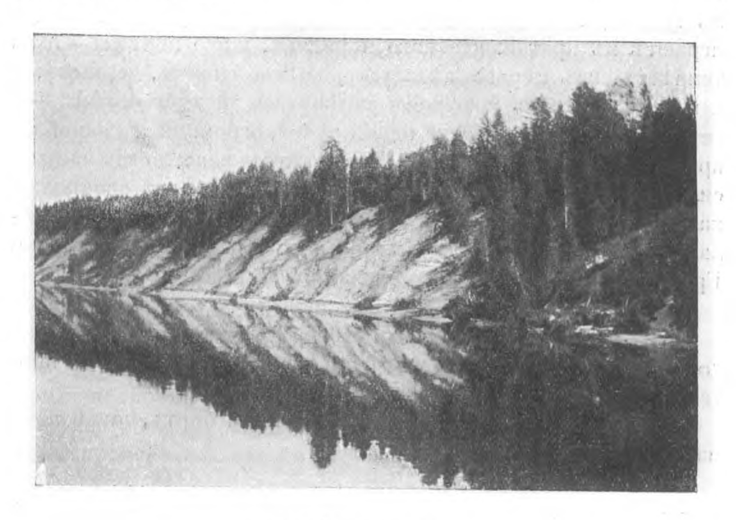
А вокругъ деревянной церкви, украшенной въ простотѣ и дѣтской вѣрѣ, столпились помѣстительныя избы съ прелестными крылечками, съ высокими лѣсенками, съ деревянными узорчатыми ставнями; иныя изъ нихъ—совсѣмъ древнія, лѣтъ подъ сто, наклонившіяся и вправо, и въ бокъ; другія почти новыя, но такія же, какъ старыя, по постройкѣ, по всему.

Бѣлоголовые ребятишки выбѣгаютъ къ пароходу на пристань, бабы съ лукошками суютъ печеную рыбу—и вдругъ въ толпѣ появляется какой-нибудь ветхій-преветхій дѣдъ, весь бѣлый,—и, кажется, что онъ пришелъ изъ сказки, что это—

тотъ самый дѣдъ, что сѣялъ рѣпку, тянулъ-потянулъ, а вытянуть не могъ.

И суровые, молчаливые сѣверные люди добродушнѣе волжанъ.

Вотъ плыветъ лодка; въ ней красная баба съ ребенкомъ и мужикъ. Баба махаетъ платкомъ. Пароходъ замедляетъ ходъ, останавливается, бабу забираютъ на пароходъ. Только-что отъѣхали съ версту отъ пристани—опять лодка, опять баба, только теперь синяя, опять махаетъ, опять стоитъ пароходъ, ждетъ бабу.

Берега Сѣверной Двины.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

Проѣхали еще немного—опять баба машетъ; два мужика гребутъ.

— Ахъ, чтобъ васъ!—сердится помощникъ капитана.—За разъ бы васъ всѣхъ пересажать.

— Ишь, чего захотѣлъ,—смѣются мужики на пароходѣ.— Всѣхъ бабъ на пароходъ гдѣ посадишь?

Но все равно: бабу и мужика сажаютъ. Выгоды отъ нихъ нѣтъ никакой: останавливать пароходъ и опаздывать по расписанію—совсѣмъ невыгодно. Но, въ самомъ дѣлѣ, нужно же и бабамъ ѣхать? И мы сажаемъ бабъ, и мужиковъ, и ста-

рухъ-богомолокъ; и уже не сердимся по-московски за промедленіе и задержку: куда спѣшить?

И Двина не спѣшитъ: ровная, одинаковая, она, кажется, не ширится, не мѣняется, все такая же—огромная и тихая.

Но она не всегда тиха.

Съ сѣвера бѣгутъ быстрые бѣгунки-облачка. Бѣгутъ—и перебѣгаютъ, какъ будто безъ слѣда. Но вотъ слѣдъ: сизыя, бурыя, сѣрыя тучки выносятся, не спѣша, но безостановочно, изъ-за лѣса, откуда-то справа, откуда ихъ совсѣмъ нельзя было ждать, и все перемѣшалось: бѣлыя облачка смѣшались съ тучами, тучи рвутся, прячутся другъ отъ друга, какъ будто играютъ въ прятки: кто кого поймаетъ, и кто поймалъ—тотъ темнѣетъ, изъ сѣраго дѣлается сизымъ, синимъ, чернымъ, и и вотъ огромнымъ крючкомъ зацѣпилась за тучу молнія, — и всѣ тучки, тучи и облачка одной тучей, огромной и рваной съ краевъ, нависли надъ рѣкой. Коситъ дождь воду; дождь частый, сильный—и нѣтъ ужъ бѣлой, тихой Двины: она свинцовая; кажется, она похолодѣла и дрожитъ отъ холода: на ней эта бѣлая пѣна, какъ дрожь, эти длинные, темные, стальные валы. Громъ глухой и тяжелый. Дождь, дождь, дождь.

Всѣ окна, всѣ двери, все на запоръ.

— А что ежели свалиться сейчасъ за бортъ—доплывешь до берега?—спрашиваетъ высокій гимназистъ, кутаясь въ протекшую непромокайку.

— Гдѣ доплыть!—лѣниво сплевывая за бортъ, отвѣчаетъ матросъ.—Захлестнетъ.

— А если съ кругомъ?

— Не знаю,—отвѣчаетъ матросъ.—Какъ сказать?—И видно, не вѣритъ, что съ кругомъ доплывешь: кругъ-то, еще какой онъ тамъ, кто его знаетъ,—а Двина, всѣмъ извѣстно, какая: страшная, сѣрая, сильная. Гдѣ доплыть?

Къ вечеру убѣгаютъ тучи—и тихо курлыкаетъ вода у бортовъ.

Но на горизонтѣ, къ сѣверу, небо еще въ тучахъ, въ клочкахъ, въ сѣрыхъ полоскахъ, какъ въ спутанномъ дымѣ—и изъ-за нихъ, перепутавшихся и неподвижныхъ, вдругъ показывается настоящій пѣтушій гребешокъ,—какъ отъ сказочнаго пѣтушка—золотого гребешка: онъ золотой и зубчатый. Это заходящее солнце, спокойное и огромное, глянуло верхнимъ краешкомъ изъ-за тучъ, и показалось яркимъ гребешкомъ.

Опять приходитъ ночь.

На утро смотримъ на Двину: она еще шире, но то тутъ, то тамъ, справа и слѣва, отдѣляются отъ нея по луговинѣ рукава и уходятъ куда-то.

Сѣверной Двинѣ трудно умѣститься на своемъ широкомъ ложѣ; она дѣлится на множество протоковъ, рѣчекъ, рѣкъ.

Одинъ изъ такихъ протоковъ очень мелокъ, и названье ему по его мелкотѣ—Курья. На островѣ, который онъ обтекаетъ, расположена Куростровская волость, а въ этой волости—село Денисовка, родина М. В. Ломоносова. Когда-то, въ глубокой древности, вся Куростровская волость была населена финнами. Островъ былъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ, а въ немъ, по сказанію исландскаго лѣтописца, стояло капище бога Юмалы—общаго бога всѣхъ финскихъ племенъ. Идолъ былъ богато изукрашенъ драгоцѣнностями, а на колѣняхъ у себя держалъ ёмкую чашу, наполненную золотомъ. На островѣ же въ глубокой древности бывала большая и богатая ярмарка, куда съѣзжались финны и норвежцы — одни продавать, другіе покупать мѣха. По сказанію того же лѣтописца, однажды пріѣхавшіе на ярмарку норвежцы, прельстившись драгоцѣннымъ убранствомъ идола, ограбили его и разрубили, чтобы достать драгоцѣнное ожерелье. Стража проснулась, подняла тревогу, и финны, называемые въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ „чудью", погнались за норвежцами. Произошла битва; норвежцы, привычные воители, одолѣли. До сихъ поръ есть на Куростровѣ мѣсто, называемое *Побоище*: тутъ, по преданію, и происходила эта битва.

Нынѣ на мѣстѣ дремучаго лѣса лишь чахлый кустарникъ—бѣдныя елочки.

Теперь на Куростровѣ—зажиточныя деревни и села, бродятъ по лугамъ знаменитыя холмогорки коровы,—и только одно сѣверное небо, блѣдное и милое, все то же, что было и тогда, надъ огромнымъ чудскимъ идоломъ.

Въ Ломоносовкѣ, прежде называвшейся Денисовкѣ, ничего не осталось отъ Ломоносова. Самый родъ Ломоносовыхъ давно пресѣкся. Не сохранилось ни дома Ломоносовыхъ, ни какихъ-либо преданій. Только сельское училище съ библіотекой и классомъ рѣзьбы по кости (моржевой, лосиной и др.) напоминаютъ о Ломоносовѣ, нося его имя,—да рослый, здоровый, бодрый, умный двинскій народъ напоминаетъ бодраго, умнаго, могучаго Михайлу Ломоносова. Но когда-нибудь Куростровская волость еще привлечетъ къ себѣ вниманіе не однимъ

именемъ Ломоносова: слѣды древнихъ финскихъ поселеній, остатки сѣдой языческой старины столь значительны на Куростровской землѣ, что, вѣроятно, уже недалеко то время, когда начнутся раскопки на предполагаемыхъ мѣстахъ храма Юмалы, ярмарки и т. п.

Близъ города Холмогоръ Двина течетъ уже со множествомъ притоковъ, рукавовъ, протоковъ, образуетъ большіе, густо населенные острова, и ширина ея ложа, если считать отъ крайняго до крайняго протока, достигаетъ 17-ти верстъ. Главное же русло многоводно, какъ никогда. Какъ будто огромная рѣка и множество рѣкъ, рѣчекъ, рѣчушекъ, ручейковъ сговорились вмѣстѣ течь къ морю—и вотъ текутъ, то соединяясь, сплетаясь, сливаясь въ огромную рѣку, то разъединяясь опять, и все это водяное содружество называется Сѣверной Двиной. Большія, красивыя села, деревни, деревушки стоятъ по берегамъ рѣкъ, рѣчекъ, рѣчушекъ — Сѣверной Двины. Далеко, далеко пролегли луга. Деревянныя дорожки плотовъ на водѣ кажутся маленькими, жалкенькими: подъ волной онѣ испуганно колыхаются, вздрагиваютъ, суетятся. Рѣка словно притаилась и тихая только оттого, что не хочетъ показать свою силу, а если бъ захотѣла, разлилась—текла бы рѣка въ семнадцать верстъ ширины, все затопила бы, все бы сравняла, сблизила, соединила.

Но теперь тихо, ясно и солнечно.

Потянулись огромные лѣсные склады лѣсопильнаго завода на правомъ берегу: это—преддверье Архангельска. Оживленнѣй стало на рѣкѣ: свистки пароходовъ длительнѣй, чаще, разноголоснѣй. На пароходѣ суетня. Вотъ справа показались тяжелыя главы Михайловскáго монастыря изъ-за бѣлой ограды. Всѣ пассажиры на палубѣ.

Вотъ недалеко отъ берега грузится огромный океанскій пароходъ.

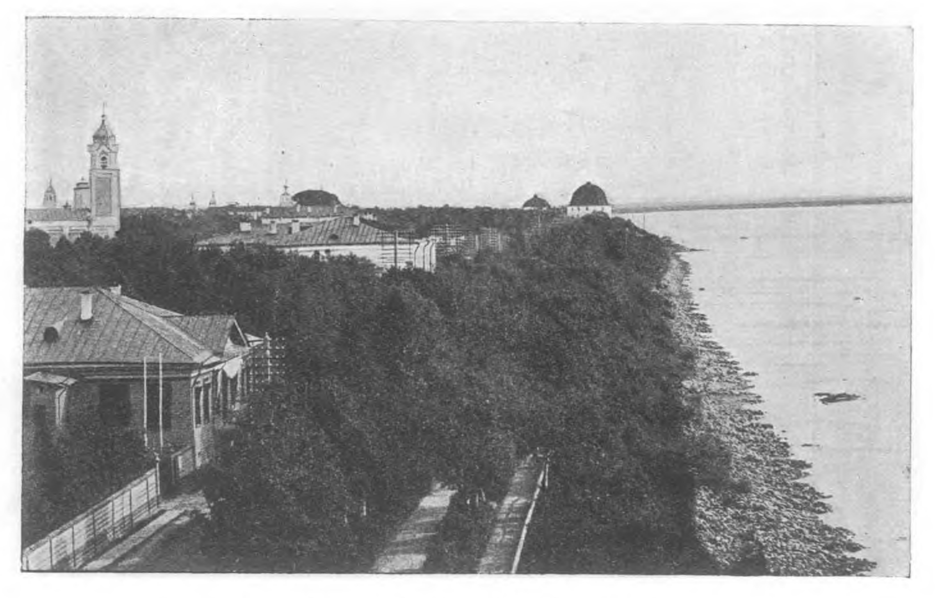
— Какой онъ огромный!—ахаетъ кто-то.—Какъ же это онъ въ рѣку заѣхалъ?

Но и рѣка огромная, гордая своей силой, тихая до поры, до времени.

Мы пристаемъ къ пристани. Мы въ Архангельскѣ.

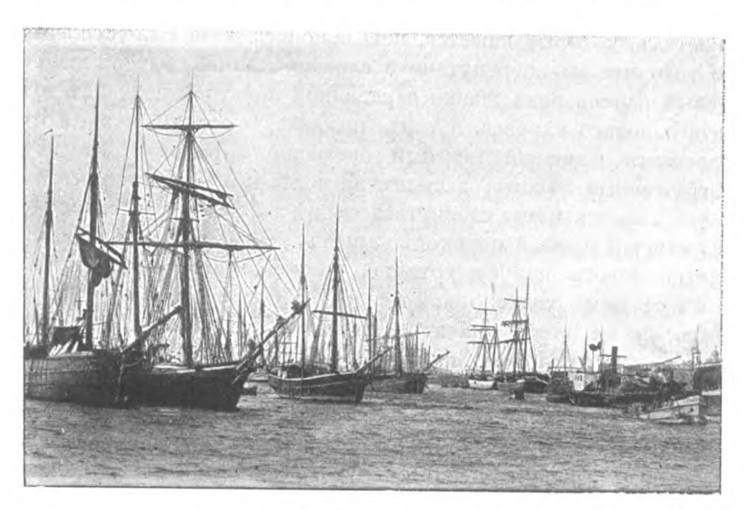
Архангельскъ—городъ сна и пробужденія.

Зимою, долгой зимою, подъ медлительной сѣверной ночью, надъ огромной застывшей рѣкой, подъ ярыми холодными вѣ-

Архангельскъ. Набережная Сѣв. Двины. Бульваръ.

трами съ Сѣвернаго Ледовитаго океана,—онъ спитъ. Горитъ электричество цѣлый день за исключеніемъ двухъ-трехъ часовъ около полудня, сонныя длинныя, длинныя улицы, бездѣлье, лѣнь и тишина. А лѣтомъ, съ мая по конецъ сентября, Архангельскъ пробуждается и живетъ шумно, бодро, какъ будто хочетъ наверстать потерянное зимой время, живетъ съ безумолчными пароходными свистками, ревомъ подъемныхъ крановъ на пристаняхъ, съ тяжкимъ трудомъ грузовщиковъ, матросовъ, рыбаковъ, плотовщиковъ, съ оживленной торговлей сентябрьской Маргаритинской ярмарки, живетъ подъ

Рейдъ на Сѣв. Двинѣ въ Архангельскѣ.

нѣжнымъ свѣтомъ свѣтлыхъ ночей, подъ долгимъ солнечнымъ сіяніемъ, надъ огромной, многоводной, шумной рѣкой.

Архангельскъ—одинъ изъ самыхъ длинныхъ и самыхъ узкихъ городовъ Россіи. По правому берегу Сѣверной Двины, отъ лѣсопильнаго завода, отъ смоляного буяна, до Соломбалы, самой сѣверной его части, лежащей на островѣ, Архангельскъ тянется на протяженіи больше пяти верстъ, а ширина его—всего въ четыре улицы: сейчасъ же за послѣдней улицей начинается тундра, съ глубокимъ болотомъ, глухимъ бурьяномъ, и расти въ ширину Архангельску некуда.

Если итти по берегу Сѣверной Двины, увидишь весь Архан-

гельскъ, узнаешь все, чѣмъ онъ живетъ. Это городъ пристаней, судовъ, барокъ, пароходовъ, лодокъ. Вся Двина у берега покрыта ими; лишь вдали она свободная и непрегражденная. Всякія пристани и суда занимаютъ по Двинѣ около двадцати верстъ береговой полосы. Чего-чего тутъ нѣтъ!

Вотъ маленькія утлыя лодчонки, на которыхъ бабы съ острововъ возятъ въ городъ молоко и поспѣвшую янтарную морошку въ высокихъ берестяныхъ туесахъ; вотъ юркіе пароходики, разбредающіеся тамъ и сямъ по Двинѣ, а рядомъ пришедшія съ океана промысловыя поморскія суда, красивыя высокогрудыя ёлы и старинные шняки, всѣ въ парусахъ и снастяхъ, которые, кажется, нельзя понять, какъ они устроены: до того все это перепутано и сложно; лѣниво вычерпываетъ бѣлый парень безъ шапки деревянной лопаткой воду изъ пузатаго новаго ка̀рбаса, а тамъ, подалѣе, огромный черный съ краснымъ нѣмецкій тяжелый океанскій пароходъ „Taurus", нагруженный лѣсомъ, застылъ на водѣ, и не вѣрится, чтобы такая тяжесть могла сдвинуться съ мѣста; ближе къ собору— мурманскій русскій пароходъ дымитъ, неподвижный, а на немъ суетня: моютъ палубу, грузятъ, возятся, бѣгаютъ; но и рядомъ съ нимъ то же: такой же, и еще больше, пароходъ грузится, и на немъ кричатъ, гремятъ, визжитъ подъемный кранъ—это на Новую Землю снаряжается пароходъ. А тамъ, далеко, по серединѣ рѣки, распуская черный плотный дымъ, который, при тихой погодѣ, какъ обуглившееся, почти неподвижное бревно, лѣзетъ изъ черной трубы, медленно идетъ, съ дружественнымъ ревомъ, грузовикъ-англичанинъ, блестя на солнцѣ розовыми, ярко-глянцевитыми квадратами досокъ, которыми онъ весь нагруженъ; красный англійскій флагъ весело помахиваетъ туда и сюда на мачтѣ. И въ отвѣтъ на его громкій привѣтственный ревъ ему реветъ еще гуще и отчаяннѣй нѣмецкій „Taurus" (Быкъ), и тоскливо отзываются въ два голоса русскіе мурманскіе пароходы, и пыхтитъ какой-то чернорабочій небольшой пароходишка, волоча за собой дорожку плотовъ, и высокимъ и протяжнымъ стономъ откликаются рѣчные двинскіе, пинежскіе и важскіе пароходы, и пищатъ или задорно вскрикиваютъ маленькіе архангельскіе услужливые пароходцы. И все, весь шумъ, ревъ, стонъ пароходный—уносится куда-то, за необъятную Двину, и тревожитъ, должно быть, старыя деревянныя церковки на островахъ, столѣтнія часовенки на распутьяхъ, придорожные кресты.

На водѣ—пароходы, лодки, плоты пестрые, разноцвѣтные, маленькіе, огромные, тихіе, шумливые, новые, старые; на берегу, на набережныхъ—такая же пестрота людская.

Высокіе молчаливые поморы въ высокихъ, выше колѣнъ, сапогахъ, похожихъ немного на широкіе ботфорты петровскихъ временъ, лѣтомъ въ мѣховыхъ шапкахъ съ наушниками, и въ то же время въ однѣхъ рубахахъ, съ проступающимъ сквозь дыры загорѣлымъ тѣломъ, дымятъ махоркой, волокутъ за канатъ ка̀рбасъ къ берегу, грузятъ сушеную треску на берегъ съ новенькой ёлы и грузно шлепаютъ ногами въ опоркахъ по тонкимъ мосткамъ, протянутымъ съ ёлы на берегъ, выкатывая тяжелыя бочки съ треской. Богомольцы вятчане въ холщевыхъ бѣлыхъ панёвахъ плетутся съ котомками другъ за другомъ, усталые и худые. Англичане, норвежцы, шведы съ трубками, не спѣша, или медлительно пережевывая табакъ, перебрасываются между собой отрывистыми словами, или остановятся съ поморомъ: тогда послышится какая-то смѣшная, но очень удобная, смѣсь изъ словъ русскихъ, норвежскихъ, англійскихъ, какой-то особый поморско-норвежскій языкъ. Московская а̀кающая рѣчь смѣшивается съ вологодской о̀кающей; вятчане чокаютъ быстро и неразборчиво.

— Ты кто?

— Я-то?

— Да.

— Мы—вячкіе.

Это все лѣсной народъ: въ лаптяхъ, съ берестяными туесами за плечами, въ бѣлыхъ кафтанишкахъ, въ суровыхъ ону̀чахъ, голодный народъ, забитый, робкій, добрый. Никогда я не видалъ, чтобъ кто-нибудь молился усерднѣе, смиреннѣе, чѣмъ вятчане.

Но въ этой придвинской толпѣ на набережной, на рынкѣ, слышится и иная, дикая нашему уху, гортанная рѣчь: это самоѣды. Изрѣдка натыкаешься на нихъ, изукрашенныхъ въ оленій мѣхъ. Корелы и зыряне тутъ же, въ толпѣ, но ихъ не сразу отличишь: они лучше самоѣдовъ говорятъ по-русски и одѣваются по-поморски.

И какія здѣсь встрѣчаются чудесныя здоровыя, красивыя русскія лица!

Молодой матросъ, въ синей блузѣ, съ голой шеей, босой, крѣпитъ парусъ высоко на мачтѣ, на большой широкогрудой ёлѣ.

Что онъ поетъ—не разберешь, чему смѣется—не разслышишь, а у него тамъ на мачтѣ такое веселье! Онъ болтаетъ ногами, а на него, точно собираясь его испугать, орутъ маленькіе юркіе пароходики, пробѣгая возлѣ ёлы.

— Д-е-м-е-нтьевъ!—кричитъ ему кто-то на кормѣ.—Сл-а-а-а-зь!

Дементьевъ слѣзаетъ, цѣпляясь ступнями за бревно мачты, вытираетъ, улыбаясь, руки, испачканныя въ смолѣ,—и бѣжитъ на зовъ, только пятки сверкаютъ. Черезъ минуту онъ уже катитъ, налегая молодой здоровой грудью, пузатую бочку по трепещущимъ мосткамъ. Онъ безъ шапки. У него большіе сѣрые—нѣтъ, не сѣрые глаза, а цвѣта сѣвернаго моря: глубоко-сѣрые, почти голубые, и дѣтская чистая улыбка во весь ротъ. Чему онъ улыбается, катя тяжелую бочку?

Выкатилъ бочку на набережную, балагуритъ со старушкой-богомолкой въ рыжемъ платочкѣ.

— Тутъ, что ли, къ Соловецкимъ-то возятъ, гдѣ подешевле,—спрашиваетъ старушка.

— Мы бабушекъ не возимъ, бабушка, мы треску возимъ...

— Ишь, тебя и спросить нельзя!

— Спроси, бабушка, спроси. Можно. Отчего нельзя? Можно.

А ужъ съ ёлы ему опять кричатъ:

— Д-е-е-е-ментьевъ! Де-е-ементьевъ! Ал-ее-ксюша!

— Бѣгу,—кричитъ матросъ, и опять онъ ужъ на палубѣ, и опять та же милая улыбка, и тотъ же тяжелый, безпрерывный трудъ.

А какой здѣсь трудъ!

Лѣтомъ люди здѣсь не знаютъ ночи, а мы такъ привыкли соединять трудъ — съ днемъ, отдыхъ — съ ночью; здѣсь нѣтъ этого самаго простого раздѣленія, и только если проснешься въ часъ, въ два ночи застанешь свѣтлую тишину надъ рѣкой. Но не надолго: въ четыре ужъ шумятъ, поютъ, надрываются надъ рѣкой.

Разсказываютъ, что одинъ подрядчикъ нанялъ гдѣ-то на югѣ рабочихъ на лѣсопилку съ условіемъ, что они будутъ работать отъ зари до зари, отъ утренней до вечерней. А на югѣ вечерняя заря ранняя. Привезъ подрядчикъ рабочихъ въ Архангельскіе края—и оказалось, что рабочимъ нужно по условію работать круглыя сутки, всѣ двадцать четыре часа. Заря съ зарей сливается, и нельзя различить, когда кончается день, когда наступаетъ утро. Рабочіе взбунтовались.

Но здѣшніе, рѣчные, не бунтуютъ, а сколько они спятъ— Богъ вѣсть!

Въ Архангельскѣ люди дешевы. За четвертакъ вамъ пронесутъ тяжелыхъ два чемодана версты полторы, съ пристани до гостиницы, и если вы прибавите гривенникъ, скажутъ съ глубокимъ поклономъ:

— Спасибо тебѣ, баринъ! Вотъ какое спасибо!—И столько скажутъ спасибо, что не знаешь, какъ просить, чтобъ больше не было спасибо.

Какъ это ни странно, при всей тяжести труда грузчика, плотовщика (сколько ихъ тонутъ при двинскихъ буряхъ, при неосторожномъ движеніи парохода, задѣвшаго за плоты!), рыбака, матроса,—нигдѣ я не видалъ такого радостнаго, кроткаго, ласковаго отношенія къ труду, какъ здѣсь! Солнце ли здѣсь такое неуёмное, всегдашнее, привѣтливое, рабочее, люди ли здѣсь проще, добрѣе, сильнѣй, самый ли трудъ на водѣ, при водѣ, веселѣе, привольнѣй — не знаю; но знаю одно: никто никогда не сказалъ мнѣ на сѣверѣ грубаго слова, никогда не попрекнулъ работой или тѣмъ, что мало за нее заплачено.

Поморы.

А что̀ я и что̀ мы всѣ имъ, весь безконечный день безъ хорошей передышки напрягающимся за работой людямъ?

Когда хочешь имъ въ чемъ-нибудь подсобить, понести, поддержать,—заботливо и неизмѣнно отвѣчаютъ:

— Не трожь! Донесу. Развѣ тяжело? Ничего. Донесу.

А я знаю, что тяжело.

Или у вѣчно трудящейся и безропотной природы научились они этому труду безъ ропота и гнѣва, и мы, равно далекіе отъ нея и отъ нихъ, никогда не поймемъ ихъ?

Мы только бродимъ наскоро по Архангельску. Надо торопиться. Впереди—Лапландія.

И мы торопимся: запасаемся провіантомъ, всѣмъ, что нужно для Лапландіи. Медлимъ мы только у домика Петра Великаго. Теперь онъ стоитъ на набережной, безъ прежней деревянной покрышки, безъ прежняго дома надъ домикомъ, подъ которымъ я видѣлъ его три года назадъ.

Тогда, я помню, вошелъ внутрь—и былъ пораженъ: какой онъ низенькій, какъ тутъ могъ ходить огромный Петръ? Неужели онъ постоянно сгибался?

— Покажите мнѣ домикъ,—сказалъ я инвалиду-матросу.

— Дворецъ-то Петровъ? Вотъ онъ весь.

Я про себя усмѣхнулся, что это дворецъ. Хорошъ дворецъ—съ кузней, въ которую ходъ изъ самой парадной комнаты.

— Самъ онъ и рубилъ срубъ. Бревна-то какія: стальныя. Если бъ крыша не протекала, онъ досель бы безъ вреда стоялъ. Крѣпость въ немъ большая.

— А протекаетъ?—спросилъ я.

— То-то и дѣло, что протекаетъ. Тридцать лѣтъ назадъ построена, а протекаетъ. Кабы не старая, не Петрова-то крыша, такъ вовсе бы худо было. Та держитъ.

Оказалось, что крыша дома-футляра, надстроеннаго надъ дворцомъ для его сохранности, всего лѣтъ тридцать назадъ, протекаетъ, и отъ ея течи подгниваютъ стѣны и углы домика, а Петровская крыша, которой слишкомъ двѣсти лѣтъ, еще кое-какъ удерживаетъ воду.

— Развѣ теперь такъ строятъ? *Самъ* строилъ. И деревъ-то теперь такихъ нѣтъ. Текетъ,—съ презрѣніемъ ворчалъ матросъ.

Теперь домикъ перенесенъ на другое мѣсто, гдѣ будетъ поставленъ памятникъ Петру, и стоитъ безъ футляра. Но петровскій горнъ изъ кузни перенесли, а собрать на новомъ мѣстѣ не умѣли; на одномъ изъ бревенъ матросъ показывалъ мнѣ еще замѣтный планъ домика, начертанный, по преданію, при помощи гвоздя самимъ Петромъ; теперь я не могъ его найти: загрязнили ли его окончательно при переноскѣ, или перепутали бревна, и онъ сталъ не видимъ,—не знаю. Но домикъ „вѣчнаго работника", который онъ самъ построилъ себѣ въ рабочемъ Архангельскѣ—конечно, самое интересное, что есть въ этомъ городѣ изъ построекъ.

Не спится, хотя надо бы выспаться, такъ какъ завтра— ночь на пароходѣ, Бѣлое море, и спать уже стыдно. Но не спится.

Мы одѣваемся, выходимъ изъ номера, спускаемся по скрипучей лѣстницѣ, которая по стѣнамъ оклеена обоями съ норвежской надписью: „Добро пожаловать!“, и бродимъ по городу, по прекрасному тѣнистому бульвару, тянущемуся по Двинѣ.

И вотъ что жутко и странно въ сѣверной лѣтней ночи въ городѣ: тишина, свѣтъ и пустота. Мы всѣ привыкли навсегда, что когда тихо, тогда въ городѣ темно, тогда ночь, а когда шумно—свѣтло, день. Представьте себѣ Москву залитую ослѣпительнымъ, по весеннему радостнымъ, солнечнымъ свѣтомъ, играющимъ въ окнахъ домовъ; на мостовыхъ, всюду, веселыя синія тѣни отъ домовъ;—и совершенную, неподвижную, ничѣмъ ненарушимую тишину, мертвую тишину. Такъ это здѣсь. Что же это, Господи, что же это?—хочется спросить, закричать. Умерли, что ли, всѣ люди и городъ этотъ мертвъ? Или они такъ заспались, что вотъ проспятъ, непремѣнно проспятъ день и сами будутъ послѣ жалѣть? Но нельзя же вѣдь, чтобы *всѣ* спали? А всѣ спятъ. Что случилось?

Да нѣтъ же, ничего не случилось: просто-на-просто теперь только два часа ночи, и солнце уже свѣтитъ: и бѣлый день!

Итти спать, спать!

Мы ѣдемъ.

Архангельскъ уже далеко: далеко ушли вправо отъ парохода, большого желтотрубнаго мурманца, архангельскія бѣлыя церкви, длинный густотѣнистый бульваръ по Двинѣ, шумливая пестрая путаница судовъ, мачтъ, парусовъ, сѣрыхъ, бѣлыхъ и черныхъ дымовъ, закопченыхъ трубъ. Мы идемъ рѣкой Маймаксой, глубокимъ протокомъ Двины. Она узка, но такъ глубока, что океанскіе грузовые пароходы свободно проходятъ ею, только сильно замедляя ходъ, чтобы не раскидать крѣпкой волной спутавшіеся у береговъ плоты, карбасы, моторныя лодки и пароходики. Въ одномъ мѣстѣ ширина Маймаксы всего 60 саженей, но глубина 18—40 футовъ.

Берега покрыты безконечными лѣсными складами; нагружаются, приткнувшись къ берегу, лѣсовики-иностранцы: англійскіе, нѣмецкіе, норвежскіе пароходы. Пыхтятъ механическіе лѣсоподаватели: кажется, какая-то невидимая рука подкиды-

ваетъ бревно за бревномъ и они скатываются прямо на пароходъ. Это такъ непонятно и немножко смѣшно: какъ будто кто-то для забавы скатываетъ на пароходъ игрушечныя древешки.

Но и это не интересно: впереди море, а за моремъ Лапландія. Кто ее знаетъ, какая она? Пароходъ идетъ, идетъ—и все Двина, Двина. Когда же море?

Вотъ выплыли въ Березовское устье Двины. Скоро море. Но какъ его узнаешь, гдѣ оно начнется, это море?

И развѣ не море—эта Двина? Кто-то отодвинулъ лѣвый берегъ, а правый тянется еще далеко—но узенькой тончайшей

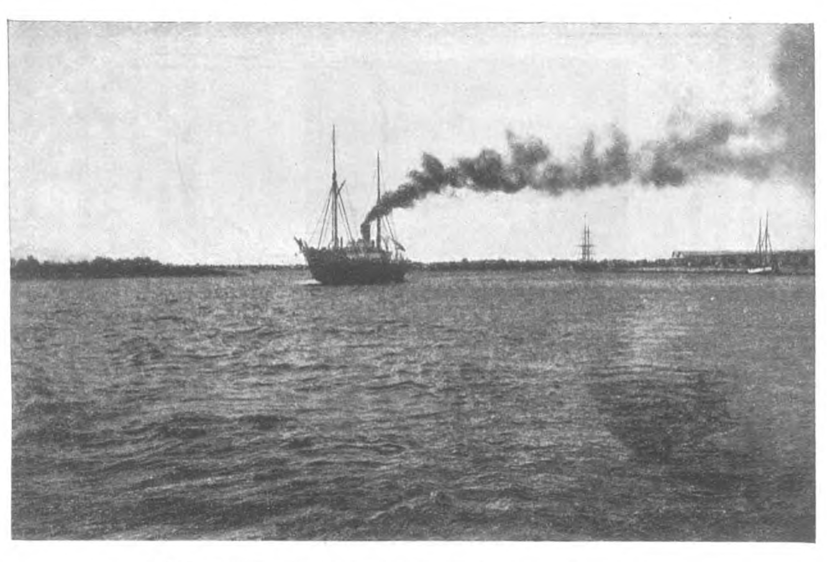
Отвалъ мурманскаго парохода изъ Архангельска.

полоской: это—начало самаго скучнаго и безплоднаго изъ Бѣломорскихъ береговъ—Зимняго берега. Море это или Двина, но она сѣро-бѣлая, ровная, всплескиваетъ себѣ невысокими закругленными волнами, то набѣгающими, то отталкивающимися другъ отъ друга, успокоенными и дружными.

— Какое жъ это море?—замѣчаетъ разочарованно господинъ въ казенной фуражкѣ, стоя за мной у рѣшетки.

— Да это и не море,—улыбается сквозь зубы весело и дружелюбно молодой поморъ съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ.— Море-то еще вонъ—оно, море.

И указываетъ на далекую бѣлую равнину, укрывающуюся у горизонта.

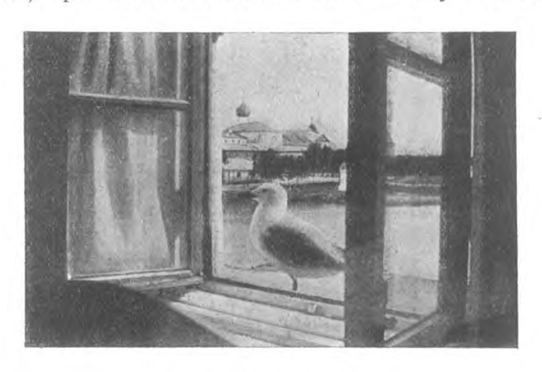
Рѣка Лапоминка—одинъ изъ протоковъ дельты Сѣв. Двины.

Но вотъ мы доѣхали и до того мѣста, миновали Сѣверо-Двинскій пловучій маякъ—ярко-красное неподвижное судно,—еще немного: и поморы киваютъ намъ увѣренно и радостно на такую же бѣло-сѣрую, спокойно перекатывающуся воду:

— Море, море!

Приходитъ ночь. Стихаетъ пароходъ: спятъ на палубѣ, спятъ въ каютахъ. Не спятъ чайки: бѣлыя и лѣнивыя, не отстающія отъ парохода—имъ тоже надо летѣть за нами.

Солнце тихо, тихо наклоняется надъ стихшей свѣтлой водой, какъ будто заглядываетъ въ воду,—заглянуло: и утонуло въ водѣ, и разбилось на безчисленные плавкіе кусочки золота,

Бѣломорская чайка.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

серебра, стали, бѣлаго хрусталя—и все это богатство качаетъ бережно, лаская, вода, и все блеститъ, на небѣ и на водѣ. Золотая ночь сіяетъ.

Вѣтеръ, не рѣзкій, не упорный, нѣжный и дружный, дуетъ въ лицо. Дышишь больше, чѣмъ нужно: какъ рѣдкимъ старымъ виномъ, хочется напиться, какъ только можешь, этимъ воздухомъ, этимъ вѣтромъ. И тихо, и свѣтло. Первая морская ночь.

Вѣтеръ кличетъ что-то негромко и ласково въ вышинѣ. Море ему отвѣчаетъ тоже негромко: не потому ли, что люди спятъ: что ихъ будить. Тамъ, впереди, будутъ волненія и качки, вѣтеръ будетъ сердиться на море, и море разсердится на вѣчеръ и зашумитъ, а теперь у нихъ тихій разговоръ.

Къ утру и онъ затихъ: свѣтлѣй и тише. Ночь проходитъ прежде, чѣмъ спросишь: наступила ли? Ее не замѣтили; должно быть, она была.

Опять приподнимается солнце изъ воды; все тихо. Приподнимается еще,—и чайка, медленно качаемая водой, взлетаетъ съ волны, махаетъ бѣлымъ крыломъ въ вышинѣ, и кружитъ веселая, надъ бѣлой веселой водой.

Солнце и море: и оба веселыя, тихія.

Просыпаются люди, крестятся поморы, ранній день наступаетъ.

И кто упомнитъ, какъ разговаривали море и вѣтеръ?

III.

У вратъ Пахьолы.

Кандалакская губа.—Рыбное молоко.—Преддверье Пахьолы.—Финскій профессоръ и русскій мужикъ.—Географическія неожиданности.—Лѣченіе орудіями каменнаго вѣка.—Кандалакскій вавилонъ.—Сѣверные лабиринты.—Дорога къ Имандрѣ.—Буря на Имандрѣ.—Лопарская суета.—Путь „по лопарямъ".—Лошадь и ямщики.

И вотъ мы ѣдемъ по морю, въ догонку за полуночнымъ солнцемъ, въ Лопскую землю.

Кандалакская губа, глубоко вдающаяся въ материкъ образуя сѣверный выступъ огромнаго Кольскаго полуострова (Лапландіи), тянется долго, долго.

Море такъ тихо, что почти не вѣришь, что это море, воздухъ такъ тепелъ, чистъ и безвѣтренъ, что не вѣришь географической картѣ, указывающей неоспоримо, что скоро мы переѣдемъ за полярный кругъ. Полно, сѣверъ ли это?

И только, когда смотришь на берега, вѣришь, что это сѣверъ. Розовыя нерадостныя скалы срываются въ море—и застыли, окаменѣли въ своемъ срывѣ. Онѣ тѣснятъ море, а море—ихъ. И кажется, враждебная рать—ужъ не Русь ли, идущая къ югу?—усѣяла скалы и берегъ и толпится, щетинясь высокими копьями и черно-зелеными верхами шатровъ: это островерхія ели, тонкія пихты и лиственицы усыпали берегъ и скалы и подбѣжали къ морю зеленой ратью.

Важныя бѣло-сѣрыя чайки сидятъ неподвижно на высокихъ валунахъ, охваченныхъ со всѣхъ сторонъ моремъ,—и не раз-

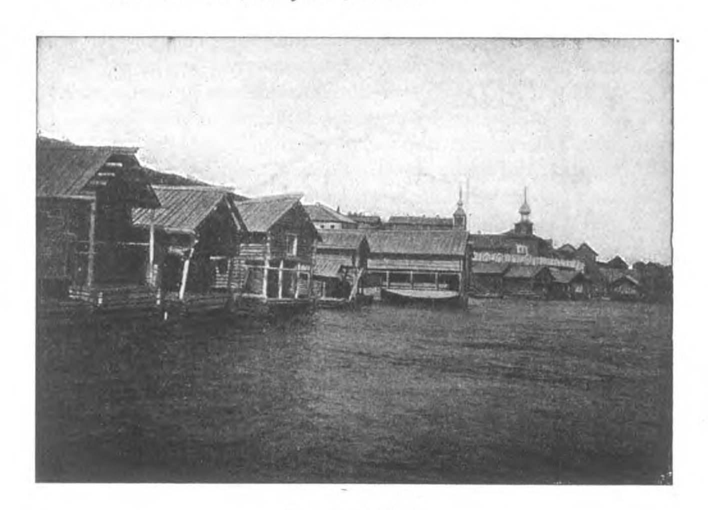
берешь, пѣна ли это морская бѣлѣетъ или бѣлые чистые камни положилъ колдунъ на сѣрые и розовые граниты. Но отстаютъ, отстаютъ скалы за пароходомъ.

— А лопаришки-те народъ дрянь,—говоритъ сморщенная беззубая старушка съ мелькающими спицами въ рукахъ.

— А чѣмъ же они, бабушка, дрянь?—допрашиваемъ ее мы, ѣдущіе къ лопаришкамъ.

— А лòпинъ—не чистъ. Слабый онъ народъ.

— Чѣмъ же онъ, бабушка, слабъ?

Деревня поморовъ.

Но бабушка смѣется на нашу простоту, что мы не знаемъ лопской слабости, и разсказываетъ, какъ у нихъ, въ Бѣломорьи, много рыбы.

— Ужъ этого добра вдосталь,—бурчитъ матросъ, презрительно сплевывая.—Коровъ рыбой кормятъ. Только развѣ это рыба? То ли дѣло трещòчка,—и при мысли о сѣверной кормилицѣ—трескѣ вся суровость его пропадаетъ.

— Какъ, коровъ—рыбой?—изумляюсь я.

— А что прикажешь дѣлать, коли травъ-те у насъ нѣтъ?—конфузится старушка.

— Да вѣдь молоко рыбой пахнетъ?

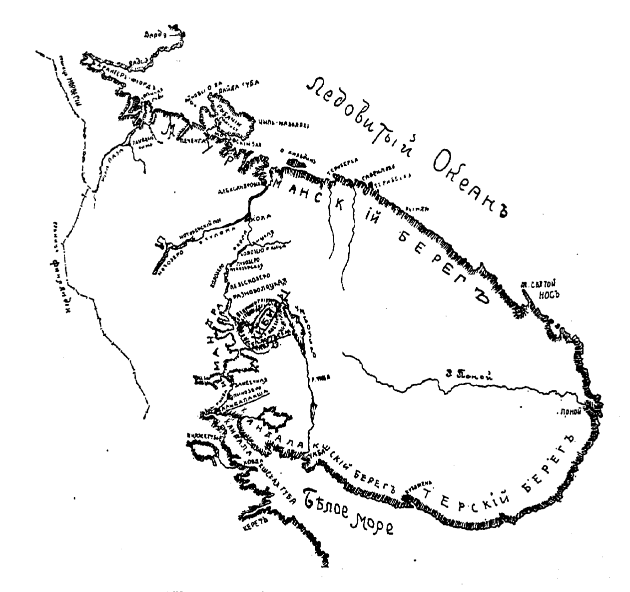
— И попахнётъ. Какая бѣда? Рыбка-те не погана,—защищаетъ рыбное молоко, мигая, старушка.

Подходитъ студентъ, нашъ случайный спутникъ, ботаникъ, которому съ нами по пути, высокій ботаникъ въ сѣрой суконной курткѣ и длинныхъ сапогахъ, и торжествующе говоритъ:

— А вѣдь мы переѣзжаемъ!

— Что переѣзжаемъ?

— Полярный кругъ.

Кольскій полуостровъ (Лапландія). Путь изъ Кандалакши въ Колу. Составлено по картамъ Генеральнаго Штаба, А. А. Мухина, проф. Д. Рамзая (нанесены Хибинскія горы).

И по картѣ видно, что переѣзжаемъ, переѣхали, но какой же это полярный кругъ? Теплынь, тихій вѣтеръ, тихое море, и солнце, солнце,—ослѣпительное солнце! Что́ же будетъ тамъ-то, когда здѣсь такъ свѣтло! Это какое-то солнечное предпразднество передъ настоящимъ праздникомъ солнца.

И, переѣхавъ полярный кругъ, мы переходимъ на другой пароходъ, поменьше, увѣренные, что солнцу конца не будетъ.

Уже насъ четверо: я, геологъ, ботаникъ и милый москвичъ медикъ. И опять всѣмъ по пути.

А на новомъ пароходѣ еще человѣкъ, которому съ нами

по пути: финскій студентъ ѣдетъ къ своему профессору, а профессоръ съ другимъ студентомъ ждетъ его въ Кандалакшѣ,—значитъ, всѣмъ въ Лапландію. Но какъ же мы всѣ доберемся, гдѣ достать столько лодокъ? Не испугаемъ ли мы нашимъ нашествіемъ тихихъ лопарей, да еще всѣ со строгими бумагами отъ архангельскаго вице-губернатора, чтобы всѣ намъ помогали и содѣйствовали?

Но утро печалитъ насъ. Солнце блѣдное и свѣтитъ черезъ силу. Тянутся горы—и вдалекѣ, надъ синими очертаніями вершинъ, высоко блеститъ что-то бѣлое.

— Это облако,—говоритъ геологъ.

— Это снѣгъ,—утверждаетъ разсудительно ботаникъ, не выпуская изъ рукъ бинокля.

Первый снѣгъ, который мы видимъ въ іюнѣ.

Солнце исчезло. Захолонуло юркимъ холоднымъ вѣтромъ. Вѣтеръ плачется надъ моремъ. Тучи со всѣхъ сторонъ нависли надъ моремъ—и стойкія тучи, несуетливыя, привычныя стоятъ цѣлыми недѣлями неподвижно.

Чтò если въ Лапландіи дождь и тучи? Мы ничего не увидимъ. Въ горы нельзя попасть, мы опоздаемъ вò-время добраться до Норвегіи—и тогда прощай, полуночное солнце!

Лопарскіе колдуны, должно быть, не хотятъ пустить насъ въ древнюю Пахьолу, какъ зовется въ „Калевалѣ“ Лопская земля. Но вѣдь мы не смѣялись надъ лопинами. За что же насъ не пускать?

Мы у вратъ Пахьолы.

Пугливо вспоминаются стихи изъ „Калевалы“:

Много снѣгу на Пахьолѣ,
Много льду въ деревнѣ хладной;
Снѣга рѣки, льда озера;
Тамъ блеститъ застывшій воздухъ,
Зайцы снѣжные тамъ скачутъ,
Ледяные тамъ медвѣди
На вершинахъ снѣжныхъ ходятъ,
По горамъ изъ снѣга бродятъ,
Тамъ и лебеди изъ снѣга,
Ледяныхъ тамъ много утокъ,
Въ снѣговомъ живутъ потокѣ,
Въ ледяной плывутъ пучинѣ.

Чтò если это правда, правы тѣ, кто пугалъ насъ въ Москвѣ, а географія обманула?

А „Калевала“ пугаетъ еще сильнѣй, заботливо остерегаетъ:

Не ходи ты, мой сыночекъ,
Въ села дальнія Пахьолы,
Къ очагамъ дѣтей Пахьолы,
На поля дѣтей лапландскихъ!

Сѣрыя перекатываются волны, и слѣдъ отъ парохода, долгій, четкій и играющій, когда море спокойно, теперь едва замѣтенъ, ломаемый темно-сѣрыми, гоняющимися другъ за другомъ волнами.

Берега все ближе и ближе. Мы ёжимся отъ холода. Вѣтеръ мечется по морю, теребя воду и выжимая изъ нея бѣлую пѣну.

Пароходъ даетъ долгій свистокъ и останавливается. Это—Кандалакша. Мы у воротъ Лопской земли.

Большой карбасъ качается на волнахъ у самаго борта, но волна то и дѣло отбрасываетъ его въ сторону. Наши вещи, какъ мячики, летятъ въ карбасъ. Мы тѣснимся въ карбасѣ. Идетъ мелкій дождь.

Село Кандалакша расположено на обоихъ берегахъ рѣки Нивы, впадающей въ Кандалакшскую губу. Рѣка Нива—стокъ огромнаго лапландскаго озера Имандры, занимающаго площадь въ 1755 квадр. верстъ, принимающаго въ себя 26 рѣкъ, испещреннаго 90 островами. Рѣка Нива настолько бурна, порожиста, стремительна, что несмотря на свое малое протяженіе—всего 32 версты, она весной никогда не доноситъ льда съ Имандры до моря, до Кандалакши: весь ледъ рѣка успѣваетъ разбить, раскрошить, истаять на своихъ порогахъ и переборахъ. Въ Кандалакшѣ всегда стоитъ шумъ и гулъ, какъ будто не прекращается древняя сѣча и невѣдомые богатыри,—не тѣ ли, которыми пугаетъ „Калевала":

Длинный мужъ земли печальной,
Вышиной ты съ сосну будешь,
Будешь съ ель величиною —

невѣдомые богатыри бросаются огромными камнями черезъ рѣку.

Въ древности здѣсь былъ городъ, названный норвежцами Candelax или Канделахте, былъ монастырь съ богатой солеварней, былъ оживленный торгъ, куда сходились норвежцы, шведы, русскіе, лопари, финны, были и битвы—теперь здѣсь тихое селеніе, а въ немъ— вѣчные труженики—рыбаки. Стоятъ двѣ старыя прекрасныя деревянныя церкви, суровые каменные

утесы, обрывающіеся въ море, хранятъ на себѣ слѣды таинственныхъ письменъ, — въ землѣ, если покопаешь ее, находишь кусочки слюды — остатки давнымъ-давно исчезнувшаго монастыря,—и нѣтъ больше ничего, говорящаго о древней жизни. А вѣдь отсюда, черезъ рѣки и озера, лѣса и болота, шелъ знаменитый новгородскій путь къ океану, который былъ прекрасно извѣстенъ еще въ XII вѣкѣ, и только въ глуби Лапландіи мы поняли, какъ близко еще здѣсь то время—двѣнадцатый вѣкъ, какъ убѣжала отсюда далеко шумливая жизнь.

Высокія горы тѣснятся къ морю, синѣя хвойнымъ лѣсомъ. Помѣстительныя двухъэтажныя избы жмутся къ берегу рѣки Нивы и взбѣгаютъ по горѣ къ церкви.

Церковь Іоанна Предтечи въ Кандалакшѣ—памятникъ народнаго деревяннаго строительства на сѣверѣ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

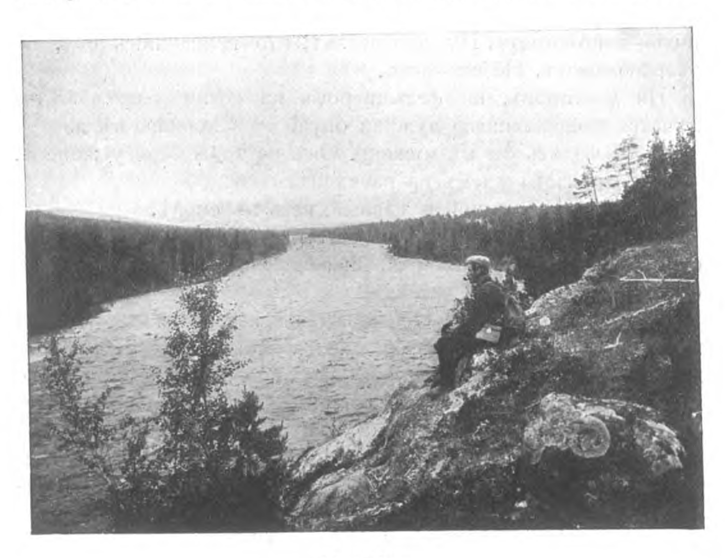
Насъ встрѣчаетъ финскій профессоръ, въ высокихъ сапогахъ и шведской курткѣ, и голубоглазый студентъ. Мы знакомимся.

И начинаются неожиданности.

Оказывается, что Хибинскія горы, на которыя мы стремимся и которыя на картѣ русскаго Генеральнаго Штаба обозначены сплошной бѣлой краской, какъ внутренность какого-нибудь необитаемаго острова или какъ поверхность неизслѣдованнаго Южнаго полюса, давнымъ-давно обслѣдованы нашимъ новымъ знакомцемъ, финскимъ профессоромъ г. Д. Рамзаемъ; еще въ началѣ 90-хъ гг. въ журналѣ „Fennia“ имъ была опубликована превосходная и совершенно точная карта Хибинъ. Но – увы!—для русскихъ путешественниковъ, довѣр-

насъ вести: ибо по-лопарски аймерсъ-пайкъ просто значитъ „высокое мѣсто“.

Профессоръ съ двумя студентами собирается въ путь на Имандру вмѣстѣ съ давнимъ своимъ спутникомъ—старшимъ П., и видно, какіе они старые, вѣрные друзья и какіе они оба прекрасные географы, финскій профессоръ и русскій мужикъ. Съ ними отправляется нашъ медикъ. Они нагрузили поклажу на единственную лошадь, имѣющуюся въ Кандалакшѣ, а сами пойдутъ за телѣгой пѣшкомъ. До Имандры тридцать двѣ версты.

Рѣка Нива.
Съ фотографіи З. З. Виноградова.

А мы ѣдемъ съ младшимъ П. на лабиринтъ. Но прежде, чѣмъ ѣхать, у насъ былъ большой разговоръ.

— А есть у васъ тутъ вавилоны?—говорю я наугадъ.

— А какъ про то слышали? — ни да, ни нѣтъ не отвѣчаетъ П.

— Такъ ужъ, слышали. Знаемъ.

— Есть,—соглашается П.—А вотъ еще у насъ кремневые топорики у мужичка есть.

— Какіе топорики?

чиво руководствующихся десятиверстной картой, изданной через двадцать лѣтъ послѣ изслѣдованій Рамзая, Хибины все еще остались бѣлой областью невѣдомаго!

Профессоръ остановился въ избѣ; его хозяинъ крестьянинъ А. П.—старый его знакомецъ, водившій профессора по горамъ и нынѣ опять собирающійся въ горы. Онъ только лукаво улыбается на развернутыя нами длинныя географическія карты Генеральнаго Штаба.

— Никуда вы по нимъ не придете. И мѣстъ-то такихъ нѣтъ, какія тамъ обозначены.

— Ja, ja,—добродушно подтверждаетъ профессоръ.—Плохая карта.

— Тутъ и озеръ-то не слыхано, гдѣ они на картѣ написаны.

Мы смотримъ на карту. Она убѣждаетъ насъ, что зданіе почты на противоположномъ берегу рѣки Нивы, а оно на нашемъ, недалеко отъ насъ. Мы молчаливо складываемъ карту, прячемъ ее до Москвы—и прилежно переводимъ на кальку профессорскую карту.

— А видно здѣсь полночное солнце?—спрашиваетъ нетерпѣливый медикъ.

— Нѣтъ. Оно вонъ за той тундрой садится,—говоритъ П., улыбаясь въ бороду, и показываетъ на высокую гору, поросшую лѣсомъ, съ каменистой сизой голой вершиной.

„Тундра—низкая болотистая равнина",—вспоминается учебникъ географіи. Хороша низкая болотистая равнина, въ полверсты вышиной!

Въ Лапландіи гора, на вершинѣ которой уже не можетъ расти лѣсъ, называется тундрой, и, напримѣръ, „Горѣлая тундра" означаетъ не равнину съ выгорѣлымъ лѣсомъ, а горную цѣпь, гдѣ даже лѣтомъ не таетъ снѣгъ. Гора, сплошь покрытая лѣсомъ, называется варакой. Къ тысячеверстному пространству Лапландіи неприложимы названія, правильныя для другихъ мѣстъ: у самоѣдовъ тундра—болотистая равнина, въ Лапландіи—гора. Бѣдная гимназическая географія!

Впослѣдствіи за свою географію мы краснѣли у лопарей, когда, повѣривъ нѣкоторымъ путешественникамъ по Лапландіи, мы упорно просили лопарей повести насъ на „высочайшую гору Лапландіи—Аймерсъ-Пайкъ", какъ именовали ее эти путешественники,—и когда лопари, улыбаясь, показывали намъ и направо, и налѣво, и прямо передъ собой нѣсколько такихъ аймерсъ-пайковъ и недоумѣвали, на который изъ нихъ нужно

— Кремневые топорики. Такъ хорошо обтесаны: руби да и только. Въ землѣ мужикъ ихъ нашелъ.

По описанію нашего П., мы убѣждаемся, что мужичекъ нашелъ въ землѣ орудія каменнаго вѣка.

— А продастъ ихъ мужичекъ?

— Не продастъ. Невыгодно, говоритъ.

— Какъ не выгодно?

— А такъ. Онъ ими лѣчитъ. У кого поясница болитъ, не сгинается, придетъ къ мужичку—тотъ топорикъ приложитъ къ пояснинѣ, а потомъ водицу скатитъ съ топорика, дастъ пить—и помогаетъ. Ну, кто пятакъ, кто гривенникъ ему, по усердію даютъ. Не продастъ.

Ни докторовъ, ни фельдшеровъ на сотни верстъ нѣтъ; лѣчатся кандалакшскіе мужики орудіями каменнаго вѣка.

— Съѣздить бы къ мужику. Онъ на томъ берегу живетъ.

— Нѣтъ. Мы ѣдемъ на вавилонъ.

Карбасъ небольшой и тѣсный, весь въ смолѣ.

П. на рулѣ, а Митюша, голубоглазый малый съ серебряной серьгой въ ухѣ и съ непрекращающейся удивленной улыбкой на губахъ, сидитъ на веслахъ.

Бурлитъ сѣрая всклокоченная Нива, вскакивая на огромные валуны, выглядывающіе изъ воды. Связанныя другъ съ другомъ длинныя бревна, образуя деревянную цѣпь, преграждаютъ устье рѣки, чтобы теченіемъ не уносило въ море лѣсъ, сплавляемый съ Имандры внизъ по рѣкѣ.

Ловко извивается карбасъ между валунами и каменными переборами, дѣлаетъ нѣсколько хитрыхъ изворотовъ, подбрасываемый бурнымъ теченіемъ, и вплываетъ въ море. Высокіе берега забираются выше и выше; розовѣетъ гранитъ; темной и густой вѣчной зеленью встаютъ лѣса тамъ и тутъ по берегамъ, и кружатся, кружатся, стонутъ надъ моремъ бѣлыя чайки, никѣмъ не пуганныя, хмурыя, быстрыя, хищныя.

У нашего геолога охотничья страсть. Онъ почти сердится на чаекъ, неугомонныхъ, дерзкихъ кликушъ, снимаетъ ружье—и палитъ. Ахнуло съ испугу эхо въ горахъ, пролетѣлъ тонкій дымокъ, и бѣлая чайка, запрокинувшись, точно отталкиваясь ножками отъ взмученной волны, закачалась на водѣ.

— Эхъ, зачѣмъ ты, баринъ?—попенялъ П.

Плыветъ мертвая чайка. И опять, и опять плачутъ вопленицы-чайки надъ моремъ.

П. обернулся, смотритъ на берегъ, отвѣсный и неприступ-

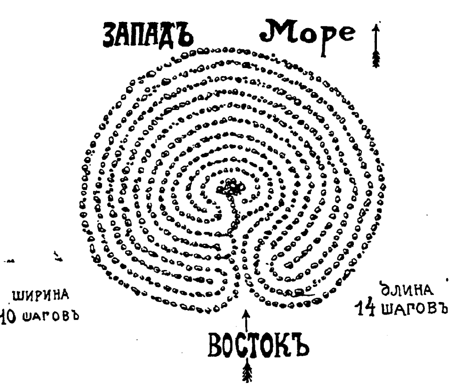
ный, и показываетъ рукой на два огромныхъ параллельныхъ оползня, съ вершины берега прошедшихъ глубокими бороздами къ самой водѣ.

— Щели-то [1]) видишь? То Лѣшій катился на лыжахъ. Лыжищи огромныя. Раскатился на все море. А на морѣ островъ, въ карбасѣ старуха треску ловила, заорала:—Какъ хвачу веслищемъ по голенищамъ!—Ахъ, ты, старая карга! крякнулъ Лѣшій: старуха, какъ была, такъ и окаменѣла. Вонъ островокъ-то. А слѣдъ отъ лѣшевыхъ лыжъ остался. Вонъ щели-то какія.

Пріѣхали къ „вавилону".

Онъ въ трехъ верстахъ къ востоку отъ Кандалакши, на длинномъ узкомъ и низкомъ мысу, по здѣшнему на „нàволокѣ" Хохолокъ, выходящемъ въ море. Отъ берега мысокъ отдѣляется сухой каменистой отмелью, которая во время приливовъ покрывается водой. Мысокъ почти безъ всякой растительности.

На каменистой почвѣ съ еле-еле пробивающейся травкой расположенъ самый лабиринтъ — „вавилонъ". Это—неправильной формы эллипсъ, оваль, имѣющій по діаметру, въ длину—14 и въ ширину—10 шаговъ. Входъ въ лабиринтъ съ востока; противоположная западная сторона обращена къ морю. Изъ небольшихъ валуновъ, изъ осколковъ разрушающагося гранита, выложены невысокія (не выше $^1/_4$ аршина) круги эллипсической формы.

Планъ лабиринта («вавилона») близъ Кандалакши.

Между этими кругами вьется дорожка, такая узенькая, что на нее можно поставить только одну ступню. Входъ въ этотъ извивающійся между камнями проходъ только одинъ. Въ центрѣ лабиринта невысокая кучка камней. Со всѣхъ краевъ лабиринта до этой кучки по 10 проходовъ. Войдя въ узкій входъ, сдѣлавъ по три поворота вправо и влѣво, вы быстро дости-

[1]) По сѣверному щель—ущелье, разсѣлина, пропасть.

гаете каменной кучки въ центрѣ, но затѣмъ узкая дорожка внезапно уводитъ васъ влѣво, затѣмъ вправо—и вы описываете огромный кругъ по самой крайней дорожкѣ, самой длинной. Описавъ этотъ кругъ, вы описываете затѣмъ—сперва удаляясь влѣво, потомъ вправо,—внутреннюю петлю лабиринта. Но вотъ дорожка, доселѣ единственная, передъ вами раздваивается: куда итти? Если вы выберете дорогу вправо, она заставитъ васъ описать узенькую петлю вокругъ центра лабиринта, и вы вернетесь на то же мѣсто, откуда пошли, но только слѣва. Если вы выберете лѣвую дорогу, она, также заставивъ васъ описать петлю вокругъ центра, приведетъ опять-таки на старое мѣсто, но уже справа. Вы заблудились. Но вамъ не надо было вовсе обращать вниманія на раздваивающуюся дорожку. Пройдя по лѣвому или правому пути, вернувшись на распутье, вы должны продолжать путь, итти по той самой дорожкѣ, которая привела васъ къ распутью, но уже въ обратномъ направленіи, чѣмъ вы шли въ первый разъ; вамъ придется вновь описать внутреннюю петлю, кругъ по самой крайней дорожкѣ, потомъ приблизиться къ центру и, описавъ самую внутреннюю маленькую петлю у центра, выйти къ выходу. Все это становится яснымъ послѣ изученія чертежа лабиринта, но въ пути, бродя по таинственнымъ дорожкамъ лабиринта, ничего не ясно—и мы путаемся, я и геологъ, путается Митюшка, шагая за нами,—а П. въ сторонкѣ посмѣивается.

Мы спрашиваемъ его: что значитъ и зачѣмъ вавилонъ? Слова лабиринтъ онъ не знаетъ.

— Вавилонъ былъ городъ древній. Войти въ него можно, а выйти нельзя. Вотъ какъ вы теперь.

И смѣется, подзадоривая насъ.

— Да почему жъ здѣсь у васъ вавилонъ?

— А вотъ для примѣра, чтобъ видно было, положили. Когда Пугачъ еще былъ, до воли,—бѣжали сюда разные люди; послѣ, какъ Пугача поймали, они и выклали.

Чудеса! Тамъ, въ Соловкахъ [1]) — Петръ Великій, здѣсь — Пугачевъ.

Кто же и для чего выложилъ эти причудливые хитрые ходы, этотъ лабиринтъ?

---

[1]) На Большомъ Заяцкомъ островѣ, принадлежащемъ къ группѣ Соловецкихъ острововъ, я также наблюдалъ вавилоны, выложенные, по объясненію монаха, Петромъ Великимъ.

На вопросъ этотъ нѣтъ пока отвѣта.

Лабиринты, подобные нами видѣннымъ, разбросаны по Швеціи, Норвегіи, Финляндіи, по нашему бѣломорскому и приокеанскому сѣверу. Они не одинаковы по устройству: иные изъ нихъ весьма просты (какъ лабиринтъ на Б. Заяцкомъ островѣ), другіе весьма сложны, но у всѣхъ ихъ одна общая черта: они расположены почти всегда *при морѣ:* такъ, въ Финляндіи, по описанію финскаго археолога Аспелина, изъ всѣхъ извѣстныхъ ему пятидесяти лабиринтовъ только одинъ находится внутри страны. Несмотря на сѣверные вѣтры, бури и дожди, которымъ такъ легко, казалось бы, раскидать или снести прочь небольшіе камни лабиринтовъ, расположенныхъ всегда на открытыхъ мѣстахъ, лабиринты хорошо сохранились и еще ясны ихъ причудливыя дорожки.

Что же можно сказать объ ихъ происхожденіи и цѣляхъ, съ какими они устроены?

Изъ всѣхъ существующихъ объясненій, данныхъ археологической наукой, нѣтъ ни одного совершенно достовѣрнаго: всѣ противорѣчивы и исключаютъ другъ друга. Русскій ученый, академикъ Беръ, первый открывшій сѣверные лабиринты въ первой половинѣ прошлаго вѣка, думалъ, что они являются памятниками историческихъ событій. Финскій археологъ Аспелинъ, болѣе всѣхъ другихъ изслѣдовавшій лабиринты, напротивъ, относитъ ихъ къ несравненно болѣе далекому времени—къ бронзовому вѣку. Наши археологи Кондаковъ и Я. Смирновъ ставятъ ихъ въ связь съ тѣми лабиринтами, которые устраивались въ средніе вѣка въ видѣ узоровъ на полахъ церквей. Одни относятъ лабиринты сѣвера къ временамъ христіанскимъ, другіе—къ языческимъ. Но никто не можетъ сказать, къ какому христіанскому обычаю они относятся, для чего они служили; трудно рѣшить, и для какого языческаго обряда могли служить лабиринты. Лопари, съ которыми пришлось намъ имѣть дѣло, говорятъ, что въ ихъ странѣ нѣтъ лабиринтовъ.

Въ Финляндіи у лабиринтовъ встрѣчаются разныя названія, все больше названія славныхъ городовъ: Іерихонъ, Ниневія, Іерусалимъ, Лиссабонъ; въ Лапландіи у всѣхъ лабиринтовъ только одно названіе: Вавилонъ. Но это названіе надо писать съ маленькой буквы, потому что оно стало именемъ нарицательнымъ для лабиринтовъ.

Для объясненія русскаго названія лабиринтовъ—„вавилонъ"

интересно вспомнить, что въ народной рѣчи существуютъ повсюду выраженія „писать вавилоны“—т.-е. особо-хитрые, спутанные круги, „расшито вавилонами“—т.-е. расшито особо-хитрыми узорами; вавилонъ, по народнымъ понятіямъ, это что-то хитрое, запутанное, затѣйливое.

Вавилоны тѣсно связаны съ моремъ.

Отсюда возникаетъ естественное предположеніе, не являются ли сѣверные лабиринты памятниками языческихъ вѣрованій, относящихся именно къ морю и морскимъ занятіямъ—мореходству и морскимъ опаснымъ промысламъ? Лабиринты встрѣчаются исключительно въ странахъ, въ древности имѣвшихъ и нынѣ имѣющихъ живѣйшую связь съ моремъ—въ Скандинавіи, Финляндіи, прибрежной Лапландіи, Бѣломорьѣ, Мурманѣ.

Донынѣ населеніе этихъ странъ хранитъ цѣлый рядъ суевѣрій и обрядовъ, относящихся къ морю. Изъ христіанскихъ обычаевъ, относящихся къ морю, повсемѣстенъ на русскомъ сѣверѣ обычай постановки креста для испрошенія себѣ у Бога благопріятнаго плаванія. Сколько такихъ крестовъ на Заяцкомъ островѣ, сколько ихъ по берегамъ океана и Бѣлаго моря! Этотъ христіанскій обычай не замѣнилъ ли какой-нибудь языческій обрядъ, относившійся также къ морю и связанный съ лабиринтомъ, а лабиринтъ вѣдь всегда въ древности считался мѣстомъ очищенія и искупленія, добровольной жертвой? Быть-можетъ, кресты на Заяцкомъ островѣ только замѣнили собой лабиринты, которыхъ къ тому же такъ много осталось на этомъ островѣ?

Вѣдь еще недавно былъ на Мурманѣ совсѣмъ языческій обрядъ моленія вѣтру, отъ котораго все зависитъ на морѣ, жизнь и смерть. Быть-можетъ, прошедшій всѣ ходы лабиринта и вышедшій оттуда, не заблудившись, принеся жертву, считался чистымъ и могъ не бояться морскихъ злоключеній и препятствій, бурь и скалъ, какъ не боялся потерять вѣрный путь въ хитромъ лабиринтѣ?

Но все это лишь одни предположенія, и донынѣ неразгаданной тайной смотрятъ на насъ хитрые узоры сѣверныхъ вавилоновъ, сложенныхъ изъ сѣдыхъ древнихъ камней, подъ хмурыми тучами или незакатнымъ солнцемъ.

На утро пріѣхалъ лопарь, маленькій, пьяненькій и неуклюжій, и объявилъ намъ, что на Имандрѣ буря, профессоръ

остался на берегу, такъ какъ въ карбасѣ по озеру ѣхать невозможно, волны въ сажень, и проситъ насъ дать телеграмму на лѣсопильный заводъ въ Умбу, чтобы разрѣшили воспользоваться маленькимъ буксирнымъ пароходикомъ, возящимъ плоты на Имандрѣ, и еще проситъ насъ, дождавшись отвѣтной телеграммы, немедленно итти къ Имандрѣ. Томительно было ждать телеграмму. Наконецъ, пришла телеграмма, позволяющая воспользоваться пароходомъ, и мы тронулись въ путь.

Мы шли пѣшкомъ. На лошадь, запряженную въ телѣгу, навалили вещи, и старый лопарь, мальчикъ по росту, съ бе-

Огромный валунъ на пути изъ Кандалакши въ Колу.
Съ фотографіи З. З. Виноградова.

зусымъ, грустнымъ, морщинистымъ лицомъ, зашагалъ подлѣ лошади. Мы вышли въ восемь часовъ вечера и къ четыремъ утра были уже на Имандрѣ, пройдя за это время, съ четвертьчасовой передышкой, 32 версты.

Гудящій вѣтеръ рвалъ облака: казалось, всюду рвется огромное, во все небо, полотнище, кусокъ за кускомъ, аршинъ за аршиномъ,—полотнища шумятъ, и рвутся, и падаютъ. Бѣлые пѣтушьи гребешки прыгаютъ по сѣрой клокочущей рѣкѣ. Черезъ разорванное полотнище тучъ метнется внезапно яркая голубизна неба, засіяетъ земля, просвѣтлѣютъ черные силуэты старыхъ избъ и рыбныхъ сараевъ на сваяхъ,—и

опять заплетутся тучи въ новую ткань, чтобы вновь вѣтеръ порвалъ ихъ. Но вѣтеръ шумно прорвалъ самое большое полотнище—и солнце засіяло краснымъ золотомъ.

Дорога идетъ лѣвымъ берегомъ р. Нивы.

А Нива шумитъ, мчится, нагоняетъ насъ шумомъ, провожаетъ шумомъ и опять имъ встрѣчаетъ. Ей въ отвѣтъ шумитъ лѣсъ надъ сѣрыми мшистыми валунами, надъ нѣжной сплошной зеленью морошки, краснѣющей еще неспѣлыми ягодами, надъ пухлыми тихими коврами причудливыхъ мховъ, надъ веселыми зарослями розовоцвѣтнаго Иванова чая.

Все время дорога идетъ выше 300 метровъ. Весь восторгъ, вся нѣжность сѣвера передъ нами. На солнцѣ еще сіяютъ дальнія синія вершины, и на всемъ—его тихій вечерній неуга-

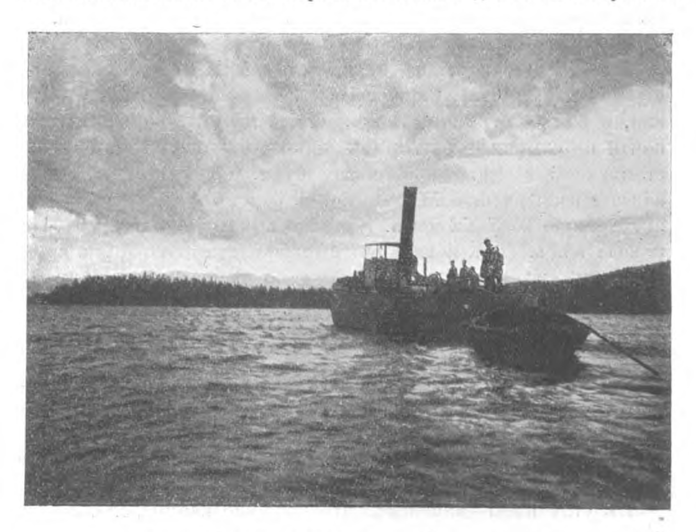

Бревенчатыя гати по дорогѣ на озеро Имандра.
Съ фотографіи З. З. Виноградова.

сающій свѣтъ. Смолкаютъ птицы. Странная солнечная тишина почти не нарушается привычнымъ и, кажется, созвучнымъ ей шумомъ рѣки. Старые свѣтлые лѣса, то взбѣгая на горы, то клонясь къ водѣ, то синѣя высоко, высоко въ солнечныхъ

лучахъ, то двигая безшумно и безсонно вѣтвями, исполнены необычной, непонятной намъ силы и тайны.

Плетется наша лошадка. Плетется, молча, лопарь, и когда она останавливается на корявыхъ гатяхъ [1]), онъ не понукаетъ

Озеро Имандра. Свѣжій вѣтеръ. Нашъ пароходъ.
Съ фотографіи З. З. Виноградова.

ее, а что-то ей шепчетъ, точно бесѣдуетъ съ ней по душамъ, и она смотритъ на него умными большими глазами, и плетется опять. Гати тянутся на версту, на двѣ, на три, и густая морошка, пробиваясь между бревешекъ, устилаетъ ихъ зеленью, желтымъ, краснымъ.

Солнце насъ ведетъ по древнему новгородскому пути. Пусть перебѣгаютъ по пригоркамъ телеграфные столбы, соединяющіе проволокой Архангельскъ съ океаномъ,—около нихъ нѣтъ привычныхъ ихъ спутниковъ—желѣзнодорожныхъ рельсъ или широкаго шоссе: здѣсь камни да мохъ, да шумъ рѣки—и пустота вокругъ, и пѣшій древній путь.

Послѣ часа ночи солнечный свѣтъ начинаетъ прибывать,

[1]) Гати—помостъ изъ бревешекъ, положенный черезъ топкія мѣста.

какъ вода въ половодье, все свѣтлѣетъ,—а и было свѣтло,—свѣтлѣетъ небо, лѣсъ, лошаденка, лопарь, свѣтлѣемъ мы сами, камни, листочки, морошка подъ ногой, коричневатая топь болотъ,—и наступаетъ невѣдомый солнечный праздникъ, въ который разъ наступаетъ! Еще сильнѣе водный шумъ. Не Имандра ли близко?

Нѣтъ. Еще часъ, два пути,—и вотъ Имандра—огромное, шумящее, стонущее, борящееся съ кѣмъ-то невидимымъ стекло, и надъ нимъ алый нестерпимый кругъ солнца. Вѣтеръ, почти не слышный на горной дорогѣ въ лѣсу, воетъ въ изступленной тоскѣ. На Имандрѣ—буря. Сѣрыя волны, свѣтящіяся красными огнями, осаждаютъ берегъ и небольшую черную-черную избу на немъ. Карбасы вытащены на берегъ. Парохода нѣтъ. Такъ неуловимо быстро настигаютъ другъ друга волны, и смѣняютъ, и бьютъ все по тому же, по тому же мѣсту, и всѣ какія-то тяжелыя, бѣлобокія, что, кажется, озеро должно же, непремѣнно должно выплеснуться, разлиться, все затопить, смыть, унести.

Но нѣтъ. Все стоитъ: и только оно—изсѣра-красное, а гдѣ золотое, а гдѣ бѣлое, зеленое, гнѣвное и немощное, воетъ и вопитъ, пугая спящій на ногахъ лѣсъ.

Въ закопченной избѣ набито биткомъ народу. Желтый самоваръ кипитъ на столѣ.

Въ углу избы—камелекъ. Это—подобіе камина, сложеннаго изъ неотесанныхъ камней, съ широкимъ открытымъ устьемъ; камелекъ черенъ отъ копоти; ярко пылаютъ дрова краснымъ огнемъ. Около огня жмутся въ общей кучѣ лопари. Только въ теплѣ замѣчаешь, какой леденящій холодъ у озера. Лопари неумолкаемо говорятъ и кричатъ, разлегшись на полу, на скамьяхъ, на оленьихъ шкурахъ. Мужчины перемѣшались съ женщинами. Никого и ничего не разберешь. Ихъ всѣхъ согнала въ избу буря. Всѣ ждутъ парохода. Лопари низкорослы, и лица у нихъ, у большинства, безбородыя, безусыя. Нестерпимо душно, но тепло: всѣмъ тепло. Пьемъ чай съ профессоромъ. Пьютъ чай лопари. Вѣтеръ звякаетъ въ окна.

Озеро красное. Солнце огненное.

— Ай! Пароходъ!—кричитъ лопарь въ странной кофтѣ.

И начинается невообразимая суетня. Если бъ составить цѣлый народъ изъ однихъ дѣтей и парнишекъ не старше восемнадцати лѣтъ, то лопари такой народъ. Они — какъ дѣти: они рады пошумѣть, потолкаться, поохать — и безъ

нужды, безъ сердца, а съ улыбкой, съ безобиднымъ смѣшкомъ. Всѣ сразу захотѣли на пароходъ, всѣ сразу влѣзли въ карбасъ, и никакъ не могутъ отпихнуться отъ берега; отпихнулись—такъ треплетъ карбасъ волной, что визжатъ лопари, и опять все по-дѣтски, безпомощно и жалобно. Мы сѣли во второй карбасъ. Карбасъ бьется о пароходъ, но мгновеніе—и волной его отшвыриваетъ далеко прочь. Держась за канатъ, хватаясь ногами за что попало, взлѣзаемъ на пароходъ, втягиваемъ вещи. Но и пароходъ швыряетъ волна. Онъ тѣсный

Лопарскій камелекъ въ станціонной избѣ.
Съ фотографіи З. З. Виноградова.

и маленькій. Едва помѣщаемся кое-какъ на палубѣ. Надо держаться подальше отъ борта: волной шибаетъ въ бортъ и въ лицо хлещетъ холодной водой. Упорно рѣжетъ волну пароходъ, но волна взлѣзаетъ на палубу и убѣгаетъ прочь, заливая ее быстрыми холодными ручейками.

Лопарки въ красныхъ кофтахъ, въ красныхъ головныхъ уборахъ, кутаютъ притихшихъ испуганныхъ дѣтей, но сами быстро и безумолчно перебрасываются словами съ мужчинами и между собой, болтаютъ неукротимо, пока кто-нибудь не заохаетъ отъ качки. Тогда всѣ еще больше заговорятъ надъ

заболѣвшимъ, задвигаются, заходятъ по палубѣ, попадутъ подъ волну—вскрикнутъ, и опять болтать и охать.

Горы справа и слѣва тѣснятъ Имандру.

— Смотрите, смотрите!—кричитъ медикъ.—Профессоръ говоритъ, что это—Хибины.

На правомъ берегу ровно и невозмутимо за синью лѣсовъ и лѣсистыхъваракъ блестятъ тусклымъ бѣло-розовымъ цвѣтомъ снѣга. Это—вѣчные снѣга Хибинъ.

На лѣвомъ берегу, еще дальше, еще ровнѣй и невозмутимѣй, блещутъ снѣга на высотахъ Чунъ—тундры, еще неизслѣдованной и мало знакомой даже самимъ лопарямъ. Нѣсколько часовъ ѣзды по Имандрѣ—и пароходъ подходитъ къ берегу. Недалеко Бѣлогубская станція, откуда начинается нашъ путь въ Хибинскія горы. На пароходномъ карбасѣ мы съѣзжаемъ на берегъ вдалекѣ отъ жилья. Вещи оставлены на берегу. Сами плетемся за профессоромъ по лѣсу, по вязкому сырому мху.

Черезъ часъ ходьбы мы пришли на Бѣлогубскую, къ маленькому домику телеграфной станціи. Расположились въ ямской избѣ. Она такая же, какъ та, гдѣ мы съ лопарями пили чай. Камелекъ наполняетъ избу ѣдкимъ дымомъ, но что̀ дымъ, когда отъ камелька идетъ тепло и легко поспѣваетъ самоваръ.

Въ ямской избѣ. Сколько вамъ нужно ямщиковъ? На сколько лошадей у васъ открытый листъ отъ губернатора?

Но никакихъ лошадей въ Лапландіи нѣтъ; нѣтъ и ямщиковъ.

„Лошадь"—это въ зимнее время олень, въ лѣтнее—это карбасъ съ гребцами, а гребцы эти—„ямщики". Глубокой новгородской стариной вѣетъ отъ этихъ названій, отъ этого счета на „лошадь". Если вы платите за одну лошадь, вамъ даютъ карбасъ съ двумя гребцами,—это и есть ваша „одна лошадь". Когда озеро, по которому вы ѣдете на карбасѣ съ „ямщиками" на веслахъ, кончается и до другого озера нужно итти пѣшкомъ, эти „ямщики" несутъ на себѣ всю поклажу; потомъ опять озеро, опять принимаются за греблю, и такъ до слѣдующей ямской станціи, гдѣ ихъ смѣняютъ другіе „ямщики". А ямщики эти, по большей части — бабы-лопарки, такъ какъ мужчины-лопари заняты въ лѣтнее время рыбной ловлей на озерахъ.

Весь путь отъ Кандалакши до Колы раздѣленъ на шесть перегоновъ съ семью станціями. Путь этотъ проходитъ по озерамъ, рѣкамъ, болотамъ и тайболамъ (лѣсамъ); онъ исключительно лодочный и пѣшеходный, и считается въ 240 верстъ. Путь идетъ по двумъ озернымъ и рѣчнымъ системамъ—одной

впадающей въ Сѣверный Ледовитый океанъ, другой—въ Бѣлое море. Эти водныя системы такъ близко подходятъ одна къ другой, что водораздѣлъ между ними, лежащій между Пелесмозеромъ и Колозеромъ, протяженіемъ всего въ одну версту. Южная система, направляющаяся въ Бѣлое море, включаетъ въ себя Пелесмозеро, стекающее рѣкой Куренгой въ Имандру, громадное озеро Имандру и его стокъ—р. Ниву. Сѣверная океанская система состоитъ изъ трехъ соединенныхъ между собой озеръ—Колозера, Пулозера и Мурдозера и ихъ общаго стока—многоводной и прекрасной рѣки Колы,

Нашъ пѣшеходный караванъ въ глуши Лапландіи. «Ямщики»—лопари съ ношей. Двое изъ путешественниковъ съ «накомарниками» на лицахъ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

которая, соединившись при самомъ устьи съ большой и глубокой р. Туломой, впадаетъ въ Кольскую губу.

Этотъ-то путь, почти меридіанальный, имѣлъ большое историческое значеніе, соединивъ берегъ океана съ новгородскою Русью. Въ еще болѣе отдаленныя времена онъ былъ путемъ, ведшимъ со скандинавскаго сѣвера къ низовью Сѣв. Двины, которое было населено еще въ глубокой древности и было хорошо извѣстно, какъ мѣсто торговыхъ сношеній, многимъ древнимъ народамъ. Теперь—это путь „по-лопарямъ“, а лучше сказать—по трясинамъ, озерамъ и порожистымъ рѣкамъ. Те-

перь только разъ въ годъ оживляется этотъ путь: ранней весной, въ мартѣ или началѣ апрѣля, этимъ путемъ поморы съ Бѣлаго моря направляются, по санной дорогѣ, на Мурманъ, на рыбные промыслы,—да зимой оживляется немного путь: провозятъ по нему почту изъ Колы. Лѣтомъ онъ безлюденъ, никому не нуженъ и плохо проходимъ.

IV.

Лопари.

Лопарское чародѣйство.—Происхожденіе лопарей.—Лопскіе враги.—Миѳологія лопарей.—Сейды и нойды.—Вліяніе христіанства.—Проповѣдь христіанства въ Лапландіи.—Притѣснители лопарей.—Духовныя черты лопарскаго народа.—Лопарская жизнь и промыслы.—Внѣшній видъ лопарей.—Олени и охота.—Угнетеніе лопарей.—Кольскій торгъ.—Пьянство.—Лопарская одежда.—Лопарскія пѣсни.

Лопарей въ старину, и не въ далекую еще старину, считали за могучихъ чародѣевъ и колдуновъ.

Въ финскихъ народныхъ сказаніяхъ „Калевалы" разсказывается о томъ, какъ витязь Ати-Лемминкейненъ собирается въ походъ на лопарей. Мать-старушка удерживаетъ его, разсказывая о страшныхъ лопарскихъ чародѣйствахъ:

Удержать его мать хочетъ,
Остеречь его старушка:
„Не ходи ты, мой сыночекъ,
Въ села дальнія Пахьолы,
Не ходи безъ чародѣйства,
Безъ премудрости всевластной
Къ очагамъ дѣтей Пахьолы,
На поля сыновъ лапландскихъ.
Запоетъ тебя лапландецъ,
Заклянетъ тебя турьянецъ, [1])
По уста положитъ въ угли,
Въ пламя голову и плечи,
Въ золу жаркую всю руку
На каменьяхъ раскаленныхъ".

Не послушался Ати-Лемминкейненъ ни матери, ни жены, пошелъ на лопарей—и не вернулся изъ похода: погибъ въ страшной Пахьолѣ.

---

[1]) Турьянцы—западные (норвежскіе) лопари.

Не одни финны вѣрили въ чародѣйства лопарей: въ нихъ вѣрили и въ Западной Европѣ, и въ Россіи; думали, что лопари обладаютъ властью надъ вѣтрами, могутъ удерживать большіе корабли на ходу. Еще въ XVII вѣкѣ разные писатели о Лапландіи сообщали подробно, какими способами лопари могутъ насылать болѣзни и моръ на людей и животныхъ. Ученнѣйшій пасторъ Іоганнъ Торней, въ самомъ концѣ XVII вѣка, вѣрилъ, что лопари могутъ причинять вредъ посредствомъ бубна. По словамъ этого ученаго человѣка, одинъ лопарь „въ 1670 году устроилъ такъ, что одинъ крестьянинъ утонулъ въ порогѣ“, и сдѣлалъ это волхвованіемъ съ бубномъ. Разсказывали еще въ XVIII вѣкѣ, что лопари могутъ переноситься съ оленьими стадами съ мѣста на мѣсто по воздуху. Такъ сильна была вѣра въ лопарское колдовство и чародѣйство.

Но, должно быть, не сумѣлъ лопарскій народъ, при всемъ своемъ чародѣйствѣ и могуществѣ, сдѣлать самаго простого: выколдовать для себя самого счастливую жизнь,—даже только сносную жизнь, потому что лопская жизнь и прежде, и теперь—горькій безконечный трудъ, и надо удивляться не тому, что лопари бѣдны, грязны, невѣжественны, слабы, что смертность среди нихъ необыкновенно велика, а тому, что, при всемъ этомъ, они еще живутъ и не вымираютъ, и сохранили въ своемъ народномъ характерѣ много самыхъ отрадныхъ и добрыхъ чертъ.

Нельзя не полюбить лопаря, какъ только немного его узнаешь, нельзя не почувствовать къ нему не только жалости, но и уваженія.

Это чувство особенно усиливается, если знаешь прошлое этого народа; оно удвоивается, если лицомъ къ лицу столкнешься съ его настоящимъ.

Еще въ XIV вѣкѣ лопари встрѣчались гораздо южнѣе теперешняго своего обиталища—Кольскаго полуострова: например, на берегу Онежскаго озера. Можно думать, что было время, когда лопари жили еще южнѣе: извѣстный ученый С. К. Кузнецовъ, знатокъ финскихъ языковъ, нашелъ совершенно явственные слѣды лопарскаго языка въ географическихъ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей муромскаго края [1]). Лопари были постоянно тѣснимы къ сѣверу своими соотчичами-финнами и корелами. Самое названіе этого народа „*лопари*“ произошло отъ финскаго корня *lop.*, *loap,* что обозначаетъ: край, предѣлъ; та-

---

[1]) См. его курсъ лекцій „Русская историческая географія“. Часть I. Изд. Импер. Моск. Археолог. института. М., 1910 г.

кимъ образомъ, финны назвали лопарей народомъ, живущимъ у предѣла, на краю свѣта. Сами же себя лопари называютъ *самбо, само, саоме* или *соуми*, т.-е. совершенно такъ, какъ называютъ себя и финны. Въ лопарскихъ преданіяхъ много разсказовъ о набѣгахъ *чуди* на лопскую землю; но эта чудь, тревожившая лопарей, не была какимъ-нибудь отдѣльнымъ народомъ— этимъ именемъ лопари обозначали всякаго врага лопскаго народа; шведы, норвежцы, финны, корелы,—быть-можетъ, даже русскіе одинаково подпадали подъ это названіе.

Былъ и еще одинъ врагъ у лопской земли: это—*Сталло*,— „стальной человѣкъ", закованный въ латы. Чудь шла цѣлымъ войскомъ, Сталло одинъ съ собакой. Быть-можетъ, этотъ стальной Сталло, дѣлавшій мгновенные опустошительные набѣги на лопарей и наводившій на нихъ страхъ—были сѣверные богатыри, скандинавскіе витязи, разбойничавшіе по морямъ дикіе конунги.

Въ XIII столѣтіи до Лопской земли добралась новгородская вольница, ушкуйники въ легкихъ ушкуяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, они пришли уже въ глубокой древности извѣстнымъ путемъ по р. Онегѣ, Бѣлымъ моремъ мимо Заяцкихъ острововъ, Кандалакской губой, озеромъ Имандрой, рѣкой Колой до Кольской губы. Вслѣдъ за ними прошла новгородская рать. Они основали Колу и стали господствовать надъ лопарями.

Въ XVI вѣкѣ, вмѣстѣ съ другими новгородскими землями, лопари достались Московскому государству; ему пришлось вести за власть надъ лопарями и Лапландіей долгую борьбу съ Норвегіей, а потомъ и со Швеціей.

Къ этому времени относится первая проповѣдь христіанства среди лопарей русской Лапландіи.

До середины XVI столѣтія лопари оставались язычниками.

Верховнымъ богомъ у лопарей, какъ и у всѣхъ финскихъ народовъ, былъ Юбмелъ или Ибмелъ [1]; этотъ богъ признавался лопарями за родоначальника всего лопскаго народа. Онъ обиталъ на небѣ. До сихъ поръ имя этого бога сохранилось въ лопарскихъ географическихъ названіяхъ: напримѣръ, на правомъ (отъ Кандалакши) берегу Имандры есть глубокое и мрачное ущелье, вводящее въ Хибинскія горы, называемое „Юмъ-Егоръ". Лопари донынѣ чувствуютъ нѣкоторый страхъ въ этомъ мѣстѣ, дѣйствительно, тоскливомъ и сумрачно-дикомъ.

[1]) У финновъ онъ назывался Юмала, у черемисовъ—Юмо, у эстовъ—Юммаль.

У Юбмела былъ внукъ, сынъ его дочери и злого духа Перкеля, богъ-громовникъ, богъ-громъ Айеке; онъ и золъ, и добръ, потому что произошелъ и отъ дочери добраго Юбмела, и отъ злобнаго Перкеля. Айеке мечетъ стрѣлы изъ лука, а лукъ его—радуга, по-лопски „дѣдовъ-лукъ", такъ какъ Айеке и значитъ „дѣдъ".

Изъ множества лопскихъ древнихъ боговъ больше всѣхъ другихъ почитались богъ солнца—Бейле или Пейве, богъ охоты, богъ дикой природы и звѣрей Сторьюнкаре, и властитель подземной страны—злой Рота или Руота.

Лѣсное жилище лопаря въ лѣтнее время.
Съ фотографіи З. З. Виноградова.

Солнце—Бейле или Пейве—объѣзжаетъ міръ на прекрасномъ оленѣ или на огромномъ медвѣдѣ. У него, у Солнца, мать, у него жена, сестры, дочери. Его сопровождаютъ дни недѣли—это святые мужи Айлексъ-Олмакъ. Полгода Бейле на оленѣ свѣтитъ міру—и тогда Пахьола сіяетъ неугасимымъ огнемъ, и полгода Бейле скрывается гдѣ-то, и тогда Пахьола покрывается тьмой. Подъ землей, въ тихой странѣ мертвыхъ, души отшедшихъ людей, вселенныя въ новыя тѣла, или мучатся за земное зло, или блаженствуютъ за добрыя земныя дѣла. Тамъ властительствуетъ злой Рота.

Но всѣхъ больше чтилъ лопарь великаго святого Сторьюнкаре, Стурро-Пассе,—бога дикой лопской природы, звѣрей,

охоты, лопарскаго помощника и покровителя. Ему лопарь приносилъ обильныя жертвы, возвращаясь и отправляясь на охоту или рыбную ловлю, ему поручалъ лопарь хранить оленей; чаще всего встрѣчались лопскіе идолы Сторьюнкаре. Если не могъ принести жертвы, лопарь старался хоть провести полоску кровью на идолѣ или камнѣ, посвященномъ Сторьюнкаре.

Сторьюнкаре былъ богъ, но онъ еще былъ и самый могущественный и главный *сейдъ*.

Вѣра въ сейдовъ еще до сихъ поръ не исчезла у лопарей. Сейдъ (или сейде, сейте, сайво) значитъ по-лопски—*священный камень* и *покойникъ, умершій*.

Лопари вѣрили, что покойникъ превращается въ камень, а камень обращается въ духа, хотя въ то же время и камень остается камнемъ, и покойникъ—покойникомъ. Почитая покойниковъ, умершихъ родичей, вѣря, что они живутъ, какъ стихійные духи, лопарь почиталъ и священный камень, въ который покойникъ превратился—сейдъ или сайво. Камни были разсѣяны всюду, такъ какъ у лопарей не было опредѣленныхъ кладбищъ или кургановъ для погребенія. Около этихъ камней приносились жертвы въ честь усопшаго [1]). Лопари, промышлявшіе рыбной ловлей, мазали сейдовъ рыбьимъ жиромъ, испрашивая себѣ у сейда счастливой ловли. Охотники приносили въ жертву сейдамъ оленя. Если сейдъ стоялъ высоко на горѣ, достаточно было бросить въ его сторону простой камень, обмазанный жертвенной кровью. Если сейда не кормить, онъ умретъ, онъ потеряетъ власть приносить людямъ добро или зло, и не будетъ въ состояніи помогать своимъ сородичамъ и причинять вредъ ихъ врагамъ. Лопарь поклонялся и первому встрѣчному камню, въ которомъ ему мерещился чужой сейдъ.

Самый могущественный изъ сейдовъ былъ Стурро-Пасе—Сторьюнкаре; это былъ сейдъ изъ сейдовъ, и ему посвящался не какой-нибудь отдѣльный камень, но многіе камни.

Весь міръ былъ населенъ духами, злыми и благодѣтельными. Одни умершіе превращались въ тѣ камни, изъ которыхъ складывался очагъ въ домѣ, другіе—въ дикіе горные и лѣсные камни, третьи—превращались, восходя на небо, въ сполохи (сѣверное сіяніе), четвертые принимали образъ рыбъ, птицъ, звѣрей. Былъ благодѣтельный духъ моря Аккрувва: до-пояса человѣкъ,

---

[1]) Теперь лопари устраиваютъ кладбища (разумѣется, христіанскія) обыкновенно около воды, при озерѣ, при рѣкѣ, и почти всегда на самомъ краю берега.

низъ—рыбій; были духи Гофиттеракъ, обитавшіе среди горныхъ оленьихъ пастбищъ; были духи-карлики, владѣтели нѣдръ, съ огромными животами, наполненными серебромъ. Былъ страшный Сайво-Олмакъ, покровитель чародѣевъ. У колдуновъ, *нойдовъ*, лопарскихъ кудесниковъ и пророковъ, были служебные духи, жившіе въ странѣ усопшихъ; у каждаго чародѣя ихъ было по три: духъ въ видѣ птицы, въ видѣ рыбы и въ видѣ оленя-самца. Эти духи служили нойдамъ для чародѣйствъ; при ихъ помощи нойды могли спускаться въ страну мертвыхъ и приводить оттуда умершихъ на землю, могли обращать людей въ камни, въ животныхъ, могли исцѣлять отъ всякихъ болѣзней, могли даже создавать, съ помощью пособныхъ ду-

Лопарскій амбарчикъ въ Разноволокѣ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

ховъ, новые острова; такъ создались, по мнѣнію лопарей, Айновы острова въ Ледовитомъ океанѣ. Не было нойда безъ бубна: онъ пѣлъ и билъ въ бубенъ, чтобы сойти въ страну мертвыхъ, по бубну узнавали, какому богу и какое животное принести въ жертву, выпытывали, что дѣлается въ другихъ странахъ, или гадали, суждено ли больному умереть или выздоровѣть, въ какую сторону нужно итти для счастливой охоты и т. п.

Донынѣ нойды не исчезли у лопарей: только подъ вліяніемъ христіанства, они превратились теперь изъ пророковъ и вѣщихъ кудесниковъ въ обыкновенныхъ колдуновъ; вѣра въ этихъ колдуновъ еще очень сильна не только среди лопарей, но и среди русскихъ колянъ.

монаховъ были настолько сильны и разорительны, что не разъ вызывали со стороны московскаго правительства вмѣшательство въ защиту лопарей: „лопскихъ угодьевъ продавать и въ оброкъ отдавать не велѣно". Монастырь отбиралъ у лопарей лучшія угодья, рыбныя тони, оленьи пастбища [1]).

Такое отношеніе просвѣтителей къ просвѣщаемымъ имѣло печальныя послѣдствія: дѣло христіанскаго просвѣщенія остановилось, и лопари остались при двоевѣріи: Сторьюнкаре и Христосъ получили одинаковую силу въ глазахъ лопарей, и было еще неизвѣстно, кто сильнѣй—новый ли Богъ, кроткое и радостное ученіе котораго такъ привлекало лопа-

Лопарскій сарай въ Разноволокѣ на Имандрѣ. На крышѣ сарая сушатся оленьи рога.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

рей при преп. Трифонѣ, или старый Сторьюнкаре, хранитель лопскихъ угодій и звѣрей, нынѣ расхищаемыхъ служителями новаго Бога.

Въ наше время лопари всѣ христіане и, какъ ни сильны еще среди нихъ нѣкоторые остатки язычества, какъ ни остается еще въ силѣ наклонность къ двоевѣрію, какъ ни мало знаютъ они объ ученіи Христа, все же *во многомъ* — они быть-можетъ, ближе, къ ученію Христа, чѣмъ многіе народы, ранѣе ихъ воспринявшіе истину христіанства. Среди ло-

---

[1]) Въ изслѣдованіи Н. Н. Харузина „Русскіе лопари" приведено нѣсколько документовъ, рисующихъ въ очень мрачныхъ краскахъ отношенія монастыря, послѣ смерти преп. Трифона, къ лопарямъ.

Подъ вліяніемъ же христіанства, замѣтнымъ, можетъ-быть, уже въ ту пору, когда сами лопари не были еще крещены, лопари включили въ число своихъ боговъ еще Раддіенъ-Кіедде, единственнаго сына верховнаго божества, котораго звали отцомъ—Раддіенъ-Атчіе (Атчіе—отецъ).

Духи, подвластные нойдамъ, обратились въ обыкновенныхъ чертей, Раддіенъ-Кіедде сталъ почитаться творцомъ міра, потому что ему поручилъ дѣло міротворенія отецъ, Раддіенъ-Атчіе.

Первый проповѣдовалъ христіанство русскимъ лопарямъ преподобный Трифонъ Печенгскій, по происхожденію еврей, пришедшій въ Лапландію въ самой серединѣ XVI столѣтія. Въ 1550 г. онъ основалъ монастырь недалеко отъ впаденія рѣки Печенги въ океанъ.

Въ то же время трудился и другой просвѣтитель лопарей, монахъ Соловецкаго монастыря, преподобный Ѳеодоритъ. Онъ изучилъ лопарскій языкъ и на немъ проповѣдовалъ лопарямъ евангеліе.

При св. Трифонѣ и преп. Ѳеодоритѣ добровольно крестилось множество лопарей. Память о св. Трифонѣ донынѣ свято чтится лопарями. Исторически извѣстно, что св. Трифонъ былъ необыкновенно кротокъ, добръ, трудолюбивъ и относился къ лопарямъ съ необычайной любовью и вниманіемъ.

Онъ видѣлъ въ лопскомъ народѣ черты народнаго характера, которыя, по справедливости, можно назвать христіанскими: незлобивость, смиреніе, простодушіе, природную доброту, дѣтскую довѣрчивость. Лопскій народъ, всѣмъ своимъ характеромъ, былъ какъ бы приготовленъ для воспріятія христіанскаго ученія. Простыя истины любви, незлобивости, дѣтской простоты и кротости, передаваемыя простымъ и любящимъ преподобнымъ Трифономъ, были близки и понятны лопарю. Въ этомъ одна изъ причинъ успѣха первой проповѣди среди лопарей; другая причина—въ подвижнической жизни самого преп. Трифона, строго соотвѣтствовавшей его проповѣди: при голодѣ онъ раздавалъ лопарямъ хлѣбъ, лѣчилъ ихъ, помогалъ имъ всѣмъ, чѣмъ могъ, защищалъ ихъ отъ притѣсненій у самого московскаго правительства, нерѣдко ходатайствуя за лопарей передъ царемъ.

Со смертью преп. Трифона начались притѣсненія лопарей монастыремъ, первоначально построеннымъ для ихъ защиты и просвѣщенія. Эти притѣсненія лопарей со стороны печенгскихъ

парей несравненно меньше преступленій (убійствъ, грабежей и т. п.), чѣмъ среди русскихъ поселенцевъ Кольскаго полуострова: если лопарь повиненъ въ убійствѣ, онъ совершилъ его въ пьяномъ видѣ, а водка для лопаря, какъ для ребенка, смертельный ядъ. У лопарей семьи живутъ несравненно дружнѣе, чѣмъ у русскихъ; нѣтъ жестокости и даже грубости въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ; нѣтъ утѣсненій женщинъ, нѣтъ среди лопарей мучителей животныхъ, несмотря на то, что всѣ они поневолѣ охотники и рыболовы.

Честность лопарей, въ особенности въ мѣстахъ подальше отъ русскихъ поселеній, поразительна. Намъ случалось оставлять у лопарей почти всѣ наши вещи, платье, обувь, припасы у совершенно намъ незнакомыхъ людей и уходить надолго, и все было въ полнѣйшей сохранности. Гостепріимство лопарей должно войти въ пословицу. Добродушіе ихъ, незлобивость, готовность оказать безкорыстно всяческую услугу извѣстны всякому, имѣвшему съ ними дѣло.

И подумать, что все это есть въ этомъ народѣ вопреки условіямъ всей его жизни, вопреки исторической и современной неправдѣ въ отношеніи къ нему.

Въ исторіи, въ прошломъ, лопаря не притѣснялъ только лѣнивый: единоплеменники, финны и корелы, оттѣснили его на крайній унылый сѣверъ, грабили его скандинавскіе и новгородскіе удальцы, обкладывали тяжкими податями и норвежцы, и шведы, и русскіе, и часто всѣ трое одновременно (какъ это случалось до разграниченія между Норвегіей и Россіей въ 20-хъ гг. XIX ст.), печенгскіе монахи отбирали у него лучшія земли,—и лопарь не озлобился, не сдѣлался угрюмымъ народомъ „себѣ на умѣ".

Современное положеніе лопаря немногимъ лучше. Колонисты (русскіе, норвежцы и финляндцы) захватываютъ у лопарей лучшія тони и угодья, кольскіе купцы обираютъ лопарей, какъ крѣпостныхъ, звѣриное богатство Лапландіи оскудѣваетъ годъ отъ году; новыхъ промысловъ нѣтъ, старые падаютъ, попрежнему нѣтъ въ Лапландіи ни дорогъ, ни школъ, ни врачей, попрежнему лопари умираютъ въ огромномъ числѣ отъ тяжкихъ условій жизни, попрежнему царитъ настоящій моръ на дѣтей, не выносящихъ невозможныхъ условій лопскаго существованія,—и вопреки всему, лопарь незлобивъ, веселъ, кротокъ, добродушенъ, услужливъ, привѣтливъ.

Еще недавно спорили о томъ, вымираютъ или нѣтъ лопари.

Кажется, этотъ вопросъ можетъ считаться теперь рѣшеннымъ: лопари *не* вымираютъ. О внутренней, духовной живучести этого народа свидѣтельствуетъ религіозная правда тѣхъ основныхъ, духовныхъ чертъ лопарскаго народнаго характера, о которыхъ я только-что говорилъ.

По послѣднимъ даннымъ, 1909-го года, всего въ русской Лапландіи насчитывается 2139 лопарей (въ 1897 г. ихъ было 1724), а приростъ населенія у нихъ за 12 послѣднихъ лѣтъ составляетъ 34 человѣка на 415, т-е. 2%. Нельзя удивляться незначительности этого прироста населенія. Справедливо говоритъ человѣкъ, близко знающій лопскую жизнь [1]): „Для лицъ, близко соприкасающихся съ лопарскимъ населеніемъ, и потому знакомыхъ съ его бытовыми условіями, крайне удивительно, что народъ этотъ сохранился до сего времени, несмотря на невозможныя условія быта.

По роду своихъ занятій лопарь вынужденъ вести полукочевой образъ жизни: съ апрѣля до декабря мѣсяца онъ бродитъ по тундрамъ, около рыбныхъ озеръ, слѣдуя за стадомъ своихъ оленей, которое постоянно передвигается въ зависимости отъ запасовъ ягеля на тундрахъ и отъ другихъ причинъ. Съ лопаремъ непремѣнно идетъ и его семья, въ полномъ составѣ, а также домашнія животныя (овцы, собаки, кошки), и везется необходимѣйшій домашній скарбъ.

Отъ 8 до $9^1/_2$ мѣсяцевъ лопарская семья проводитъ внѣ деревянныхъ домовъ,—въ тѣсныхъ, грязныхъ вѣжахъ и куваксахъ (родъ чума) среди тундръ и озеръ. Лопари, имѣющіе семужьи тони при морскихъ губахъ, отпуская оленей въ тундры, сами съ семьями переселяются въ вѣжи на берега морскихъ бухтъ и заливовъ на время семужьяго лова, а затѣмъ, съ окончаніемъ лова, переходятъ въ глубину тундръ, къ озерамъ и стадамъ.

Если принять во вниманіе суровость климата Лапландіи, полное отсутствіе путей сообщенія (не только дорогъ, но и сколько-нибудь постоянныхъ тропъ, облегчающихъ передвиженіе, вслѣдствіе чего лопарю приходится иногда по нѣскольку дней блуждать въ тундрѣ, пока онъ дойдетъ до нужнаго ему мѣста), полную безпомощность населенія въ отношеніи медицины, массовую неграмотность лопарей и крайнее невѣжество

---

[1]) А. А. Мухинъ. „О Мурманѣ и Лапландіи". Архангельскъ, 1910 г., стр. 11.

ихъ по части самой элементарной гигіены и подачи помощи въ несчастныхъ случаяхъ, — то становится необъяснимымъ, какъ люди могутъ выживать при подобныхъ условіяхъ?..

Стоитъ представить себѣ лопарскую семью, состоящую иногда изъ 5—6 членовъ, въ грязной вѣжѣ, имѣющей площадь въ 1 кв. сажень, гдѣ взрослые и дѣти расположились на пропитанныхъ грязью и насѣкомыми оленьихъ шкурахъ!.. Здѣсь, при этой обстановкѣ, происходитъ и рожденіе новаго члена семьи, и предсмертная агонія умирающаго. Здѣсь, у сложеннаго изъ камня камелька, ютится вся семья, согрѣваемая съ одной стороны яркимъ пламенемъ пылающаго костра и пронизываемая съ другой стороны холодными вѣтрами. О существованіи бани извѣстно лопарямъ до послѣдняго времени только по слухамъ, и, какъ исключеніе, въ послѣднее время появилось у лопарскихъ домохозяевъ двѣ бани".

Лопари обычно роста ниже-средняго, скорѣе малаго, такъ что рѣдкій лопарь попадаетъ въ солдаты. Цвѣтъ лица нѣсколько смуглый, но не столько по природѣ, сколько отъ вѣковой грязи, а также отъ копоти въ вѣжахъ и тупахъ, наполненныхъ ѣдкимъ дымомъ камелька, въ которой живутъ лопари. Голова совершенно шарообразной формы, короткая, круглая. Волосы короткіе и, какъ у большинства финновъ, по большей части свѣтло-русые, но встрѣчаются и черно или рыжеволосые; растительность на лицѣ слабая: безусыхъ лопарей больше, чѣмъ усатыхъ и въ особенности бородатыхъ. Глаза обычно свѣтлые, иногда сѣрые, иногда голубоватые. Общее впечатлѣніе отъ типичнаго лопарскаго лица, безусаго, съ голубовато-сѣрыми глазами, съ добродушнымъ выраженіемъ, съ улыбкой,— какъ отъ дѣтскаго или юношескаго лица. Впрочемъ, встрѣчаются часто лопари и средняго роста, и выше, съ бородами. Женскія и дѣвичьи лица привлекательны; у нихъ лучше цвѣтъ лица, и только непосильный трудъ дѣлаетъ ихъ скоро изможденными, морщинистыми.

Лопарю приходится надрываться за работой: это отражается неизгладимо, какъ на внѣшнемъ видѣ лопаря, такъ и на его здоровьѣ. Дѣвушкамъ, юношамъ, почти дѣтямъ приходится работать такую работу, которая подъ стать взрослому сильному работнику.

Я никогда не забуду, какъ однажды мы попали на погостъ, въ которомъ *всѣ* лопари были больны отъ непомѣрнаго труда. Мужикъ-лопинъ жаловался, что отнимается поясница, а надо

ѣхать на ловлю на озеро; его „старуха", и дѣйствительно, по виду настоящая старуха, а на самомъ дѣлѣ еще далеко не старая женщина, лежала, надорвавшись, на лавкѣ; сынъ, юноша семнадцати лѣтъ, былъ совсѣмъ боленъ. У него подвязана была рука: онъ повредилъ ее, упавъ подъ непомѣрной ношей на камень; ему можно было дать четырнадцать лѣтъ, до того неразвита была его грудь, и самъ онъ былъ блѣденъ, тонокъ, худъ. Только глаза свѣтились грустью и жалобой, какъ у надорвавшейся лошади, заѣзженной и непоправимо-больной.

Лопарское семейство въ Кицкой. Старшему мальчику пятнадцать лѣтъ.
Съ фотографіи З. З. Виноградова.

Ранней весной, по безпутицѣ, лопарь гонитъ своихъ оленей на пастбище, на ягельныя пространства, въ горы. Съ нимъ кочуетъ вся семья. Легко представить себѣ, какъ переносятъ эту утомительнѣйшую дорогу маленькія дѣти! Смертность дѣтей среди лопарей громадна. Но безъ лѣтнихъ пастбищъ оленей лопарь-оленеводъ не могъ бы существовать. Олени остаются въ горахъ или въ лѣсу до осени, лопарь же переѣзжаетъ опять со всей семьей на рыбную тоню, на озеро.

Если у лопаря нѣтъ вовсе оленей, а такихъ лопарей съ ка-

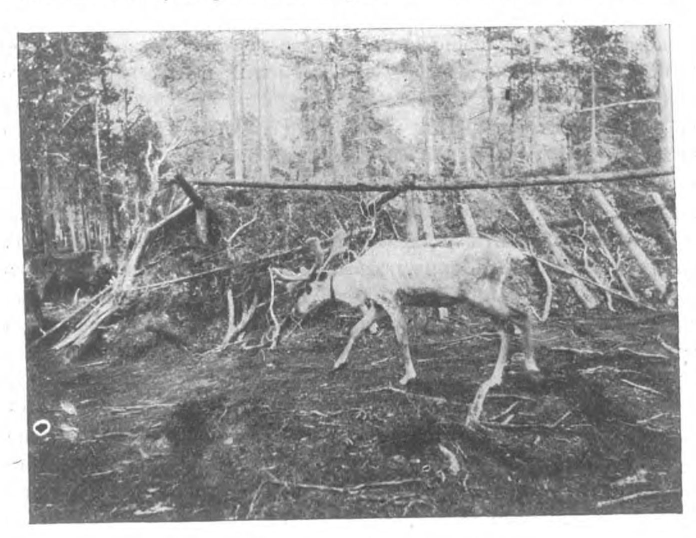
ждымъ годомъ становится все больше и больше, рыбная ловля— его главный, почти единственный, заработокъ. При удачномъ ловѣ, всѣ, мужчины и женщины, отправляются въ карбасахъ на озеро, а дѣти остаются одни въ тонкихъ вѣжахъ изъ шестовъ, покрытыхъ наскоро дерномъ и берестой, или въ куваксахъ, сложенныхъ изъ шестовъ, съ наброcанной на нихъ парусиной. Легко представить себѣ, насколько прочно защищаютъ эти жилища отъ столь частыхъ въ Лапландіи рѣзкихъ перемѣнъ погоды, отъ леденящихъ сѣверныхъ вѣтровъ и длящихся недѣлями дождей. Предоставленныя самимъ себѣ, дѣти натерпятся и голода и холода.

За лѣтнее время лопарь-рыболовъ нѣсколько разъ перекочевываетъ на другія мѣста, на новыя озера и рѣки: перекочевка бываетъ въ іюлѣ, въ августѣ. Рыбная ловля въ лапландскихъ водахъ далеко не удовольствіе даже для случайнаго ловца: озера бурны, карбасы очень плохи, леденящая вода, въ которой приходится тащить сѣть, туча жалящихъ нестерпимо комаровъ—дѣлаютъ эту ловлю для лопаря тяжкимъ трудомъ, а между тѣмъ это—единственное его средство къ существованію. Поздно осенью лопарь уходитъ обычно на тресковый промыселъ къ океану, а если у него есть олени, онъ отправляется искать ихъ въ горы, собирая стадо съ лѣтняго ягельнаго пастбища.

Въ это время женщины и дѣти остаются въ вѣжѣ или куваксѣ одни, безпомощныя до того, что бывали случаи настоящей голодовки среди нихъ, такъ какъ запасовъ, оставленныхъ мужемъ, не хватало, а новыхъ достать было неоткуда. Только въ самомъ началѣ зимы лопари перекочевываютъ на зимній погостъ, въ тупы (или пырты). Тупы—это деревянныя строенія, на подобіе нашей избы, отъ которой лопари, вѣроятно, и заимствовали этотъ типъ постройки, съ плоской крышей, засыпанной землей. Въ тупѣ, въ углу, помѣщается камелекъ, который даетъ много тепла, лишь пока въ немъ ярко полыхаетъ пламя; какъ только дрова догорятъ, камелекъ, неприспособленный вовсе къ сохраненію тепла, остываетъ, и нестерпимый холодъ закрадывается въ тупу.

Любимое, самое старинное, исконное занятіе лопарей—оленеводство. Лопарь безъ оленя то же, что русскій пахарь безъ лошади или арабъ безъ верблюда. Къ оленю у лопаря настоящая нѣжность. Извѣстный знатокъ Лапландіи Д. Н. Бухаровъ говоритъ: „Никогда я не видалъ, чтобы лопарь ударилъ

своего оленя. „У нихъ вѣдь душа есть!"—говорили мнѣ пазрѣцкіе лопари о своихъ домашнихъ животныхъ, и въ этомъ отношеніи всѣ ихъ соплеменники стоятъ несравненно выше многихъ, считающихся куда цивилизованнѣе ихъ, народностей". Это наблюденіе Бухарова подтвердитъ всякій бывшій въ Лапландіи. Но—увы!—не всѣмъ лопарямъ выпадаетъ на долю возможность заняться оленеводствомъ. Лопарское оленеводство падаетъ. Въ 1909 году у всѣхъ русскихъ лопарей было всего до 41.815 оленей. У рѣдкаго лопаря бываетъ больше

Олень около оленьяго загона.
Съ фотографіи В. А. Свинаьской.

50 головъ; обыкновенно же меньше этого числа. Причинъ упадка оленеводства много (оскуденіе ягельныхъ пастбищъ, уходъ оленей въ Финляндію и Норвегію и т. п.), но всѣ причины заключены въ одной: въ приниженномъ, безпомощномъ состояніи самихъ лопарей.

Поневолѣ приходится лопарямъ заниматься рыболовствомъ. Другой промыселъ—охота, но и онъ скудѣетъ, такъ какъ звѣря все меньше и меньше встрѣчается въ лѣсахъ Лапландіи, а нѣкоторые животныя, какъ, напримѣръ, бобры, совершенно перевелись. Не легокъ и охотничій промыселъ. Я встрѣтилъ од-

ного лопаря, привычнаго охотника, и, по его разсказамъ, ему по мѣсяцу приходилось не снимать съ ногъ лыжъ, чтобы промыселъ не былъ безрезультатенъ. Гоняясь за дикимъ оленемъ, до тѣхъ поръ преслѣдуя его, пока онъ окончательно утомится и обезсилитъ, приходится ночевать на снѣгу, голодать, подвергаться смертельной опасности въ ужасныя лапландскія вьюги и метели.

Но какъ ни бьется лопарь, оленеводъ, рыболовъ, охотникъ, ему никогда не выбиться изъ нужды, изъ полуголоднаго существованія.

Лопарю сразу нужно на цѣлый годъ запастись провіантомъ— мукой, чаемъ, сахаромъ, одеждой, смолой, солью и т. п., такъ какъ онъ круглый годъ почти занятъ промысломъ и никуда не можетъ отлучиться съ озеръ. Расплачивается онъ за весь нужный ему товаръ рыбой, оленьими шкурами, битымъ звѣремъ. Все это привозитъ лопарь въ Колу, къ купцу. Купецъ никогда не отпуститъ лопарю товаръ сразу: онъ предпочитаетъ сперва угостить лопаря водкой, и когда лопарь опьянѣетъ, начинается торгъ. Лопарь, подвыпивши, согласенъ на все: онъ соглашается на двойныя, тройныя и четверныя цѣны, которыя назначаетъ купецъ на продаваемый товаръ, накупаетъ, по предложенію купца, такихъ вещей, которыя ему совершенно не нужны, соглашается на невозможно низкія цѣны, которыя купецъ назначаетъ ему за привезенную лопаремъ рыбу, шкуры, рога и т. п.,—и въ концѣ концовъ, оказывается, что не только лопарь не уплатилъ своего прежняго долга купцу, но остался еще много больше ему долженъ. Лопарь никогда не выйдетъ изъ долга купцу.

Вотъ, напримѣръ, образцы тѣхъ цѣнъ, по которымъ коляне отпускаютъ товары напоенному ими лопарю,—образцы, взятые изъ подлиннаго счета одного кольскаго купца [1]). Простой жилетъ купецъ оцѣниваетъ въ 3 р., чайникъ, которому двугривенный цѣна, въ 3 р. 30 к., двадцать фунтовъ конопли стоятъ 4 р., 2 мѣшка соли 8 руб. (!); 1 пудъ муки—4 р., мѣшокъ муки 6 р. 75 к.,—и въ *этомъ* же счетѣ полмѣшка муки 8 р. 50 к. (!). Очевидно, цѣна муки возрастаетъ по мѣрѣ опьянѣнія лопаря. А вотъ цѣны, которыя тотъ же купецъ назначаетъ за привезенную лопаремъ рыбу, оленьи шкуры и т. п.: чайникъ стоитъ 3 р. 30 к., а 3 пуда съ половиной сиговъ и

---

[1]) Мухинъ. „О Мурманѣ и Лапландіи“, стр. 22—24.

$5^1/_2$ пудовъ оленины стоятъ всего 17 руб. 55 к., восемь оленьихъ шкуръ оцѣнивается всего въ 11 р., живой олень самецъ, который въ лапландскомъ обиходѣ значитъ то же, что лошадь въ хозяйствѣ русскаго мужика, 10 р. и т. п. Когда начался этотъ счетъ, въ 1899 г., лопарь былъ долженъ купцу 291 р., сколько ни платилъ онъ въ теченіе двухъ лѣтъ [1]) и деньгами, и натурой, все-таки къ концу 1901 г. оказалось, что онъ долженъ купцу уже не 291 р., а 807 руб. Ясно, что несчастный лопарь навсегда останется въ кабалѣ у кольскаго купца.

Случается, что цѣлые погосты оказываются въ полной кабалѣ у купца. Бываетъ, что купецъ, взявъ у лопаря за долгъ весь промыселъ, отказывается давать ему дальше въ долгъ и оставляетъ лопаря безъ всего необходимаго. „Въ такомъ положеніи недавно и совершенно неожиданно для нихъ находились печенгскіе лопари, сдавшіе своимъ „благодѣтелямъ" весь уловъ семги и другой рыбы и получившіе суровый отказъ въ дальнѣйшемъ кредитованіи: „больше пяти тысячъ числится за вами долгу и вашими отцами и дѣдами!"—былъ отвѣтъ на попытки одолжиться.

Какъ накопились эти 5 тысячъ долгу—ясно послѣ сказаннаго.

Но величайшимъ несчастіемъ лопарей является даже не то, что ихъ безбожно обираютъ коляне, а то, что, благодаря пріемамъ этого кольскаго „торга", лопари безпрерывно пріучаются къ пьянству.

Спаиваніемъ лопарей занимались издавна, чуть ли не съ новгородскихъ временъ, всѣ купцы и торговцы, желающіе нажиться на счетъ лопарской простоты и слабости. Они пріучили лопаря къ вину и тѣмъ самымъ закабалили его себѣ.

Другая привычка, полученная лопарями отъ русскихъ, невиннаго свойства: это необыкновенная любовь лопаря къ чаепитію и способность пить чай безъ мѣры и безъ конца.

— Ну, будемъ чайничать!—говоритъ лопарь и улыбается отъ удовольствія.

Подъ дождемъ, на ледяномъ вѣтру, ночью и днемъ, гдѣ и когда угодно, готовъ лопарь пить чай—и никогда онъ не бываетъ такъ благодушенъ, какъ за жиденькимъ чайкомъ.

Отъ русскихъ же лопари переняли и одежду. Національ-

---

[1]) Наприм., лопарь уплатилъ однажды за разъ 129 р., въ другіе раза 100 р., 50 р.

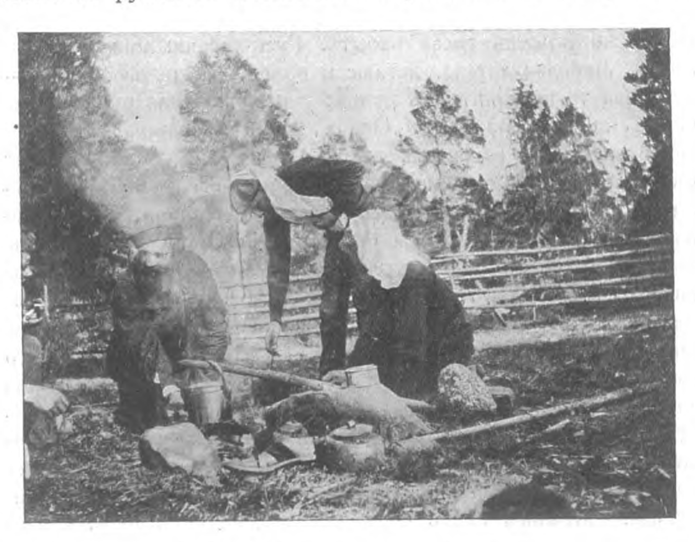
ный лопарскій костюмъ можно встрѣтить развѣ гдѣ-нибудь въ совсѣмъ глухихъ уголкахъ, какихъ осталось ужъ немного.

Обычная же одежда лопаря—смѣшеніе его національной одежды съ русской. Лѣтомъ лопарь носитъ русскаго покроя рубаху изъ ситца, суконные штаны; поверхъ рубахи—кяхтанъ, и по названію, и по покрою напоминающій русскій кафтанъ. На головѣ—мягкій вязаный колпакъ изъ шерсти, на ногахъ—нюреньги—туфли изъ кожи, безъ каблуковъ, съ заостренными носами; ноги обертываются въ суконную тряпицу или обуваются въ шерстяные чулки. Зимой къ этому костюму прибавляется: шерстяная рубаха до пояса (бузурунка) и *печокъ* вмѣсто шубы; печокъ ниже колѣнъ, съ отверстіемъ для головы и рукъ, дѣлается изъ оленьяго мѣха, наружу шерстью. Зимніе штаны также изъ этого мѣха. Вмѣсто нюреньговъ надѣваются на ноги длинные сапоги изъ оленьей же шкуры—яры; они очень нарядны, изукрашены разноцвѣтными кусочками сукна. Вмѣсто яровъ носятъ и *кеньги*, очень похожіе на нюреньги; внутри они набиваются сѣномъ; нерѣдко кеньги носятъ и лѣтомъ: они и непромокаемы и сравнительно легки и удобны для ходьбы по горамъ. Шапки зачастую и зимой и лѣтомъ мѣховыя, мѣхомъ вверхъ. Но обычно лопарь измѣняетъ этому костюму: или картузъ надѣнетъ русскій, или куртку, или еще что-нибудь. У женщинъ лѣтомъ носится кохтъ, подобіе русскаго сарафана, зимой—юпа изъ сукна, до пятъ, а поверхъ нея овчинная шуба, торкъ, обувь такая же, какъ у мужчинъ. На головѣ у лопарокъ уборъ изъ краснаго кумача—шемширъ; онъ совершенно закрываетъ волосы; богатыя лопарки украшаютъ его жемчугомъ, побѣднѣе—бисеромъ, а то и просто цвѣтными лоскутками. У дѣвушекъ на головѣ перевязки, тоже разукрашенныя; изъ-подъ перевязокъ видны волосы надо лбомъ. Но и въ женскомъ костюмѣ, какъ и въ мужскомъ, все больше дѣлается замѣтно смѣшеніе лопскаго костюма съ русскимъ: появляются обычныя мѣщанскія баски, ситцевыя юбки и кофты.

Въ семейномъ быту лопаря до сихъ поръ больше мира и согласія, чѣмъ споровъ и вражды. Жена не находится у мужа на положеніи рабыни; наоборотъ, лопарь любитъ свою жену, старается угождать ей подарками, и можно наблюдать, какъ въ Колѣ какой-нибудь старый лопинъ покупаетъ подарокъ для своей старушки. Жена для мужа совѣтница и въ очень многомъ постоянная вѣрная помощница. Дѣтей лопари берегутъ, какъ могутъ, въ особенности мальчиковъ; если отцу случается

ударить ребенка, это бываетъ въ большинствѣ случаевъ тогда, когда отецъ пьянъ. Дочерей никогда не выдаютъ замужъ безъ ихъ согласія; если женихъ не нравится дѣвушкѣ, ему отказываютъ. Заработанное дѣтьми—будетъ ли это олень или деньги—родители не берутъ себѣ, а считаютъ собственностью дѣтей.

Въ ссорахъ между русскими и лопарями зачинщиками никогда не бываютъ лопари, а обыкновенно имъ приходится быть жертвами. Замѣчательно, что близость лопарскихъ погостовъ къ русскимъ поселеніямъ отражается на лопаряхъ не

Привалъ. Приготовленіе къ «чайничанью».
Съ фотографіи В. А. Свинарской.

въ положительномъ, а въ отрицательномъ смыслѣ: наученные горькимъ опытомъ, лопари становятся болѣе скрытными, недовѣрчивыми, хитрыми. Таковы, напримѣръ, лопари Кильдинскаго погоста, близъ Колы.

Тяжелый безконечный трудъ не часто сопровождается у лопаря пѣсней; немного у лопарей и сказокъ для зимняго досуга. Лопарь въ своей пѣснѣ можетъ разсказать лишь о томъ, что происходитъ съ нимъ въ жизни: ловитъ рыбу—споетъ въ пѣснѣ о томъ, что попалась ему жирная семга, и ему хорошо, что она попалась; охотится—споетъ объ удачной

охотѣ; выходитъ замужъ дѣвушка—въ пѣснѣ споетъ, что она выходитъ; поймали дикаго ирваса (оленя самца)—споютъ про то, какъ поймали. Безконечно можетъ повторять лопарь такую свою пѣсню: ей нѣтъ конца. Но есть у него и другія пѣсни, которыя сложены давно, передаваемыя изъ рода въ родъ. Въ этихъ пѣсняхъ отражается суровая и прекрасная родина лопарей—Лапландія, ея озера, звѣри, птицы. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ—пѣсня о лебедѣ, разлюбившемъ свою лебедку[1]):

„Гуси-лебеди: гонгъ, гонгъ, гонгъ. Лебедка затужила о лебедѣ; у ней сердце ноетъ о немъ; летаетъ всюду по землѣ и нигдѣ не можетъ тоску забыть. Гуси-лебеди: лонгъ, лонгъ, лонгъ. Лебедка летала, летала и пришла къ ручью. Осипъ—сердцева тоска сидитъ въ ручьѣ; у него красная рубашка на себѣ. Лебедка говоритъ: „Осипъ, ты гдѣ сидишь? Осипъ—сердцева тоска, говоритъ, выйди; долго ли я буду искать?“ Осипъ сидитъ въ глубинѣ на днѣ и не шевелится; у него волосы серебряные. Она подумала, что его убили, стала приплакивать: „у тебя волосы были серебряные, у тебя гребень былъ золотой, на твое платье любо было смотрѣть, а теперь на кого я буду смотрѣть? Осипъ—сердцева тоска, отчего ты не выходишь?“ Осипъ сидитъ тамъ, не шевелится, будто камень. Она приплакивала и пошла народъ звать, не могутъ ли его вытянуть. Осипъ зашевелился и закричалъ: „гонгъ, гонгъ, гонгъ!“ Она пришла, созвала народъ. Человѣкъ пришелъ къ ручью, а Осипъ—сердцева тоска сидитъ въ ручьѣ; у него волосы серебряные, а гребнемъ золотымъ чешетъ. Опять лебедка стала приплакивать: „Осипъ—сердцева тоска, выйди оттуда!“ Мужикъ сталъ его доставать, не могъ достать. Потомъ карбасъ досталъ и сталъ доставать. Онъ не могъ достать и подстрѣлилъ его, лебедка опять заплакала: „Что ты, злодѣй, сдѣлалъ: моего Осипа—сердцеву тоску убилъ“. Она пошла тоже въ ручей посмотрѣть, убитъ онъ или нѣтъ. Она обняла его и говоритъ: „Ты мой, Осипъ Христоданный, сердцева тоска, тебя мужикъ убилъ“. Только она это слово промолвила и сказала: „гонгъ, гонгъ, гонгъ“, мужикъ ее тоже убилъ и досталъ и черезъ плечо положилъ“.

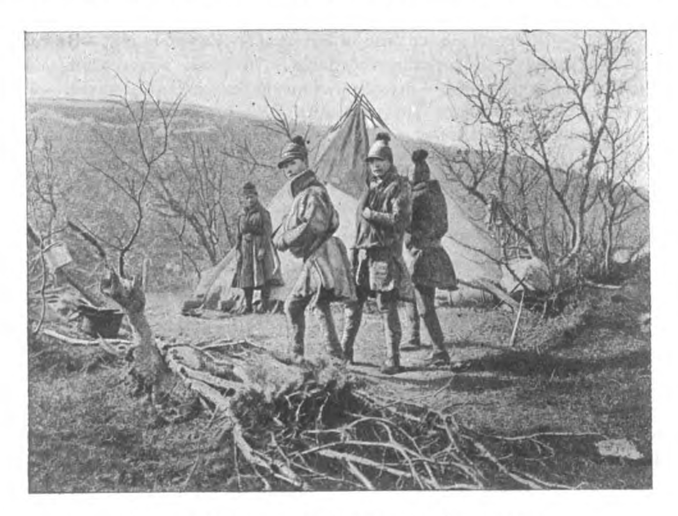
Но такія пѣсни рѣдки. Обычная, будничная лопарская пѣсня заунывна и тосклива до однообразія, однообразна до скуки.

---

[1]) Записана Н. Харузинымъ: „Русскіе лопари“. М. 1890 г. Осипомъ величается въ пѣснѣ лебедь.

„Однажды,—разсказываетъ одинъ путешественникъ по Лапландіи [1]),—мнѣ привелось слушать длинную пѣсню. Пѣніе тянулось четверть часа. По окончаніи ея я полюбопытствовалъ узнать содержаніе. Лопарь серьезно повторилъ мнѣ нѣсколько разъ, что въ пѣснѣ говорится о томъ, какъ ирвасъ видитъ стадо въ 300 важенокъ и никого къ нему не подпускаетъ. Вмѣсто подробностей такой темы являлись неизбѣжныя „го, го, го“ и „ла, ла, ла“.

Эти безконечныя, однообразныя пѣсни, почти безъ содержанія, унылыя и медленно тягучія, рождены безконечной тя-

Лопари изъ норвежской провинціи Финмаркенъ.

готой и тоской лопарскаго житья. Каковъ народъ—такова пѣсня; какова народная доля—такова народная пѣсня. Доля лопаря—однообразный, безсмѣнный тяжкій трудъ, вопіющая бѣдность, вѣчное однообразіе тоски и безвыходности. Онъ весь—въ его бѣдной и унылой пѣсни безъ начала и конца.

Но въ этомъ существованіи безъ просвѣта, въ трудѣ безъ отдыха, лопарь не сдѣлался угрюмымъ, недовѣрчивымъ, скрытнымъ,—онъ остался народомъ-дитятей, довѣрчивымъ, просто-

[1]) А. Ященко. „Нѣсколько словъ о русской Лапландіи“. „Этнографич. Обозр.“ 1892 г., № 1.

душнымъ, беззлобнымъ, тѣмъ самымъ народомъ, который, четыре вѣка тому назадъ, такъ внимательно и довѣрчиво слушалъ Христовы слова о любви и всепрощеніи, и который за свою многовѣковую жизнь такъ много терпѣлъ и прощалъ.

V.

«По-лопарямъ».

Хибинскія горы.—Смѣна растительныхъ поясовъ.—Лапландскій лѣсъ.—Карликовыя березы и ивы.—Комариная сила.—Снѣжная тропа.—Ледяное озеро.—Полуночное солнце въ горахъ.—Полуночникъ.—Вѣжа.—По оленьимъ мхамъ.—Лопарская географія.—Жертвы этнографіи.—Въ XII вѣкѣ.—Оленья дружба.—Жонки.—Лопскій смѣхъ.—Чаепитіе.—Фельдшеръ.—Ловля жемчуга.—По падунамъ и переборамъ.—Озера.—Ловля рыбы.—Въ гостяхъ у лопарей.—Рѣка Кола.—Ямщицкая доля.

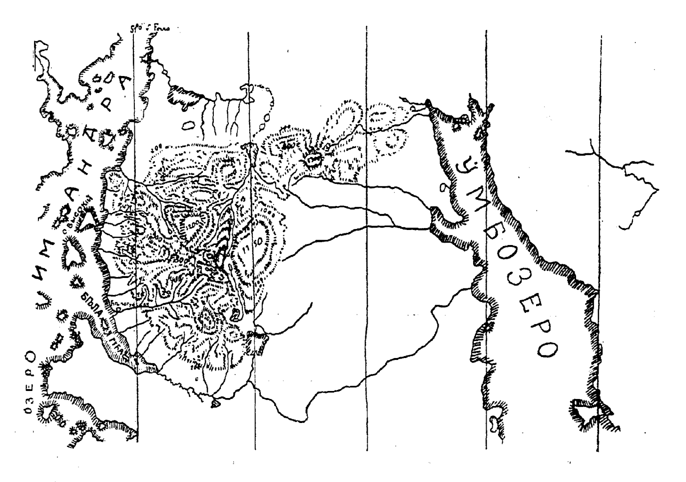
Съ нами идутъ въ горы два лопаря: Иванъ и Осипъ, братья. Оба охотники, оба,—всѣ говорятъ про нихъ,—знаютъ горы не хуже дикаго ирваса, оленя. Они двое—Иванъ постарше, служилъ въ солдатахъ, Осипъ—помоложе, попроще,—да насъ трое: я, геологъ съ ружьемъ и ботаникъ съ рамками для сушки растеній, предназначенныхъ для гербарія.

Планъ нашъ такой: изъ Бѣлогубской, отъ Имандры, забраться въ самую глушь Хибинскихъ горъ, совершить восхожденіе на Лави-Чорръ, настоящую высшую вершину Хибинъ, и выйти опять къ Имандрѣ гораздо сѣвернѣе Бѣлогубской. Туда, въ назначенное мѣсто, долженъ пріѣхать черезъ нѣсколько дней нашъ карбасъ съ вещами и, не возвращаясь въ Бѣлогубскую, мы двинемся впередъ.

Хибинскія горы, иначе Умптэкъ, у подошвы которыхъ расположена Бѣлогубская, занимаютъ, по приблизительному расчету геолога Кудрявцева, спеціалиста по Лапландіи, площадь въ 2400 кв. верстъ и расположены между двумя огромными озерами—Имандрой на западѣ и Умбозеромъ на востокѣ. Высочайшая ихъ вершина — Лави-Чорръ больше 1300 метровъ высоты. Хибины по своему образованію принадлежатъ, подобно Уралу, къ горамъ древнѣйшимъ: нынѣ они въ періодѣ разрушенія. „Хибины,—пишетъ Кудрявцевъ,—отличаются отъ другихъ горъ какъ по виду, такъ и по составу своему. Очертанія заостренныхъ реберъ голыхъ вершинъ ясно показываютъ, что эти горы нѣкогда были гораздо выше, и что дѣя-

тельному разрушенію ихъ способствуютъ сіениты, изъ которыхъ сложены ихъ толщи. Выступая на склонахъ стѣнами, имѣющими сходство съ какими-то руинами, порода эта дробится на мелкіе кусочки, превращаясь въ дресву, наподобіе финляндскаго рапа-киви (гнилой камень). Въ горахъ этихъ попадается также лучистый камень и много большихъ кристалловъ роговой обманки“.

Характеръ разрушенія горныхъ породъ замѣтенъ повсюду: хребетъ точно источенъ гигантскими червями: всюду трещины, осыпи, зазубрины, нависшія тонкія стѣны, пробоины, отвер-

Карта Хибинскихъ горъ.—Сокращенное воспроизведеніе полной карты, составленной профессоромъ Д. Рамзаемъ, служившее намъ въ странствіяхъ по Хибинамъ. На русскихъ картахъ Лапландіи мѣсто Хибинъ обозначено бѣлой краской.

стія, скважины. Хибины мрачны, тоскливы и, пожалуй, страшны. Въ нѣкоторыхъ ущельяхъ нельзя не только стрѣлять, но даже крикнуть: отъ сотрясенія воздуха хрупкія горныя породы легко приходятъ въ движеніе, и происходятъ обвалы, смертельные для путника.

Но не таковы Хибины у подошвы. Тамъ—это свѣтлая лѣсная страна съ веселыми мхами, сѣдыми камнями, чистыми, какъ омутъ, озерами, со столѣтними соснами, елями и пихтами.

Первоначально дорога идетъ неуклонно вверхъ. Но какая это дорога! Это даже не тропа: это просто лопарское, совершенно непонятное намъ, чутье ведетъ насъ между высокихъ сосенъ, огромныхъ валуновъ, черезъ горныя рѣки, около озеръ,

по болотамъ, по снѣгу. Вѣроятно, только олени да лопари знаютъ, что это тропа. Намъ же кажется, что мы просто бредемъ по лѣсу, не зная, куда, безъ пути и безъ дороги.

Странное, нерушимое безмолвіе и солнечный свѣтъ осѣняютъ насъ въ лѣсу. Нога тонетъ въ розовыхъ, сѣрыхъ, жел-

Лѣсное озеро у подошвы Хибинъ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

тыхъ мхахъ, какъ въ подушкахъ. Птица не крикнетъ. Лѣсъ не шумитъ. Но бьется, реветъ, зоветъ, плачетъ горная рѣка, и сѣдой падунъ, безудержный и злой, блистаетъ на солнцѣ влажной сѣдиной льющихся, путающихся волосъ. Лѣсъ шевельнулся и опять стихъ. Тепло и тихо.

И начинается проклятая пѣсня—комариная музыка.

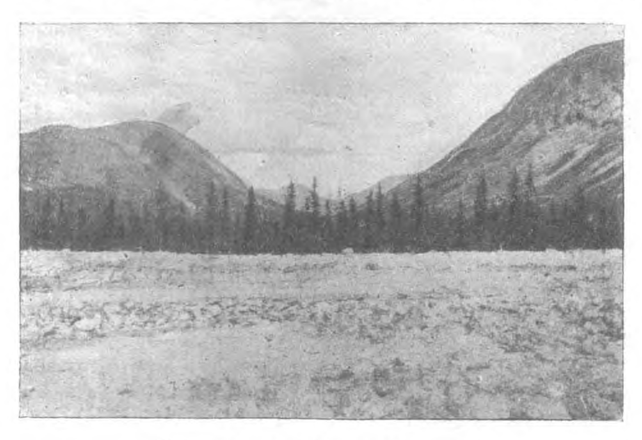
Путешественникъ Елисѣевъ утверждалъ на основаніи собственнаго опыта, что ни „комары низовьевъ Волги, Кубанскихъ плавней и Дунайскихъ болотъ“, ни „москиты Нильской дельты“, ни „скнипы Іорданской долины и всевозможная мошкара трехъ частей свѣта“ не могутъ сравниться съ „комариной силой“ Лапландіи. Это—чистѣйшая правда,—правда, не понятная не бывшимъ въ Лапландіи. Комары летаютъ, вѣрнѣе, висятъ въ воздухѣ тучами; какъ тонкая кружевная ткань, стоитъ въ воздухѣ постоянно какая-то комариная живая пыль, которая порошитъ глаза, лицо, губы, уши, залѣзаетъ въ носъ, въ ротъ, проникаетъ за рѣсницы. Дѣлаешься невольнымъ комароѣдомъ. Чай

превращается въ комариную уху; хлѣбъ ѣшь съ комарами; сморкаешься—и высмаркиваешь комаровъ; протираешь глаза платкомъ—на платкѣ комары. Единственное спасенье отъ нихъ—сѣтка, которою закрывается все лицо, которая плотно стягивается у горла и на темени, подъ шляпой. На рукахъ—лайковыя перчатки, такъ какъ черезъ всѣ другія комары жалятъ. Невѣроятный костюмъ: густая вуаль на лицѣ, соломенная шляпа, сапоги, рваная шерстяная куртка и новыя лайковыя перчатки на рукахъ.

Лѣсъ рѣдѣетъ, показалась опушка.

Прошло четыре часа со времени выхода изъ Бѣлогубской, и вмѣсто огромнаго жуткаго лѣса передъ нами низкій кустарникъ, но это вѣчный кустарникъ, которому никогда не стать деревомъ, этимъ березовымъ кустикамъ—березой. Лѣсъ кончился. Кончатся скоро и эти кусты.

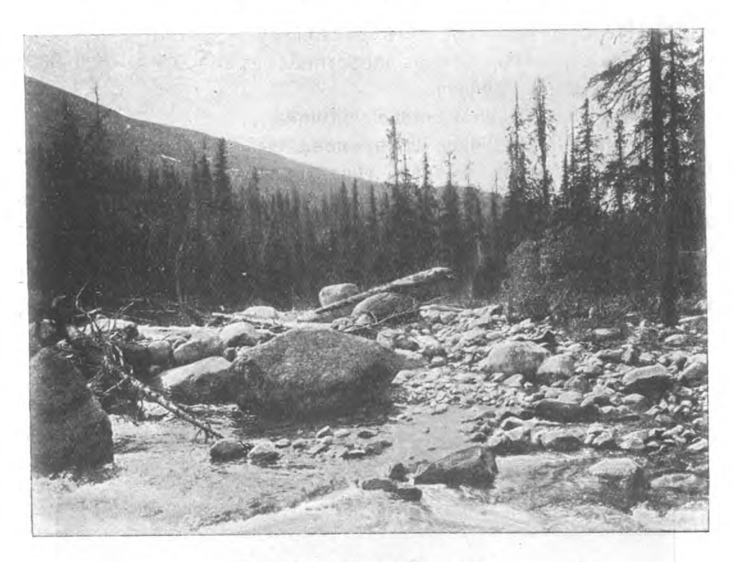
Со всѣхъ сторонъ надвинулись горы; онѣ обступили угрюмыми свѣтло и темно-сѣрыми стѣнами, какъ будто пошатнувшимися,

Моренное поле въ Хибинскихъ горахъ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

обваливающимися, грозящими раздавить стѣнами грознаго ветхаго замка. А тамъ, на вершинахъ, въ щеляхъ, въ трещинахъ бѣлѣютъ снѣга, ослѣпительно блистая на солнцѣ. Они кажутся тончайшими бѣлыми простынями, накинутыми на сѣрые выступы и верха́ горъ. Прошло еще полчаса, и кусты, такіе кусты, какъ

у насъ въ средней Россiи, кончились, кругомъ стелется сплошной зеленой коверъ, но не изъ травы и цвѣтовъ: изъ карликовой березы (betula nana), карликовой ивы (salix polaris), изъ мховъ, изъ немногихъ ползунковъ. Озеро съ ледяной водой, но еще безъ снѣга, неподвижно, сонно, кругло.

Горный потокъ въ Лапландiи.
Съ фотографiи З. З. Виноградова.

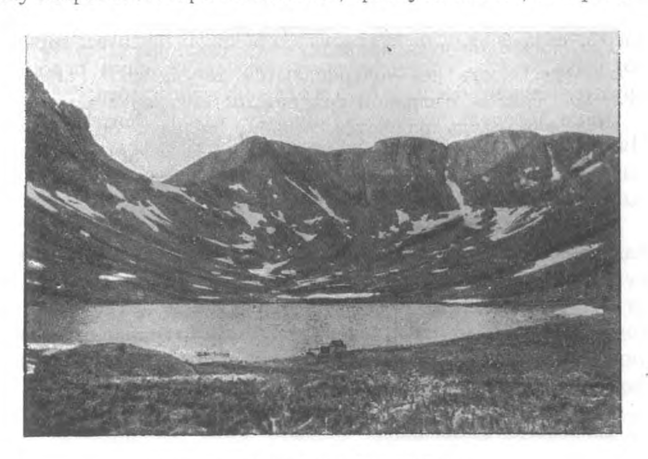
Развели костеръ. Сидимъ и пьемъ чай, сидя на березахъ—на нѣсколькихъ сразу: на одной березѣ стоитъ жестяная кружка съ чаемъ, на другой—на бумажкѣ лежитъ ломоть хлѣба, на третьей—валяется ремень. Каждая изъ этихъ березъ-карлицъ не выше 5—6 вершковъ, и никогда онѣ не будутъ выше, хоть проживутъ еще двадцать, тридцать, пятьдесятъ лѣтъ, вѣкъ. И на протяженiи полутора аршина можно умѣстить ихъ нѣсколько.

Свѣтлое и яркое небо, но солнца уже не видно,—его скрыли горы.

Опять путь черезъ шумящiе падуны. Перескакиваемъ за проворными и ловкими лопарями съ камня на камень. Мы въ глубокой и широкой долинѣ. Изсиня-сѣрыя горы справа и

слѣва; извилины снѣговъ, какъ бѣлыя морщины, покрываютъ верха; мшистые крупные, средніе, мелкіе валуны, обломки горныхъ породъ, розоватые сіениты, то похожіе на неподвижно сидящихъ невѣдомыхъ птицъ съ круглыми зобами, то напоминающіе какихъ-то застывшихъ ползущихъ чудовищныхъ насѣкомыхъ, разсѣяны, раскиданы повсюду: у подошвъ горныхъ кряжей, на днѣ долины, въ руслѣ рѣки. Нога, ступая на мохъ, уже не тонетъ, какъ въ лѣсу, въ сухомъ или чуть влажномъ высокомъ коврѣ: она попадаетъ въ сочащуюся сырость, и вода выступаетъ изъ мховъ, какъ изъ сжатой губки. Гремитъ, гремитъ горная ледяная рѣка.

А солнце—гдѣ оно теперь, солнце? Свѣтло и холодно. Самая дальняя черта вершинъ вдругъ вспыхиваетъ—и долго, долго горитъ яркимъ, блекнущимъ пламенемъ. Она все горитъ, она будетъ горѣть, пока мы свершимъ перевалъ въ тысячу метровъ. Лопари нагибаются, прислушиваются, смотрятъ—

Озеро со снѣговой водой въ Хибинахъ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

и бѣгутъ куда-то. Они увидѣли дикихъ оленей. Но тѣ мелькнули и скрылись: они приходили пить на озеро. А на мхахъ, тамъ и тутъ, валяются бѣлые обточенные водой рога, сброшенные дикими оленями во время линянія.

Еще выше поднимается долина, и еще томительнѣй ея ти-

шина, ея мертвенная пустота, ея холодъ, и этотъ ровный свѣтъ еще болѣе подчеркиваетъ омертвѣнье, безлюдье, тишину. Подъ ногами вьется кроткій розово-лиловый верескъ, послѣдній милый цвѣтокъ; онъ обвиваетъ робко и привѣтливо огромные холодные камни, онъ низенькій, слабый, но на немъ цвѣтъ сѣвернаго неба—розовый цвѣтъ, а все кругомъ—сѣрое, изсиня-черное, бѣлое, страшное, одинокое, холодное. И радуешься цвѣтку и его послѣдней ласкѣ—розовой ласкѣ.

Въ десять часовъ вечера начинается перевалъ.

Горы сошлись въ тѣсный кругъ, долина кончилась, и снѣгъ горъ переходитъ въ неподвижную воду ледяного озера, къ которому приходили пить дикіе олени.

Снѣгъ и разрушающіяся горы: сѣрое и бѣлое, бѣлое и сѣрое,—и надъ всѣмъ безмолвное свѣтлое небо. Какая холодная скорбь на всемъ и во всемъ! Снѣговой высокій путь спускается къ озеру съ черныхъ вершинъ. Суживаясь постепенно, упругій, чистый и волнистый, какъ застывшая бѣлая рябь на озерѣ, снѣговой путь приводитъ къ узкой щели въ горныхъ породахъ, а изъ нея—очерчиваются передъ нами огромные, крутые, зіяющіе бѣлизной снѣговъ, обрывы хребта.

Лицо и грудь радуются зимнему холоду послѣ жары у Имандры. Кажется, вотъ сейчасъ пойдетъ снѣгъ, бѣлый милый пушокъ. Хруститъ снѣгъ подъ ногами. Убраны проклятыя противокомариныя сѣтки съ лица.

И вдругъ снова тысячи комаровъ облѣпляютъ насъ. Какъ маленькіе злые духи на невидимыхъ крыльяхъ, они язвятъ лицо, руки, шею. Забытая египетская казнь! Откуда они здѣсь, на снѣгу, въ холодѣ? Задыхаясь отъ крутизны подъема, мы на ходу, какъ попало, натягиваемъ на лицо сѣтки, наши накомарники, застегиваемъ лайковыя перчатки и бѣжимъ, бѣжимъ. Комары отстаютъ на другой сторонѣ перевала.

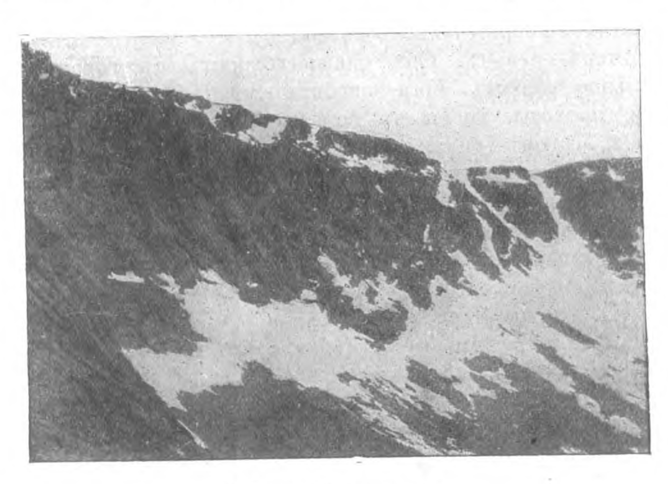
Но тутъ новая бѣда. Нужно спускаться въ новую долину, но спускаться несравненно труднѣй, чѣмъ подниматься. Крутой спускъ труденъ самъ по себѣ, но онъ труднѣе вдесятеро оттого, что нельзя вѣрить ни одному камню, на который ставишь ногу; огромный камень, казавшійся прочнымъ, разсыпается при легкомъ толчкѣ или движеніи ноги на мелкія части и летитъ внизъ, въ долину. Разсыпавшійся или просто столкнутый ногою камень увлекаетъ за собою слѣдующіе, ниже лежащіе камни, и каменная гладкая дорожка, на которой нельзя устоять, открывается передъ путникомъ. Къ тому же, камень,

летящій сверху, легко можетъ подшибить товарища, спускающагося ниже, потому что никогда не знаешь дорогу его паденія. Наконецъ, послѣ тяжелаго и утомительнаго по своей медлительности спуска, мы въ долинѣ.

Кто-то смотритъ на часы и кричитъ въ восторгѣ:

— Смотрите, смотрите, полночное солнце!

Солнца не видно. Его скрываютъ горы. Но полночные лучи сіяютъ на самой высокой изъ вершинъ, и есть въ нихъ что-то особое, непередаваемо-жуткое и прекрасное. Все, кромѣ шумящей внизу рѣки, молчитъ безнадежно, упорно, вѣчно.

Гребень Хибинскихъ горъ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

Нѣтъ красокъ, нѣтъ цвѣтовъ: сѣры горы и мутно-бѣлъ снѣгъ. Нѣтъ движенія: ни шелестящей травы, ни клонящихся отъ вѣтра деревъ, ни звѣринаго бѣга, ни птичьяго лета. Господи! да что же живетъ здѣсь? И вотъ, въ глухой часъ,—глухой и тамъ, гдѣ есть жизнь, не только въ глухихъ горахъ глухой страны,—въ часъ тьмы и тишины, нѣтъ тьмы, но торжествующій, безконечно прекрасный свѣтъ, и со свѣтомъ жизнь! Пусть все молчитъ и замолчимъ мы, но солнце свѣтитъ, еще свѣтитъ!

Золотое убранство свѣтящейся вершины сіяетъ не долго: тучи ли нашли, или мы опять углубились въ долину, но мы его ужъ не видимъ, но оно свѣтило намъ немногими лучами,

полночное солнце, въ дикой и страшной Пахьолѣ, землѣ окаменѣлыхъ колдуновъ!

Долина вся наполнена камнями: имъ нѣтъ конца, но опять замѣчаемъ мы верескъ и за нимъ—мохъ, сѣровато-зеленый стелящійся плаунъ, и карликовыя березки, ивы, карликовый можжевельникъ и кустарники, и опять мы въ лѣсу, низкомъ и скудномъ.

Внезапный порывъ вѣтра остановилъ насъ—рѣзкій, неожиданный, враждебный. Лопари озабоченно смотрятъ на небо. Полночные лучи были послѣдніе лучи, которые мы видѣли въ горахъ. Сѣверный вѣтеръ заполонилъ небо тучами—и безпросвѣтно, упорно пошелъ дождь.

Вѣтеръ—ревунъ. Онъ одинъ говоритъ въ горахъ, все остальное молчитъ. Онъ наноситъ туманъ, затыкающій всѣ щели, проходы, тропы въ горахъ. Онъ несетъ холодъ съ океана. Лѣтомъ—зима, если ревунъ загудитъ съ океана. Эта почти мгновенная перемѣна погоды, во время пути, въ дорогѣ, разрушающая всѣ ваши планы, дѣлающая невозможнымъ то, что было возможнымъ всего полчаса тому назадъ, заставляющая васъ итти совсѣмъ не туда, куда вы хотѣли,—самое непріятное, что есть на приокеанскомъ сѣверѣ.

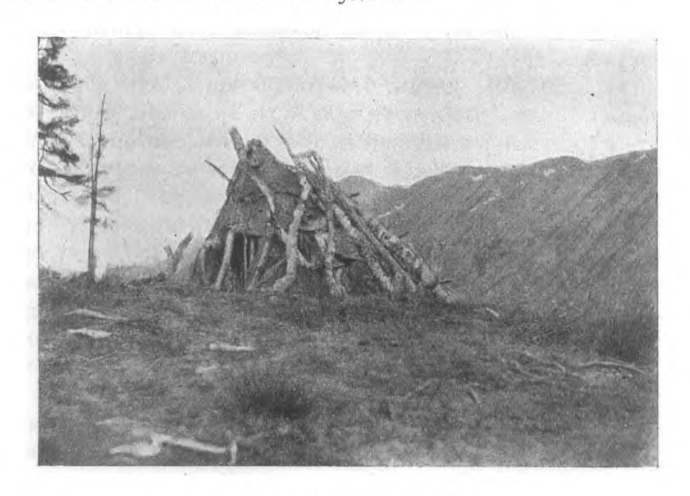
— Э! плохое дѣло,—говорятъ лопари.—Полуночникъ [1]). Итти къ вѣжѣ надо. Была вѣжа. Былъ лопинъ—рыбачилъ. Ставилъ вѣжу. Была вѣжа. Ночевать въ вѣжѣ надо. Пути нѣтъ. Утра ждать.

Долго идемъ къ вѣжѣ. Но вѣжа была. Теперь же ея почти нѣтъ. Нѣсколько срубленныхъ толстыхъ березовыхъ шестовъ поставлены кругомъ, вмѣстѣ, образуя низкій шалашъ. Шесты шалаша прикрыты берестой, сосновой корой, дерномъ и мелкими сучьями, а поверхъ для прочности еще нѣсколько крупныхъ сучьевъ. Вотъ и все. Внутри вѣжи кучка камней, приходящихся какъ разъ подъ отверстіемъ въ центрѣ прикрытія вѣжи. Выходящій въ отверстіе дымъ не пропускаетъ дождь внутрь вѣжи. Ѣдкій дымъ наполняетъ всю вѣжу; спать приходится у самаго огня. Но вѣжа еле жива, вся протекаетъ. Мы развели костеръ и занялись починкой вѣжи—первобытнымъ строительствомъ жилища: вырывали дернъ, собирали бересту, кору и сучья, все клали на крупные сучья, прикрывая крупными же сучьями. Такъ приготовили мы себѣ ночлегъ. Лопари

[1]) Сѣверный вѣтеръ.

развели на всю ночь костеръ подлѣ вѣжи и спали около костра. Въ вѣжѣ нельзя было изъ-за тѣсноты развести огня, и, едва втиснувшись въ нее втроемъ, мы коченѣли отъ холода всю ночь подъ протекавшимъ прикрытіемъ вѣжи.

Утро было еще пасмурнѣй. Лилъ дождь. Горы исчезли: тугой, безпрорывный туманъ затянулъ ихъ. Осеннимъ позднимъ холодомъ вѣяло съ горъ. Только вѣтеръ одинъ живъ: онъ воетъ, безнадежно стонетъ въ ущельяхъ, хлестаетъ землю согнутыми березами, шевелитъ туманомъ въ ущельяхъ и свиститъ въ сотни свистковъ и гудковъ.

Первобытная вѣжа въ Хибинахъ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

Лопари молчаливо пили чай.

— Какъ быть?

— А какъ будешь?—отвѣчаютъ они вопросомъ.—Ждать надо.

— А долго вѣтеръ будетъ съ сѣвера?

— Не долженъ быть долго.

Но дождь льетъ, льетъ. Промокнетъ хлѣбъ, промокнетъ сахаръ. Ждать невозможно. Лучше мокнуть на ходу. Опять совѣтъ съ лопарями.

— А можно итти черезъ горы дальше?

— Какъ пойдешь? Туманъ. Камни леденѣютъ. Ступишь—скатишься. Смерть! Взойти на перевалъ нельзя.

— Ну, назадъ идемъ, какъ шли.

— Черезъ перевалъ не пройти. Нѣтъ хода. Туманъ. Убьешься.

Долго длится совѣтъ. Долго льется дождь, безконечно. Туманъ не слабѣетъ. Вездѣ туманъ. Мы заколдованы: все исчезло; горы, деревья, снѣгъ, рѣка—заколдованы. Туманъ.

И съ болью въ сердцѣ мы рѣшаемъ пожертвовать восхожденіемъ на желанную для геолога вершину Лави-Чорръ и черезъ лѣсъ, оленьи мхи выйти въ долину Кунозера и рѣки Куны и у впаденья ея въ Имандру ждать карбасъ съ нашими ямщиками, который долженъ туда прійти черезъ трое сутокъ.

Ночи нѣтъ. Мы идемъ безостановочно. Давно потеряли надобность знать, утро, вечеръ ли, ночь ли теперь. Одинаково свѣтло сѣрымъ приневоленнымъ тоскливымъ свѣтомъ. Одинаково льетъ дождь. Сначала мы бережемся рѣчекъ и болотъ; но все равно: лучше не беречься и итти, не разбирая, только прямѣй, безъ обходовъ. Разувшись, переходимъ быстрыя и неглубокія горныя рѣчки, но теченіе такъ быстро, вода такъ стремительна и холодна, острые камни, покрывающіе дно, такъ рѣжутъ босыя ноги, что мы перестаемъ разуваться и напрямикъ идемъ въ воду. Спимъ часъ или два тревожнымъ сномъ на привалахъ. Привыкли къ дождю, привыкли къ тому, что надо итти, итти.

Какой бы ни шелъ дождь, какъ бы ни была сыра земля, какъ бы ни отсырѣли сучья и валежникъ, лопари неизмѣнно зажигаютъ костеръ. Они срубаютъ хорошій, средней величины стволъ и кладутъ его на землю надъ нимъ ставятъ, какъ ружья въ козлахъ, крупные сучья и еловыя вѣтви, преимущественно срубленныя изъ-подъ низу елки; поверхъ всего кладутъ наиболѣе сухой валежникъ. Первымъ загорается съ нѣсколькихъ концовъ валежникъ; огонь передается по всему стволу, и къ тому времени, когда запылаютъ послѣдніе сучья и вѣтки, приставленные, какъ козлы, къ лежащему стволу, стволъ уже высохнетъ и самъ запылаетъ, а его ужъ не погаситъ никакой дождь, если время отъ времени наваливать на него все новые и новые сучья и валежникъ. Около такого костра, разводимаго обычно подъ деревомъ, земля быстро просыхаетъ, дѣлается почти теплой и, пока не погаснетъ костеръ, можно, если не бояться жару, поспать около него часа два-три,—тѣмъ болѣе, что дымъ отгоняетъ комаровъ и вмѣстѣ

съ вѣтвями дерева, подъ которымъ разведенъ костеръ, защищаетъ отъ дождя.

Мы идемъ глухими мѣстами—по землѣ оленей. Здѣсь ихъ земля, ихъ пастбища.

Нѣтъ ничего причудливѣй, фантастичнѣй, многоцвѣтнѣй лапландскихъ мховъ, и въ ихъ числѣ знаменитаго, любимаго оленями—ягеля. Они пышны и великолѣпны, какъ драгоцѣнные ковры и диваны восточнаго владыки: отъ бѣлаго, бѣлесовато-голубого до темно-пурпурнаго и коричневаго, они бываютъ всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ оттѣнковъ. Говорятъ, сѣверъ бѣ-

Горная рѣка въ Хибинахъ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

денъ красками; но гдѣ еще встрѣтишь такое ослѣпительное богатство красокъ подъ ногами? Сочетанія цвѣтовъ причудливы, необычны, — и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ есть странное соотвѣтствіе съ окружающимъ: съ небомъ и лѣсомъ, есть какая-то тихая и спокойная гармонія красокъ и тоновъ. Мхи застилаютъ холмы, подошвы горъ, висятъ на обрывахъ, прикрываютъ пуховыми ковриками холодные валуны и сорвавшіеся съ горъ камни; мхи свисаютъ, какъ висячіе ковры и балдахины, надъ безумно-быстрыми падунами; они у стволовъ сосенъ, какъ цвѣтныя подножія, на тряскихъ кочкахъ болотъ, всюду охраняютъ они сѣверную тишину.

И тонкія, еле примѣтныя тропы проложены по нимъ: это оленьи тропы.

И по этимъ звѣринымъ—не однѣ оленьи, есть и лисьи— тропамъ ведутъ насъ лопари. Ихъ географія, какое-то особое географическое чутье поразительно: даже въ безлѣсыхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ никакихъ видимыхъ знаковъ, по которымъ опредѣляются стороны свѣта (какъ, напримѣръ, по деревьямъ сѣверная сторона дерева всегда бѣднѣе сучьями и листвой или хвоей), они безошибочно опредѣляютъ направленіе. Я не разъ провѣрялъ ихъ показанія по компасу, и всегда они оказывались правы.

Мы живемъ на ходу, безъ времени. У насъ, гдѣ ночь и день различаются тьмой и свѣтомъ, трудно представить себѣ, что можно день не отличить отъ ночи. Вся наша жизнь складывается на этомъ раздѣленіи свѣта и тьмы, дня и ночи.

Лѣтомъ въ Лапландіи можно день начать въ 12 часовъ ночи: свѣтло, солнечно, ночью считать два часа дня, вечеромъ—девять утра: какъ что ни называй—все равно будетъ свѣтъ, свѣтъ и свѣтъ. Пространство одолѣваетъ человѣка на сѣверѣ, но время зависитъ отъ человѣка: выкраивай изъ него, когда хочешь, день, ночь, утро, вечеръ. Въ этомъ отношеніи путешественникъ нигдѣ такъ не воленъ, какъ лѣтомъ на сѣверѣ.

На вторыя сутки, почти не спавъ за все время, мы вышли въ долину рѣки Куны, поросшую густымъ, дремотнымъ кустарникомъ, а къ вечеру были на берегу Имандры, приготовясь ждать карбасъ въ избѣ, оставленной на лѣто лопарями. Мы были мокры совершенно; по дорогѣ я не безъ удовольствія рвалъ на клочья свою непромокаемую накидку, промокшую раньше всего.

Мы ѣли мокрый хлѣбъ изъ промокшаго непромокаемаго мѣшка.

Лопари, по привычкѣ, поглядывали на Имандру. Она еще не успокоилась послѣ бури и стелилась сѣрыми всклокоченными буграми, безконечная и холодная.

— Карбасъ!—вскричали лопари.

По Имандрѣ плылъ большой карбасъ, направляясь къ нашей избѣ.

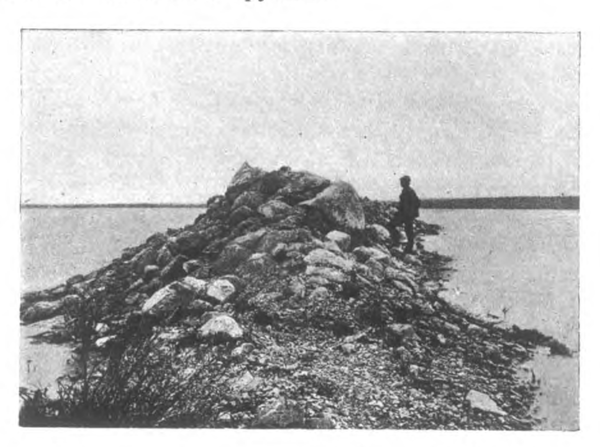
Черезъ часъ мы возвращались на немъ въ Бѣлогубскую. Ямщики везли въ Бѣлогубскую господина въ пенснэ, совершавшаго легкую поѣздку по Лапландіи. Оказалось, онъ зани-

мается немного этнографіей и не прочь „изучать“ лопарей, но такъ какъ онъ ихъ почти и не видалъ, то изученіе начинаетъ съ нашихъ Ивана и Осипа.

Русскіе поморы называютъ лопарей лопаришками; у станціоннаго дѣда на Бѣлогубской была собака съ кличкой Лопинъ; но лопари не обидчивы, они миролюбивы и отходчивы, какъ дѣти.

А вотъ на этнографію нашего новаго спутника и они обидѣлись.

— А что, часто вамъ приходится ѣсть сырое мясо? Это вкусно?—спрашивалъ господинъ въ пенснэ, сидя въ карбасѣ, съ записной книжкой въ рукахъ.

Островокъ мореннаго происхожденія на озерѣ Имандрѣ.
Съ фотографіи З. З. Виноградова.

Лопари всѣ православные, соблюдаютъ посты, и ѣсть сырое мясо считаютъ за грѣхъ.

— Да лучше съ голоду околѣвать, чѣмъ сырятину ѣсть!— негодуетъ нашъ Иванъ.

Но этнографъ не смущенъ.

— А кровь вы пьете? Вкусно, а? Должно быть, вкусно! Это даже полезно.

Но лопари съ презрѣніемъ отъ него отворачиваются и разсказываютъ намъ со смѣшкомъ, какъ этакій вотъ проѣзжій (взглядъ въ сторону этнографа) заставлялъ ихъ за рубль нарядиться въ народный лопарскій костюмъ, имѣя о немъ, очевидно, самыя фантастическія представленія.

— Надѣнь, говоритъ, свои кожаные штаны! А гдѣ я ихъ возьму, ежели лопины ихъ и не носятъ!

Другой же не этнографъ, а антропологъ разрылъ грубо и беззастѣнчиво лопарское кладбище — и увезъ съ собою множество череповъ для какого-то заграничнаго музея.

— Если бъ знали, что губернаторъ ему того не позволялъ, пристрѣлили бъ его!—негодуютъ мирные, кроткіе лопины, у которыхъ разрыли и расхитили могилы ихъ отцовъ и дѣдовъ.

Не хотятъ лопари быть жертвами и послушными куклами ни для этнографовъ, ни для антропологовъ! Что подѣлаешь!

Въ Бѣлогубской, въ дыму камелька, на сухихъ нарахъ, мы спимъ полсутокъ не мертвымъ даже, а окаменѣлымъ сномъ.

На другой день, опять вчетверомъ, археологъ, геологъ, ботаникъ и медикъ, уѣхали мы изъ Бѣлогубской. Повезли насъ въ карбасѣ русскій дѣдъ съ неразлучнымъ своимъ другомъ собакой Лопиномъ, который хоть претерпѣваетъ всегда при переѣздахъ по бурной Имандрѣ морскую болѣзнь, все-таки восторженно лѣзетъ за хозяиномъ въ карбасъ,—да двѣ лопарки-бабы, жонки, по-здѣшнему. Ѣдетъ еще съ нами старуха лопарка къ своему сыну, на островъ, гдѣ у него олени.

Прослышавъ про лапландскій жемчугъ, медикъ объявляетъ:

— Эхъ, поѣхать бы жемчугъ ловить!

— Ѣдемъ,—говоритъ нашъ проводникъ, Иванъ-лопарь.— Ѣдемъ.

— Да у меня денегъ нѣтъ. Платить тебѣ не буду.

— Такъ ѣду. Чуръ, добычу пополамъ.

— Да вѣдь это за сто верстъ, у тебя дѣло, что жъ ты заѣдешь такъ далеко?

— Ѣду.

И онъ садится въ карбасъ. Мы ѣдемъ.

Ну, не дитя ли этотъ милый народъ?

Ѣхать за сто верстъ ловить жемчугъ со студентомъ, никогда ничего въ жизни не ловившимъ, бросать дѣло на неизвѣстный срокъ только изъ безкорыстнаго дружества, для хорошей компаніи—кто способенъ на это, кромѣ ребенка?

А Ивану подъ сорокъ.

Мы ѣдемъ по Имандрѣ. Она тихая, покорная, присмирѣвшая послѣ недавней бурй. Грозныя сумрачныя цѣпи Хибинъ тянутся по берегамъ. Какъ бѣлая пѣна передъ бурей на си-

зыхъ волнахъ, бѣлѣютъ снѣга на вершинахъ. Но волна сонная, тихая, лѣнивая. Обезсилѣла Имандра.

— Эхъ, вѣтра бы!

Грести тяжело. Грузный карбасъ медленно двигается; кажется, не двигается вовсе. Жонки, одна молодая, бойкая, другая постарше и еще побойчѣй, обѣ въ красныхъ шемшурахъ, устаютъ на веслахъ.

Парусъ на карбасѣ такой же, какъ былъ у новгородцевъ въ XII вѣкѣ: это толстое, длинное сѣрое полотнище на шестѣ, прикрѣпленное къ единственной мачтѣ. Нѣтъ ни боковыхъ,

Лопарскія „жонки"—наши „ямщики". Налѣво старуха—зажиточная лопарка.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

ни вспомогательныхъ парусовъ: вѣтеръ долженъ дуть прямо въ парусину, и никакъ нельзя воспользоваться боковымъ или противнымъ вѣтромъ. Старуху лопарку, которая плохо говоритъ по-русски, надо завезти къ ея сыну, Василію, на Оленій островъ.

На островѣ олени „пасутся вольны, не хранимы". Лопарь—оленеводъ по влеченію, по любви. Нѣтъ ничего трогательнѣе обращенія лопаря съ оленемъ: онъ не только никогда не ударитъ оленя, не обругаетъ его,—онъ даже не повыситъ голоса, не поворчитъ на него, только посѣтуетъ, повздыхаетъ около

олешка: „Ну, ты, важенка...“ И только беззащитность лопарей отъ спаиванья ихъ колянами, отъ посягательствъ переселенныхъ въ Лапландію зырянъ-ижемцевъ на лучшія пастбища—причиной, что оленеводство уходитъ отъ лопаря.

Новая вѣжа на Оленьемъ островѣ, на озерѣ Имандрѣ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

Отъ двухъ-трехъ рюмокъ лопарь хмелѣетъ и тогда, какъ опоенное водкой дитя, готовъ пропить даже своего любимца и друга—оленя.

Но на Оленьемъ островѣ любо-дорого глядѣть на оленей: ихъ не пропьютъ здѣсь.

Хозяинъ зоветъ насъ въ вѣжу. Но эта вѣжа не та, что въ горахъ: она просторна, чиста; нижній срубъ у нея изъ хорошихъ бревенъ; въ вѣжу ведетъ деревянная наклонная дверца на петляхъ; стѣны вѣжи изъ тонкихъ досокъ, жердей и прекрасной толстой бересты и коры. Внутри вѣжи земляной полъ густо устланъ свѣжими еловыми вѣтвями. Блеститъ въ углу лопарское сокровище—самоваръ. Маленькая дѣвочка играетъ съ зябкой, худенькой кошкой. Чисто и тепло.

Посидѣвъ у хозяевъ, мы идемъ къ оленямъ. Изъ-за сосновыхъ стволовъ, изъ-за пушистыхъ и широкихъ еловыхъ лапъ тянутся высокіе, широковѣтвистые рога, смотрятъ умные, почти человѣчьи по грусти и нѣжности глаза. Это олени, бѣжавшіе

въ загонъ, увидѣли насъ и боятся итти. Загонъ—это сарай изъ тонкихъ стѣнокъ, устроенныхъ изъ шестовъ, бересты и еловыхъ вѣтвей и съ такой же крышей. Въ немъ спасаются олени въ жаркое время отъ комаровъ, доводящихъ оленей до такого изступленія, что они, съ налитыми кровью глазами, бросаются въ озеро, въ рѣку, куда попало, лишь бы спастись отъ комаровъ.

Оленята толпятся подлѣ матокъ. Лопари радуются на оленью радость, и мнѣ приходитъ въ голову, что олень—какой-то дѣтскій звѣрь, словно предназначенный для этого народа-дитяти, незлобиваго и радостнаго.

Лопари смѣшливы, но это не смѣхъ болѣзненный, неестественный, это—смѣхъ дитяти. Не могу представить себѣ лопаря безъ улыбки на его лицѣ, безъ смѣха, срывающагося съ его губъ. Упуститъ жонка-ямщикъ весло въ воду, дѣло плохое: лови весло по неспокойному озеру; русскій бы выругался, разсердился, закричалъ—лопарь смѣется самъ же надъ собой.

Оленій загонъ на Оленьемъ островѣ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

Для лопарей надо передѣлать русскую пословицу: не *чужую*, а *свою* бѣду руками разведу. И, какъ ребенокъ же, лопарь пугливъ: именно не труслив, а пугливъ: легко испугается пустяка—немного громкаго вскрика, простой шутки, невпопадъ

брошеннаго слова, а вотъ плыть на плохомъ, дырявомъ карбасѣ по бурной Имандрѣ, пойти съ плохимъ ружьишкомъ на медвѣдя—этого онъ не боится.

На сѣверномъ концѣ Имандры лежитъ станція Разноволоцкая. Простились мы съ нашими жонками-ямщиками, съ дѣдомъ и съ его вѣрнымъ Ло́пинымъ, переночевали—и опять въ путь.

Озеро за озеромъ проплываемъ мы на карбасѣ. На волокахъ между озерами, по темнымъ тайболамъ [1]) идемъ пѣшкомъ. Припасы наши всѣ вышли, осталось немного чернаго хлѣба. Медикъ рѣшаетъ заняться рыболовствомъ.

Лопари и онъ пускаютъ за обѣими бортами карбаса „дорожку"—то-есть длиннѣйшую лёску съ металлическимъ крючкомъ,

Озеро въ лѣсной Лапландіи. Ямщики разгруживаютъ карбасъ, приготовляясь итти съ грузомъ пѣшкомъ черезъ волокъ между двумя озерами.
Съ фотографіи З. З. Виноградова.

съ маленькой металлической вертящейся рыбкой въ видѣ приманки; дорожка волочится за карбасомъ. На металлическую рыбку („блесну") лопарь Иванъ вытаскиваетъ крупную семгу. Пошла рыбная ловля.

---

[1]) Тайбола—лѣсъ

— Будетъ! Куда столько!—кричимъ мы съ геологомъ.

Но удержу нѣтъ.

Ѣдемъ по Колозеру. Оно стальное, непривѣтливое, шумливое. Маленькая круглая Имандра. Лопари устаютъ грести.

Олень около загона.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

— Заѣдемъ въ гости. Тутъ лопинъ одинъ близко. Братъ мнѣ,—говоритъ молодой лопарь-ямщикъ.

Заѣзжаемъ къ лопину. У него хорошая вѣжа: срубъ высокій; въ вѣжѣ окно; камелекъ въ углу, наподобіе печи. Этой вѣжѣ не далеко и до русской избы. Долго-долго пьемъ чай. Если лопаря не остановить, не сказать „будетъ", чаепитіе можетъ продолжаться безъ конца: это ничего, что чай уже превратился въ чайникѣ въ чуть-чуть желтенькую водичку. Лопари выпотрошили и изрѣзали на большіе куски форель, натыкали ихъ на палку и жарятъ, посоливъ, безъ масла, безъ всего, на сильномъ огнѣ. Мы съ жадностью ѣдимъ рыбу. Только теперь чувствуемъ, какъ давно мы не ѣли досыта, какъ привыкли къ полуголодной жизни. Хорошо бы еще поспать да раздѣться, но это уже чистая утопія!

Олень встрѣчаетъ насъ у входа въ вѣжу. У него пушистые рога, они всѣ въ мелкомъ пушку, какъ бархатные. Это—лѣтніе рога. Пушокъ исчезнетъ къ зимѣ.

Въ Пулозерѣ, полузаброшенномъ лопарскомъ погостѣ при крошечной телеграфной станціи, такой заброшенной, что нельзя достать даже хлѣба, такъ какъ у чиновника вышла вся мука, а за новой надо ѣхать въ Колу,—въ Пулозерѣ встрѣчаетъ насъ солнце. Надъ болотомъ, по которому мы идемъ, вязнемъ, черпаемъ сапогами липкую грязь,—играетъ лучами нѣжно и какъ будто виновато неяркое низкое солнце. И при немъ скудость болота не кажется скудостью: и тутъ плавкое вечернее золото и бѣлый праздникъ сѣверной ночи до золотого утра.

Выѣхали изъ Пулозера дальше, но встрѣтили александровскаго фельдшера, который ѣдетъ лѣчить въ Пулозеро, полѣчитъ—и назадъ за сто пятьдесятъ верстъ; фельдшеръ проситъ насъ вернуться, обождать его и ѣхать вмѣстѣ: иначе онъ останется въ Пулозерѣ безъ ямщиковъ. Выѣзжаемъ вновь къ вечеру. Фельдшеровы больные въ Пулозерѣ одни умерли, другіе выздоровѣли сами. Фельдшеръ, добродушный, толстый человѣкъ съ деревяннымъ ящикомъ съ медикаментами, живетъ постоянно въ Александровскѣ на Мурманѣ, за полтораста верстъ. Вызвали его по телеграфу въ Пулозеро еще въ апрѣлѣ. Былъ здѣсь тифъ. Но телеграфъ въ Пулозерѣ есть (онъ соединяетъ Мурманъ съ Архангельскомъ, до Лапландіи ему нѣтъ никакого дѣла), а дорогъ никакихъ, кромѣ лодочнаго пути по озерамъ да пѣшаго по болотамъ. Весь апрѣль и половину мая путь этотъ не существуетъ: по болотамъ итти невозможно, озера не освободились еще ото льда; все затоплено водою. Другую половину мая фельдшеръ былъ около Норвегіи, тоже вызванный къ больнымъ по телеграфу. И вотъ только теперь, въ іюнѣ, пріѣхалъ онъ, званый въ апрѣлѣ, въ Пулозеро, но лѣчить ему некого: умершіе умерли, здоровые здоровы.

А нашъ медикъ ловилъ съ Иваномъ жемчугъ около Пулозера.

Жемчугъ въ Лапландіи встрѣчается въ рѣкахъ съ теплой, сравнительно, водой, не вытекающихъ изъ снѣговъ: таково наблюденіе русскихъ и лопарей, ловившихъ жемчугъ. Онъ встрѣчается всѣхъ цвѣтовъ: отъ снѣжно-бѣлаго до изсиня-чернаго, розовый, зеленоватый, голубой. Искатель жемчуга вооружается особымъ инструментомъ—четырехконечными небольшими вилами на палкѣ. Онъ ѣдетъ въ карбасѣ, пока позволяетъ каменистое дно и теченіе, и смотритъ въ кристально-чистую воду. Запримѣтивъ раковину, онъ хватаетъ ее четы-

рехконечными вилами и кладетъ въ карбасъ. Если теченіе рѣки слишкомъ быстро, рѣка порожиста, ѣхать на карбасѣ нельзя, — искатель въ высокихъ кожаныхъ сапогахъ идетъ по дну рѣки, придерживаясь рукою за выступы камней, и вылавливаетъ раковины. Когда раковинъ въ карбасѣ наберется нѣсколько сотенъ, онъ раскрываетъ ихъ одна за другою и вынимаетъ жемчугъ—впрочемъ, изъ весьма немногихъ. Остальныя раковины пропадаютъ зря—вмѣстѣ съ недоразвившим-

Горная рѣчка.
Съ фотографіи З. З. Виноградова.

ся жемчугомъ и съ самой жемчужницей. Такой ловъ ведетъ къ оскудѣнію рѣкъ Лапландіи жемчужными раковинами. Въ древности Лапландія и Бѣломорье изобиловали жемчугомъ; онъ во множествѣ встрѣчается донынѣ на окладахъ иконъ въ сѣверныхъ церквахъ, въ зажиточныхъ крестьянскихъ семьяхъ, и на женскихъ уборахъ у богатыхъ поморокъ и лопарокъ. Теперь же нѣтъ уже спеціально-жемчужнаго промысла: это, такъ сказать, баловство, занятіе между прочимъ, подспорье. На жемчугъ нужно счастье: нужно мѣсто знать. Лопари ут-

верждаютъ, что окраска жемчуга зависитъ отъ окраски воды данной рѣки; можетъ-быть, нужно сказать: отъ окраски того матеріала, которымъ питается жемчужница. Медикъ нашелъ одну хорошенькую жемчужину—и торжествуетъ, промокшій, зубъ на зубъ не попадая. Иванъ-лопарь подарилъ ему другую, попрощался съ нами—и теперь поѣдетъ назадъ за сто верстъ, но онъ веселъ, улыбается, машетъ шапкой, тридцатипятилѣтній ребенокъ.

Мы теперь ѣдемъ тихими голубыми озерами. Они узкія, длинныя, какъ медлительныя рѣки. Зеленыя горы смотрятъ въ нихъ.

Что дѣлаетъ солнце! Оно расплавило какіе-то невѣдомые розовые, голубые, оранжевые металлы и всѣ двадцать четыре часа, только ненадолго скрываясь само за гору, льетъ, льетъ въ озера, на островки, на вараки, на болота,—льетъ, куда попало, розовые чудесные металлы. Въ праздникъ мы ѣдемъ, въ солнечный праздникъ! Оттого солнце такое щедрое.

Дикія утки взлетаютъ, никѣмъ не пуганыя, изъ-подъ карбаса и лѣниво ждутъ въ сторонѣ, когда утихнетъ поднятый карбасомъ всплескъ и гулъ, и золотое, голубое, розовое небо опять засіяетъ въ тихой водѣ.

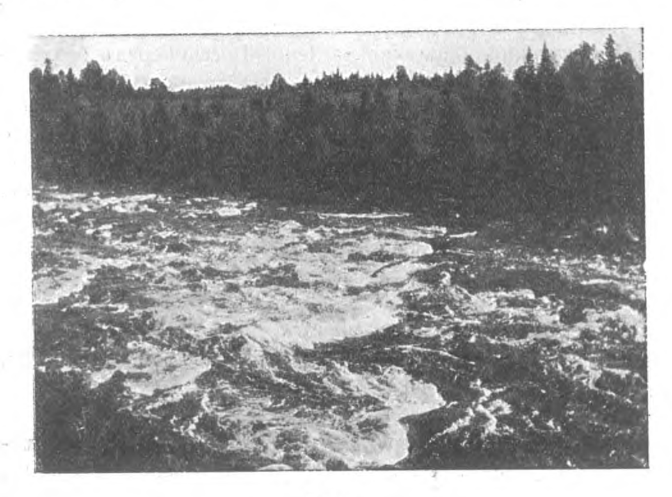
Высокая гряда валуновъ и зубчатаго гранита пересѣкаетъ протокъ между двумя озерами. Вода падаетъ бѣлыми нитями, бѣлыми быстрыми бусами въ пучину. Рвется на части безцѣнное жемчужное ожерелье, и жемчужины сыплются въ пучину.

Выходимъ изъ карбаса задолго до падуна и идемъ пѣшкомъ глухими тайболами, древними, могучими, но свѣтлыми въ свѣтлой ночи,—и опять въ карбасъ.

На рѣкѣ переборъ изъ камней тянется на три версты. Ловко лавируетъ карбасъ между камнями подводными и высовывающимися изъ воды, какъ тупые лбы невѣдомыхъ водяныхъ звѣрей; карбасъ, попавъ въ стремнину, мчится безъ гребли, быстро, шумливо, вздрагивая, подскакивая,—но лопарь крѣпко держитъ руль, и, твердо очерчивая крутую линію по бѣлой пѣнящейся рѣкѣ, карбасъ вновь входитъ въ тихую воду—до новыхъ камней, до новаго бѣшенаго бѣга между камнями.

На послѣдней ямской станціи передъ Колой, гдѣ изъ тихаго, нѣжно-сіяющаго Мурдозера вытекаетъ шумливая, покрытая падунами, рѣка Кола, нашъ медикъ увлекаетъ осмотрительнаго ботаника,—и они тайкомъ, вдвоемъ, отправляются ловить семгу. Ночь сіяетъ ярко и великолѣпно ровнымъ солнечнымъ свѣтомъ.

Берутъ, какъ и добрые, карбасъ, выѣзжаютъ къ каменному перебору, волоча за собой длинную дорожку-лёсу съ металлическимъ вертуномъ въ видѣ рыбки, но карбасъ крутится, вздрагиваетъ, чертитъ по водѣ ломанную линію, водой его ударяетъ о валунъ—и рѣка несетъ, несетъ ихъ къ падуну. Къ счастью, берегъ близко, и не каменистъ. Ботаникъ направляетъ карбасъ на песокъ, они врѣзываются въ него съ налету и, промокнувъ, волоча за собой карбасъ, бредутъ въ избу, къ камельку.

Падунъ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

Ночь тиха. Реветъ падунъ.

Больные лопари обступаютъ фельдшера. Всѣ больны, всѣ измучены, надорваны голодомъ, холодомъ, непосильнымъ трудомъ. Смотрятъ на фельдшера дѣтскими глазами, почти безъ словъ жалуются на болѣзни: болятъ глаза отъ дыма въ вѣжахъ, всѣ простужены на рыбныхъ промыслахъ на озерахъ,— но чѣмъ помочь? Въ этомъ вся ихъ жизнь. И безнадежно даетъ имъ всѣмъ фельдшеръ іодъ и хину. Бережно берутъ все и провожаютъ насъ съ безысходной тоской въ глазахъ.

Мы прощаемся съ нашими лопарями. На прощанье кормимъ ихъ изъ послѣдней коробки овощными консервами. Они никогда

не ѣли овощей: вѣдь въ Лапландіи хлѣбъ—это рыба, и кромѣ этого хлѣба—рыбы, соленой, иногда прошлогодней, полугнилой (ибо хорошую рыбу лопарь продаетъ), они ничего не ѣдятъ.

До Колы осталось восемнадцать верстъ ходьбы и пятнадцать рѣкой Колой на карбасѣ. Вмѣсто лопарей у насъ теперь въ ямщикахъ двое русскихъ да одинъ здоровенный корелъ.

Рѣка Кола,—далеко за полярнымъ кругомъ,—вся поросла по берегамъ кустарниками и лиственными деревьями: это послѣдніе листья передъ океаномъ, послѣднія тихія березы, трепещущія осины—и, можетъ-быть, оттого, что онѣ—послѣднія, онѣ такъ дороги и милы, какъ никогда. Послѣдній кусочекъ нашей лиственной, березовой, зеленой Россіи передъ безлѣсьемъ океанскихъ береговъ.

Корелъ Михайла невозмутимъ: гребетъ за двоихъ и ничего не прочтешь на его лицѣ; вся его жизнь въ этомъ, и другого ничего онъ не знаетъ. Желѣзныя руки, желѣзная грудь, желѣзное здоровье. Но два другіе ямщика—русскіе, и съ нами, русскими, пришедшими изъ дальней Россіи, рады поговорить. Жалуются на колянскую жизнь. Одинъ, Алеша, гребетъ безъ устали и вслухъ мечтаетъ.

— Эхъ, уѣду я къ себѣ въ Вятку!

Никто не отвѣчаетъ: не вѣрятъ.

— Тамъ у насъ хорошо. Тепло. Лѣса какіе! Села большія. Церкви вездѣ.

— А на дорогу гдѣ возьмешь?

— Было на дорогу, сорокъ рублей было, да подпилъ малость: все спустилъ. Какъ не утопъ: просыпаюсь—у самаго, почитай, моря лежу. И какъ попалъ, не помню. Какъ волной не смыло—удивляться надо.

— Пьянаго не смоетъ, а и смоетъ, такъ назадъ прибьетъ,— равнодушно замѣчаетъ корелъ.

— И отчего это,—недоумѣваетъ Алеша,—пьяный не тонетъ? Съ карбаса падалъ, цѣлъ оставался, выплывалъ, а пьянъ парато [1]) былъ.

— Море пьянаго жалѣетъ,—замѣчаетъ Аѳанасій.

Но себя они не жалѣютъ: ѣздятъ въ море, далеко, въ погоду, на такихъ суденышкахъ, на какихъ мы черезъ Москву-рѣку не переѣхали бы. Отваливая на плохомъ шнякѣ изъ Норвегіи или съ Мурмана въ Архангельскъ, всѣ, отъ капитана до по-

---

[1]) Очень.

слѣдняго матроса, пьютъ „отвальную“, напиваются до лежки, и тонутъ зачастую при самомъ началѣ пути, свалившись съ борта или съ мачты. Подплывая къ Архангельску, пьютъ „привальную“.

Кончается нашъ путь „по-лопарямъ“. И жаль разставаться съ суровой прекрасной „Лопской землей“, съ безтемными ночами, съ холодноводными озерами, съ простой, чужой

Надъ озеромъ.
Съ фотографіи З. З. Виноградова.

для насъ и чуждой жизнью, но которая стала на время своей, близкой и милой, да, милой и прекрасной!

VI.

Полуночное солнце.

Океанъ.—Голоса океана.—Мурманъ.—Становища.—„Птичій базаръ“.—Тресковое царство.—Норвежскій городокъ.—Тишь и чистота.—Солнечная ночь.—Полуночное солнце.

Въ трехъ верстахъ отъ Колы рѣка опять дѣлается порожистой, и нужно итти до Колы пѣшкомъ. Скучно и пусто кругомъ.

Высокіе холмы и голыя вараки угрюмы, безлѣсы и мертвы до отчаянія. Невѣдомый врагъ будто пришелъ и вырубилъ всѣ лѣса, пожегъ всѣ корни, обезплодилъ землю, обезлюдилъ страну. Вѣтеръ гудитъ, но и ему нечего дѣлать: все пусто, ему

Колянки въ воскресный день.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

нечего шевелить и качать—ни деревца, ни кустика, развѣ только стучать безъ толку въ кольскіе ветхіе домишки,—и чтобы довершить тоску и убожество, высовываются робко и пустынно у двухъ полноводныхъ рѣкъ, Колы и Туломы, у океанскаго залива сѣрые и черные домишки Колы.

Подумаешь, это временный станъ случайно зашедшихъ въ пустыню людей. Уйдутъ, бросятъ избушки, и все будетъ совсѣмъ, до конца пусто. Но этому временному стану, этимъ домишкамъ, на время зачѣмъ-то построеннымъ у океана, больше шестисотъ пятидесяти лѣтъ: подъ 1264 годомъ Кола уже значится въ договорѣ новгородцевъ съ княземъ Ярославомъ Тверскимъ. Гдѣ жъ исторія, гдѣ жъ эти 650 лѣтъ?

Старый деревянный многоглавый соборъ сгорѣлъ, осталась старинная кладбищенская церковь; улицы, на которыхъ не зачѣмъ ѣздить, ибо на всю Колу двѣ лошади; люди, которымъ всю весну, осень и зиму, восемь мѣсяцевъ въ году, нечего дѣлать, такъ какъ промыселъ ихъ исключительно лѣтній,

морской; люди, которымъ не на что смотрѣть, потому что горы и холмы, и все, что кругомъ, безкрасочно, тускло, уныло. Гдѣ жъ исторія и въ чемъ?

Всѣ 650 лѣтъ—какъ одинъ тусклый день, холодный, сѣрый, бездѣятельный, ненужный.

Сидѣли здѣсь, въ Колѣ, воеводы, торговали новгородцы, собирали оброки московскіе люди, нападали на Колу шведы и норвежцы, завоевывали англичане,—и только сонъ, только сонъ, холодный, неуютный, сѣрый, царитъ здѣсь. Даже собаки здѣсь не лаютъ, молчатъ, понуря голову: на кого имъ здѣсь лаять, когда всѣ до одного свои и знакомые, „чужихъ" не бываетъ; собаки спятъ; проснувшись, сонно махаютъ хвостами и вновь засыпаютъ. Но у Колы есть хоть исторія въ годахъ, а на Кольскомъ же заливѣ есть городъ, у котораго не только нѣтъ, но, вѣроятно, и не будетъ исторіи, у котораго нѣтъ жителей, нѣтъ ничего, кромѣ названія: городъ, который даже колянамъ кажется какимъ-то гиблымъ мѣстомъ.

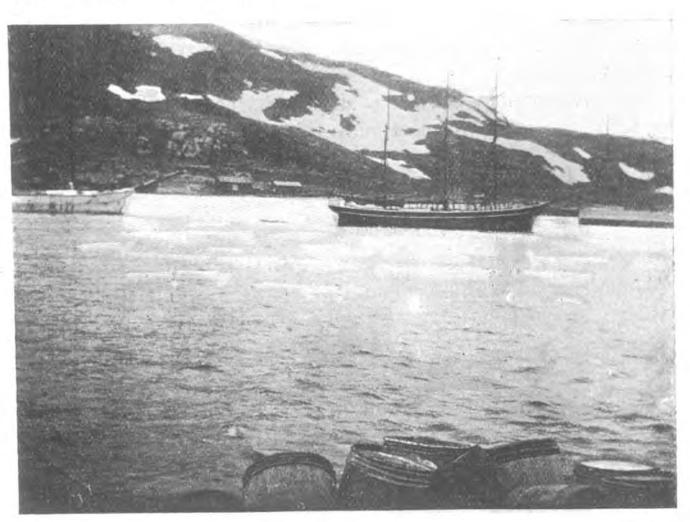
Это—Александровскъ на Мурманѣ, городъ, открытый въ 1899 г. въ цѣляхъ промышленнаго и торговаго развитія Мурмана.

Зданіе городского училища въ Колѣ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

У Александровска прекрасная, глубокая гавань, защищенная со всѣхъ сторонъ отъ вѣтра; но она такъ хорошо защищена высокими берегами отъ вѣтровъ, что парусныя суда, за полнымъ отсутствіемъ вѣтра, вовсе не могутъ въ нее войти,

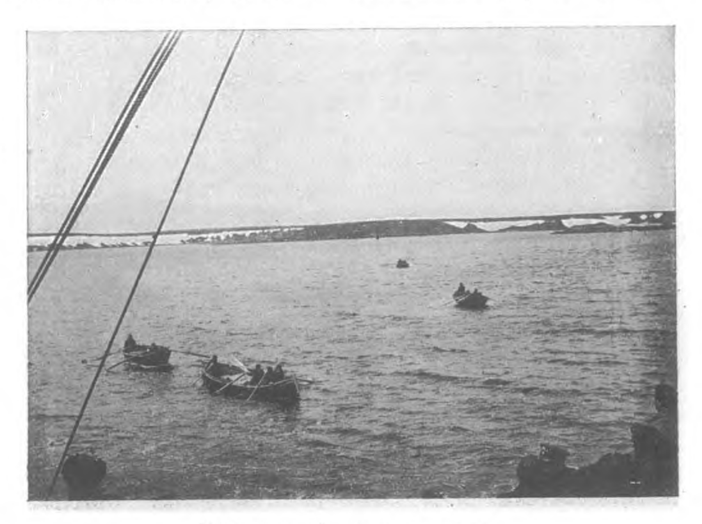
а всѣ поморскія суда, для которыхъ назначенъ Александровскъ, какъ торговый портъ, сплошь парусныя. Гавань глубока, но она такъ мала и тѣсна, что пароходы еле повертываются въ ней. Рыба близъ Александровска ловится совсѣмъ плохо, вѣрнѣе, вовсе не ловится: значитъ, промысла быть не можетъ. Вода дли питья въ городѣ отвратительная. Уныло тянется въ скалахъ единственная улица города съ совершенно одинаковыми по типу постройки, по размѣрамъ, окраскѣ, по всему домами. Въ домахъ живутъ чиновники. Въ Александровскѣ самое необыкновенное и самое полное *само*управленіе во всей Россіи: чиновники управляютъ самими собой. Почтмейстеръ получаетъ письма для доктора, казначея, учителя, фельдшера; казначей раздаетъ деньги почтмейстеру, учителю, доктору, фельдшеру; докторъ лѣчитъ казначея, почтмейстера, учителя, самого себя и т. д., и т. д.

Мурманскій берегъ въ іюнѣ, около становища. Трехмачтовое судно-промысловая ёла. *Съ фотографіи В. А. Свинарской.*

Городъ, въ которомъ некому и не для чего жить. Огромные сараи построены у пристани для товаровъ, которыхъ никто не привозитъ; удобная пристань, къ которой пристаютъ лишь пароходы, получающіе за то казенную субсидію. Городъ,

изъ котораго легко уѣхать въ Норвегію, но восемь мѣсяцевъ въ году нельзя добраться до Россіи. Городъ, въ которомъ живутъ на осадномъ положеніи: чиновники получаютъ двойной окладъ жалованья, словно въ осажденной врагомъ крѣпости.

Карбасы подъѣзжаютъ къ пароходу.
Съ фотографіи В. А. Свинаьской.

А невдалекѣ отъ этого города безъ жителей или съ жителями, не знающими, какъ только оттуда выселиться, отъ этого бѣднаго города, осажденнаго тоской и ненужностью, шумитъ и торжествующе поетъ безграничный вольный океанъ.

Въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ есть ничѣмъ не выразимая, непреодолимая сила—сила *тайны*. Бѣгутъ огромныя зеленыя волны, бѣгутъ съ тайной изъ мѣстъ, гдѣ вѣчная бѣлая тайна, съ сѣвера, гдѣ не бывалъ никто, изъ вольныхъ таинственныхъ пространствъ.

Въ океанѣ замѣчаешь только океанъ. Люди дѣлаются неинтересны: пусть шумятъ и какъ-то тамъ живутъ, сердятся, спорятъ. Птицы—а ихъ тутъ цѣлыя царства—незамѣтны. Самое небо—милое, всегда дорогое, близкое небо—словно невидимо. Примѣтенъ взору только океанъ, какъ владыка одинъ примѣтенъ среди тысячъ рабовъ. Неотступно, жадно, покорно

впивается взоръ въ неисчерпаемыя волны, въ непреградимые валы, въ зеленоокую глубину океана. Нѣтъ одинаковыхъ волнъ, нѣтъ повтореній: каждая волна—новая, прекрасная, по-иному, чѣмъ та, что прошла и разбилась о берегъ.

Кольская губа. Видъ снятъ въ 12 часовъ ночи при полуночномъ солнцѣ съ горы Суоловарака. *Съ фотографіи З. З. Виноградова.*

Шумъ океана не сравнишь ни съ чѣмъ: не такъ шумитъ море, жалобнѣй, безсильнѣй, не такъ могуче, больше хочетъ увѣрить въ своемъ могуществѣ; не такъ шумитъ безконечный сѣверный лѣсъ, тянущійся на сотни верстъ: въ его шумѣ нѣтъ зова, нѣтъ непрекращающагося безумнаго призыва, какъ въ океанѣ, онъ только тоскуетъ или безнадежно успокаиваетъ, убаюкивая со щемящей сердце грустью; полуночникъ-вѣтеръ не такъ шумитъ въ горахъ: отрывистѣй, злобнѣй, бездомнѣй. И развѣ одинъ океанъ и одинъ у него голосъ? Океанскіе голоса зовутъ, требуютъ, грозятъ, ласкаютъ, шепчутъ, плачутъ или слившись, поютъ, какую-то вселенскую, широкую, какъ міръ, пѣсню. Гнѣвно требуетъ океанъ отъ человѣка чего-то, что не можетъ дать ему человѣкъ, или проситъ того же нѣжнѣйшими голосами, или плачетъ, укоряя.

Тонкая,—о, какая тонкая! — почти несуществующая линія

между водой и небомъ, между стальнымъ, холоднымъ океаномъ и тревожнымъ, безпокойнымъ небомъ, мѣняющимся то въ золото, то въ хмурь, то въ сизый свинецъ. Она всегда влечетъ и всегда убѣгаетъ, эта математически вычерченная линія — грань неба и океана. Въ бурю, въ штормъ она такъ же точна, пряма, чиста, неподвижна, какъ въ стойкую тишь. Когда тоскуешь по океану, тоскуешь о ней, странной математической линіи океана, о высокой, неподвижной, вѣчной чертѣ, нерушимой ничѣмъ.

Океанъ глядитъ на человѣка тысячью невидимыхъ глазъ. Онъ зорокъ. Отъ него не уйдешь.

И, когда наклоняешься надъ бортомъ и смотришь въ бездонную прозелень океана, зоркая зеленоокая глубина влечетъ неодолимо.

Ходкій мурманскій „Ломоносовъ" разсѣкаетъ споро и увѣренно зеленыя чистѣйшія волны, окрашивая ихъ бѣлой пѣной. Подойдетъ „Ломоносовъ" къ поморскому становищу съ его лѣтней рыбной горячкой. Вотъ мелькнутъ ютящіяся къ океану избушки, запестрѣетъ заливъ карбасами: пахнётъ русской

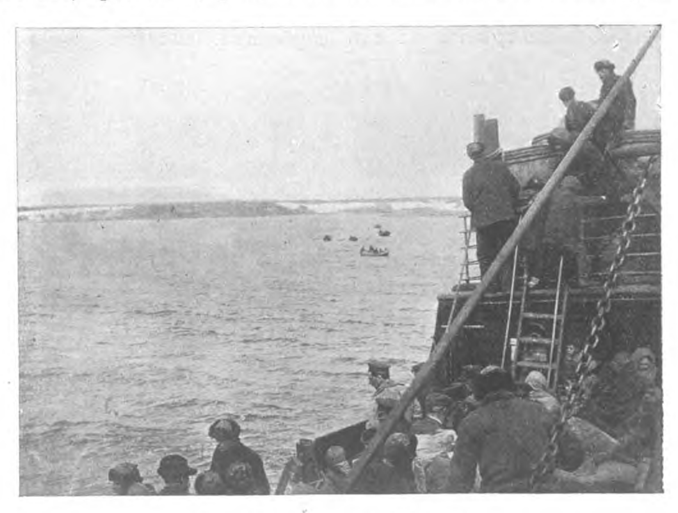

Становище Гаврилово на С. Ледовитомъ океанѣ.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

сѣверной деревней. Со всѣхъ сторонъ облѣпятъ пароходъ рыбацкіе карбасы: это поморы изъ становищъ привезли грузъ или пріѣхали за нимъ, а чаще не за нимъ, а за водкой, такъ какъ на Мурманѣ продажа водки воспрещена; русская тороп-

ливая рѣчь, пароходная суета и спѣшка заглушатъ не на долго привычные голоса океана. Но пройдетъ часъ-два — и ничто не мѣшаетъ вѣчному гулу и молвѣ океана гудѣть, шумѣть, говорить, вѣчной его волѣ — торжествовать. Дикія каменныя скалы угрюмо заострили верхи надъ зеленой водой. Какъ бѣлыми, сѣрыми и черными точками, унизаны, усѣяны онѣ птицами. Здѣсь—птичье царство, по сѣверному—птичій базаръ, шумливая, вольная, безбоязненная жизнь. Отсюда птичьи стаи разносятся надъ моремъ, здѣсь гомонъ и крикъ.

Но что́ этотъ гомонъ передъ гомономъ океана! Волны бьютъ берегъ на́отмашь; иногда хочется сказать,—даютъ берегу пощечины и, бѣлыя отъ гнѣва, отскакиваютъ прочь. Но въ шумѣ и гулѣ океана—великая грусть. Короткіе и гнѣвные набѣги вѣтра—и бѣгъ вѣтра прочь, бѣгъ вѣтра, которому нечего и негдѣ колебать на тысячу верстъ кругомъ, кромѣ воды, потому что все, кромѣ нея, гранитъ и камень—великая каменная грудь

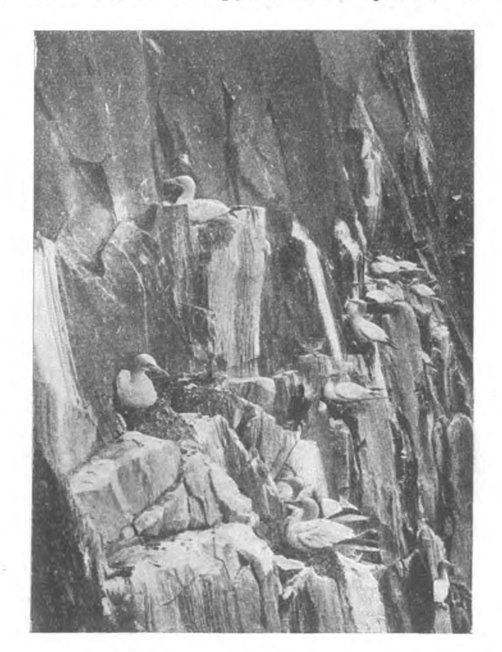
Причалъ карбасовъ къ пароходу.
Съ фотографіи В. А. Свинаьской.

земли. И зеленая, зыбучая, непокорливая равнина мечется въ бездѣльи, а надъ ней, какъ огромное красное жерло несуществующей пушки, стоитъ неподвижно огромное красное солнце.

И жалкимъ кажется предъ зеленой вѣчностью океана нор-

вежскій городокъ, заброшенный на островкѣ. Это—Вардэ, тихій рыбачій Вардэ, городъ трески.

На пароходѣ говорятъ только о трескѣ. Время лова трески въ Ледовитомъ океанѣ для русскаго и норвежскаго сѣвера то

Чайки на прибрежныхъ скалахъ.

же, что время жатвы хлѣбовъ для средней и южной Россіи. Все зависитъ отъ урожая и удачной уборки хлѣбовъ тамъ, все зависитъ отъ лова трески здѣсь. Треска—хлѣбъ сѣвера. Все благосостояніе Норвегіи зависитъ отъ рыбной ловли, а главная рыба на сѣверѣ—треска, какъ у насъ главный хлѣбъ—рожь. Ни одинъ поморъ въ разговорѣ не скажетъ просто: треска, но непремѣнно съ лаской и нѣжностью: „трещочка“.

Боже сохрани, сказать при поморѣ, что, правда, свѣжая треска очень вкусна, но соленая—воняетъ нестерпимо! Онъ обидится на васъ и скажетъ вамъ, что лучшаго запаха, чѣмъ отъ трески, и нѣтъ вовсе.

У нашего бѣднаго медика, въ качку, выкинули, безъ его вѣдома, изъ общей каюты банку съ погруженными въ формалинъ медузами и морскими животными.

— Какъ не совѣстно!—негодуетъ онъ на матроса.

— Да вѣдь оно у васъ пахло нехорошо, пассажиры обижались,—оправдывается матросъ.

— Нехорошо! А ваша проклятая треска впятеро сквернѣе воняетъ!—горячится медикъ.

— Какое же тутъ сравненіе: трещочка—первая рыба въ свѣтѣ, и запаха отъ нея нехорошаго быть не можетъ,—сказалъ матросъ и ушелъ безъ дальнѣйшихъ объясненій.

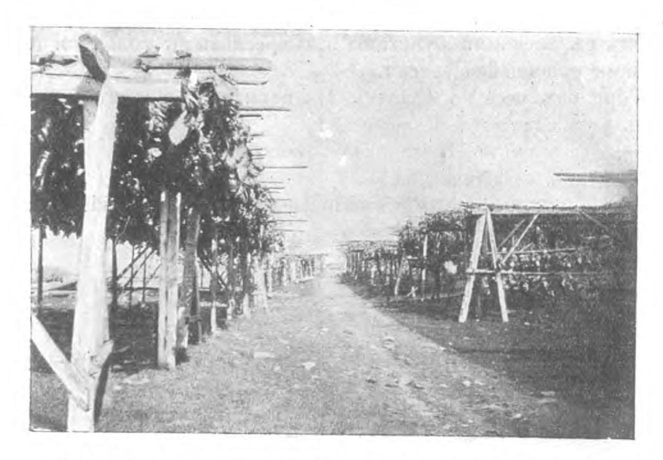
Городъ Вардэ (Норвегія). Промысловыя суда въ гавани.

Въ Вардэ все о трескѣ, все для трески.

Цѣлыя улицы проведены между огромныхъ деревянныхъ козелъ, на которыхъ сушатся тресковыя головы, идущія на производство клея и удобреніе. Эти тресковыя козлы, какъ лѣса, закрываютъ видъ на океанъ, заполоняютъ всѣ окрестности города: вѣтеръ, вмѣсто листьевъ, злобно перебираетъ тресковыми головизнами.

Но треска, треска,— а какая чистота въ этомъ городѣ!

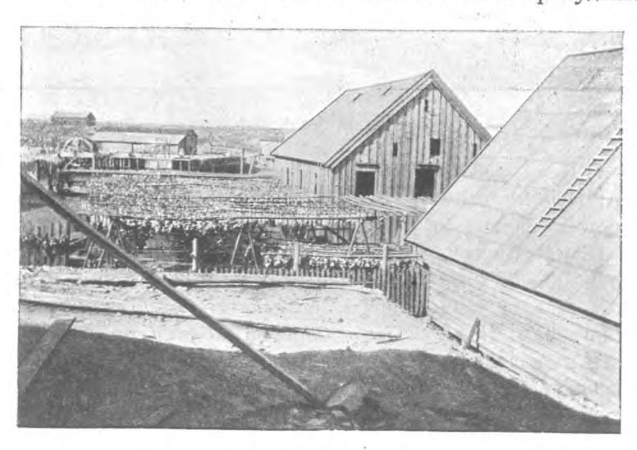
Прекрасны бѣлыя зоркія чайки на реяхъ парусныхъ судовъ, на сине-зеленыхъ волнахъ океана, не различишь сразу, кусокъ ли это паруса или чайка тамъ, на реѣ поморскаго па-

Вардэ. Улица изъ козелъ съ сушащимися тресковыми головами.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

русника. Взмахнула, взлетѣла—и уже стелется по водѣ, плоская, зоркая, хищная, вся—стремленье, вся—быстрота, глядя въ синюю холодную прозелень океана.

Океанъ тихій, безмолвный. Волнами выточены причудливыя

Вардэ. Сушка трески.
Съ фотографіи В. В. Разевига.

ступени въ берегѣ, а за ними, выше, частые, безконечные ряды козелъ съ висячими букетами изъ тресковыхъ головъ и гирляндами сушащейся трески.

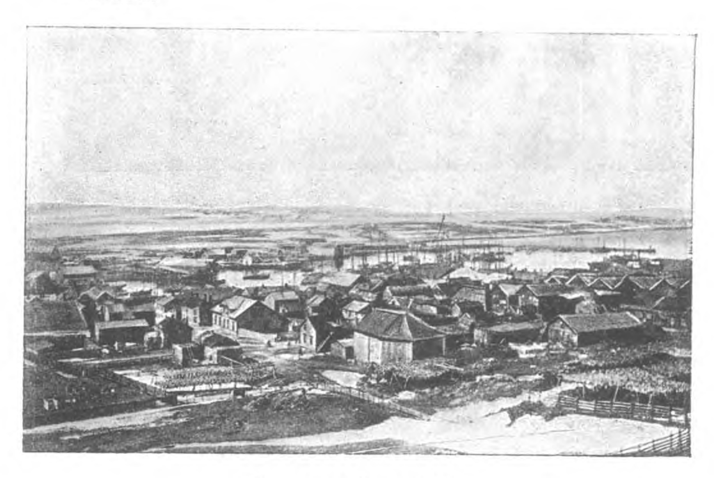
Городокъ весь во флагахъ. На церкви, на правительственныхъ учрежденіяхъ—всюду флаги.

— Что у васъ? Праздникъ? какого святого?

— Нѣтъ, праздника нѣтъ.

— Почему же флаги? государственный, гражданскій праздникъ?

— Нѣтъ.

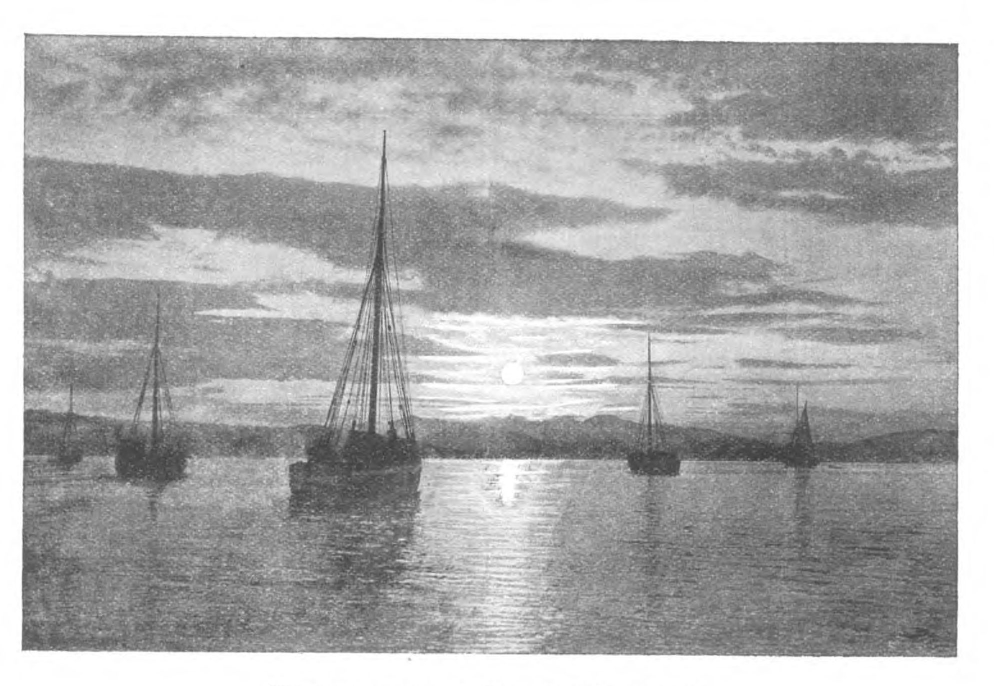
Окрестности Вардэ. Май.

— Почему же флаги?

— Двадцатипятилѣтіе свадьбы господина Свена Ольсена.

Чистыя, завитыя барышни моютъ чистые полы, умныя рыжія дѣти везутъ треску, какъ у насъ сѣно съ покоса, чинный лютеранскій епископъ смотритъ изъ фотографической витрины, бойко торгуютъ съ поморами мануфактурно-желѣзо-бакалейные магазины. Человѣкъ съ бородой ходитъ по городу и звонитъ въ колоколъ. Позвонитъ, позвонитъ—и что-то громко возглашаетъ. Подумаешь, онъ созываетъ народное собраніе. Граждане собираются, молча окружаютъ глашатая и слушаютъ, и съ важными лицами расходятся.

О чемъ онъ возглашалъ? Что случилось?

Полуночное солнце въ Норвегіи, надъ океаномъ.

Было вострублено и возглашено о послѣдней новости по части трески.

Чисто, чисто, а ѣсть нечего. Въ ресторанчикъ зашли.

— Дайте пообѣдать.

— Нельзя. Надо было раньше сказать.

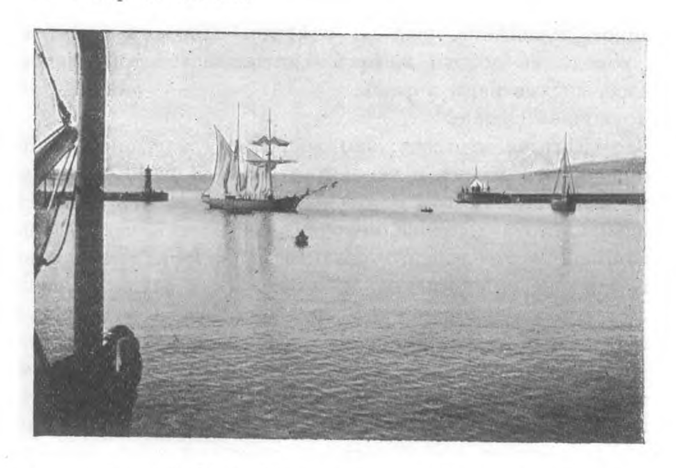
— Да вѣдь до обѣда еще долго. Успѣете.

— Надо было раньше. Теперь поздно.

Это въ половинѣ второго.

— Ну, завтракъ.

— Завтракъ съѣли.

У входа въ гавань Вардэ. Штиль на океанѣ. Снято въ 12 часовъ ночи, при полуночномъ солнцѣ.

Съ фотографіи В. В. Разевига.

— Ну, кофе.

— Кофе только утромъ.

Уѣзжаемъ къ себѣ на пароходъ обѣдать.

И вотъ подкрадывается ночь.

Солнце катится медленно и неохотно книзу. Между двумя молами, образующими входъ въ гавань, оно медлитъ, медлитъ—и клонится къ океану, изсиня-зеленому, нѣжному, потому что въ зелень Ледовитаго океана вмѣшивается сине-лазурная вѣточка теплаго Гольфстрема, но до глади океана солнцу еще такъ далеко.

Все тихо. Спятъ бѣлыя чайки. Спятъ чинные норвежцы. Не гудятъ пароходы. И вдругъ странно вспугиваютъ тишину

ночи,—ночи только потому, что у насъ, гдѣ-то въ Россіи, это время называется ночью,—знакомые русскіе звуки: гармоника визжитъ и заливается въ тоскѣ. Два парня-помора ѣдутъ въ карбасѣ, бѣлѣя на солнцѣ бѣлыми рубахами, и высокими тенорами выводятъ на всю гавань:

Россія, Россія, Россія моя,
Жаль мнѣ тебя!

Но проѣзжаетъ карбасъ, смолкаетъ гармоника, глохнутъ голоса—и безкрайняя тишь заснувшаго океана нетревожима больше ничѣмъ. Солнце, не уменьшаясь, такое же круглое и огромное, тускнѣетъ, уже не слѣпитъ плавкимъ золотомъ, уже холодѣетъ золото и, какъ застывшій золотой слитокъ, тяжелое, виситъ надъ моремъ.

Полночное солнце!

Оно свѣтитъ, не слѣпя; оно доступно глазу; оно кажется безконечно огромнымъ и непонятно легкимъ надъ воздушно-синей далью океана, гдѣ не отличишь воздуха отъ воды. Неподвижное, стоячее солнце, неподвижный блескъ, неподвижное великолѣпіе великолѣпнаго свѣтила. И вдругъ лучъ, только одинъ лучъ не выдерживаетъ неподвижности золотого диска и вылетаетъ огненной тонкой стрѣлой, ломаясь на куски въ сонно-дрожащей водѣ океана. За нимъ—другой, третій лучи,—и медленно, еле уловимо для глаза, уловимо только потому, что оно стояло между двухъ моловъ, солнце начинаетъ двигаться выше и выше, подниматься, восходя по лазурной невидимой лѣстницѣ, и что ни новый подъемъ, то новый свѣтъ, то новый вырвавшійся изъ золотого оцѣпенѣнія лучъ,—и вотъ оно все въ лучахъ, все въ алмазахъ, нестерпимыхъ, вновь опаляющихъ.

Въ огненной бахромѣ восходитъ оно въ высь неба и, наливаясь огнемъ, полыхая новымъ пламенемъ, пускаетъ по океану золотой ослѣпительный путь, устилаетъ океанъ золотой кованной парчей, сыплетъ пригоршнями золото всюду: на небо, на гранитъ, на бѣлый камень мола, на воду, на паруса, на людей, на спящихъ чаекъ.

Опять торжествующе слѣпитъ солнце. Солнечная полночь сіяетъ нестерпимо надъ сверкающимъ безпредѣльнымъ океаномъ—и милую, тихую смиренницу, убранную, какъ жертва, природу сѣвера вѣнчаетъ неописуемое, могучее, странное, великолѣпное—Полуночное Солнце!

С. Ледовитый океанъ.—Москва.—
Крюково. 1911—1912 г.

Краткій перечень русскихъ книгъ о Лапландіи и лопаряхъ:

Н. Н. Харузинъ. Русскіе лопари. Изслѣдованіе. М. 1890 г.

Д. Н. Бухаровъ. Поѣздка по Лапландіи. Изд. Имп. Русс. Географич. О-ва. СПБ. 1885 г.

Д. Н. Островскій. Лопари и ихъ преданія. Извѣстія Импер. Русск. Географич. Общ. 1889 г. вып. IV.

Н. Дергачевъ. Русская Лапландія. Статистич., географич. и этнографич. очерки. Архангельскъ. 1877 г.

А. Ященко. Нѣсколько словъ о Русской Лапландіи. „Этнографическое обозрѣніе". 1892 г. № 1.

Н. Кудрявцевъ. Кольскій полуостровъ. „Труды СПБ. Общества Естествоиспытателей". Т. XII. 1882 г.

Н. Кудрявцевъ. Орографическій характеръ Кольскаго полуострова. Труды СПБ. Общ. Естествоисп., т. XIV, вып. I 1883 г.

Г. Гебель. Наша сѣверо-западная окраина—Лапландія. „Русское Судоходство". 1904 г. № 10, 11, 12. 1905 г. № 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11.

Розоновъ. Лапландія и лапландцы. „Русское Судоходство". 1906, № 2, 3.

Г. Гебель. Матеріалы по орнитологіи Лапландіи и Соловецкихъ острововъ. Труды СПБ. Имп. Общ. Естествоиспыт., томъ XXXIII, вып. 2.

В. Гулевичъ. Русская Лапландія. Архангельскъ. 1891 г.

Б. Риппасъ. Отчетъ о поѣздкѣ на Кольскій полуостровъ лѣтомъ 1894 г. СПБ. 1895 г.

А. П. Энгельгардтъ. Русскій Сѣверъ. СПБ. 1897 г.

А. А. Мухинъ. О Мурманѣ и Лапландіи. Архангельскъ. 1910 г.

А. В. Елисѣевъ. По бѣлу свѣту. Томъ II. СПБ. 1895 г.

Г. Гебель. Къ вопросу о нашихъ правахъ на Лапландію. „Извѣстія Арх. Общ. Изученія Русс. Сѣвера", 1909 г. № 5.

Н. Пинегинъ. Изъ сказокъ Лапландіи. Тамъ же, 1910 г., № 17.

В. Визе. Лопарскіе сейды. Тамъ же, 1912 г. № 9 и 10.

В. Немировичъ-Данченко. Страна холода.

Вл. С. Соловьевъ. Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки. Главы IV—X—посвящены религіи лопарей. Соб. Соч., 2-е изд. 1912 г., томъ VI.

Лучшая изъ популярныхъ книжекъ о Лапландіи и лопаряхъ:

Вл. Львовъ. Русская Лапландія и русскіе лопари. 2 изд. М. 1912 г.